НАЧАЛО И ХАРАКТЕРЪ

ПУГАЧЕВЩИНЫ.

П. ЩЕБАЛЬСКАГО.

МОСКВА.

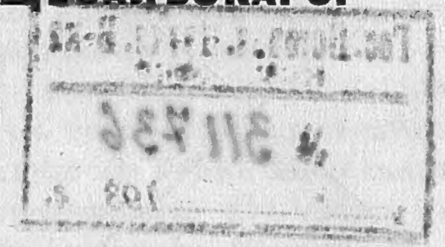
1865.

НАЧАЛО И ХАРАКТЕРЪ
ПУГАЧЕВЩИНЫ.

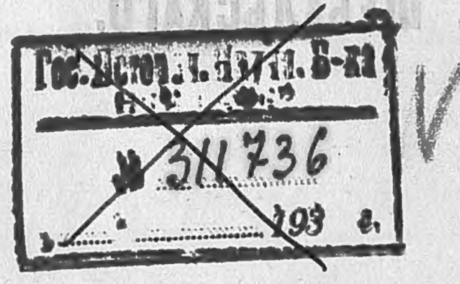
НАЧАЛО И ХАРАКТЕРЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

П. ЩЕБАЛЬСКАГО.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
(Катковъ и К°.)
1865.

Дозволено цензурой. Москва, 13-го мая 1865 года.

Начиная рѣчь о важномъ и любопытномъ событіи, называемомъ Пугачевщиной, я долженъ прежде всего предупредить тѣхъ изъ моихъ читателей, которые знакомы съ литературой этого эпизода, что они найдутъ въ моемъ изслѣдованіи очень мало новаго. Я имѣлъ передъ глазами весьма немного рукописныхъ документовъ и черпалъ главнѣйше изъ печатнаго. Мнѣ кажется, однакожь, что внимательный пересмотръ того что̀ хотя и сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ, но далеко не всѣмъ извѣстно, можетъ быть названъ дѣломъ не безполезнымъ. По числу расходящихся въ нашей публикѣ экземпляровъ *Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, въ которыхъ напечатано много любопытныхъ извѣстій о Пугачевѣ, я считаю себя въ правѣ думать, что значительная масса читателей знакома съ Пугачевщиной только по *Исторіи Пугачевскаго Бунта*. Можно сомнѣваться, чтобы даже и всѣ тѣ, которымъ не чужды извѣстія обнародованныя послѣ Пушкина, имѣли досугъ и охоту группировать и классифировать ихъ, задавать себѣ вопросы и искать на нихъ отвѣтовъ. Еслибы только новизна фактовъ составляла необходимое условіе исторической работы, то дѣло исторіи исчерпалось бы въ тотъ моментъ, когда были бы пересмотрѣны государственные и частные архивы. Мы видимъ, однакожь, что въ ту самую минуту, когда пишутся эти строки, издается сочиненіе объ

эпохѣ, письменные памятники которой уже переведены на бо́льшую часть европейскихъ языковъ, комментированы множествомъ европейскихъ ученыхъ и даже отчасти изучаемы въ школахъ, — и все-таки сотни тысячъ людей читаютъ новыя изслѣдованія о Цезарѣ.

Возбужденное Пугачевымъ движеніе принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ народныхъ движеній въ XVIII вѣкѣ; между тѣмъ мы имѣемъ о немъ лишь одно общее, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное сочиненіе— Пушкина. Но Пушкинъ не зналъ очень многаго, что̀ въ настоящее время опубликовано въ спеціальныхъ изданіяхъ; онъ не имѣлъ въ виду различныхъ явленій чисто-народной, не государственной жизни, соприкасавшихся съ Пугачевщиной и ее объясняющихъ; наконецъ, по условіямъ, въ которыхъ находилась печать въ тридцатыхъ годахъ, Пушкинъ не могъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, болѣе доступныхъ писателю нашего времени. И вотъ почему его весьма почтенный, впрочемъ, трудъ уже не удовлетворяетъ людей нашего времени. Они, конечно, въ правѣ желать бо́льшаго, нежели то что̀ я могу имъ дать; они въ правѣ желать исторіи Пугачевщины, основанной на несомнѣнныхъ, документальныхъ фактахъ, которые освѣтили бы всѣ темныя стороны этого дѣла; но откладывая всякое изслѣдованіе по этому предмету, до того времени пока всѣ труды судной и слѣдственныхъ коммиссій о Пугачевѣ будутъ обнародованы, оказали ли бы мы пользу русскимъ читателямъ? Едва ли. Можетъ-быть многое изъ того что̀ теперь мы рѣшаемся выдавать за вѣроятное, или даже достовѣрное, будетъ опровергнуто, но кое-что уже и теперь установлено на прочномъ основаніи. Не станемъ же скрывать и этого немногаго. Оно все-таки есть пріобрѣтеніе.

Наиболѣе любопытные документы, могущіе служить для разъясненія какъ характера и хода Пугачевщины, такъ и главнаго дѣйствующаго въ ней лица, изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ *Чтеніяхъ* котораго напечатаны: 1) *Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской секретной коммиссіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ* и пр. и 2) *Допросы Пугачеву въ отдѣльной секретной коммиссіи, что̀ въ Яицкомъ-Городкѣ*. Первый изъ этихъ любопытныхъ документовъ,

къ сожалѣнію, не имѣетъ конца и составленъ по показаніямъ только однихъ сообщниковъ Пугачева, во время самаго мятежа. Что же касается до втораго документа, то онъ въ высшей степени интересенъ и важенъ и, вмѣстѣ съ исторіей Пушкина, послужилъ главнымъ основаніемъ настоящему изслѣдованію. Затѣмъ, нѣсколько современныхъ записокъ, напечатанныхъ въ послѣднее время или же хотя и старыхъ, но большею частію забытыхъ, множество историческихъ статей, хотя и не относящихся прямо къ настоящему предмету, но объясняющихъ людей и дѣла того времени, и, наконецъ, *Полное Собраніе Законовъ*, — вотъ довольно обильный запасъ матеріяловъ, съ помощію которыхъ я постараюсь, по возможности, разгадать Пугачевщину.

I.

Появленіе Пугачева и страшные размѣры, какіе приняло возмущеніе, сильно поразило умы современниковъ. Что̀ за человѣкъ Пугачевъ? Откуда онъ взялся? Неужели въ самомъ дѣлѣ простой казакъ? Не скрывается ли за нимъ чей-нибудь тайной руки? Вотъ что̀ говорили не только въ Россіи, но и за границей. При первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, графъ А. Орловъ, находившійся въ то время въ Италіи, выразилъ увѣренность, что онъ агентъ Французскаго двора. Вольтеръ былъ недалекъ отъ подобной же увѣренности. Припоминая, что кавалеръ Тоттъ, одинъ изъ многочисленныхъ агентовъ, которыхъ разсылало французское правительство въ разныя стороны, находился въ это самое время между Буджакскими Татарами, Вольтеръ писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Вѣроятно, кавалеръ Тоттъ разыгрываетъ эту фарсу.“ Въ своемъ отвѣтѣ государыня въ свою очередь замѣчаетъ о Пугачевѣ: что *„до сихъ поръ* нѣтъ причины заключать о его сношеніяхъ съ заграничными правительствами.“ Значитъ, она сама считала возможнымъ такое предположеніе; она даже дѣлала на это намеки въ своихъ откровенныхъ разговорахъ, какъ это видно изъ *Записокъ* Храповицкаго. Изъ отрывковъ изъ слѣдствія надъ Пугачевымъ, дошедшихъ до насъ, мы ви-

димъ, что у него спрашивали, не находился ли онъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Онъ отвѣчалъ отрицательно; и дѣйствительно, пересмотрѣвъ переписку нашихъ посланниковъ при дворахъ: Прусскомъ (который императрица особенно подозрѣвала), Вѣнскомъ и Парижскомъ, мы не нашли ни малѣйшаго намека на сношенія ихъ съ Пугачевымъ. Нѣкоторые изъ этихъ дворовъ радовались нашимъ затрудненіямъ, начавшимся, какъ извѣстно, когда мы были въ разрывѣ и съ Польшей и съ Турціей, но чтобъ они *„выпустили“* Пугачева, на это нѣтъ доказательствъ.

Позднѣе, едва ли не въ близкое къ намъ время, составилось предположеніе: не былъ ли Пугачевъ орудіемъ партіи „недовольныхъ.“ Это предположеніе нигдѣ, впрочемъ, не было положительно формулировано, и на него лишь кое-гдѣ встрѣчаются намеки; поэтому и возражать на него затруднительно. Я коснусь далѣе этихъ намековъ, которыя мнѣ кажутся весьма мало основательными, но категорически опровергнуть ихъ не могу, не имѣя передъ глазами всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Прежде всего считаемъ не лишнимъ познакомиться съ положеніемъ края, въ которомъ явился самозванецъ, и въ которомъ въ продолженіе года свирѣпствовало страшное возстаніе.

Возмущеніе, начавшееся въ средѣ Яицкаго (Уральскаго) казачьяго войска, быстро сообщилось Оренбургскому краю, Башкиріи и Поволжью, или, употребляя нынѣшнія названія, изъ земли Уральскаго казачьяго войска, какъ главнаго своего центра, оно проникло чрезъ Оренбургскую губернію почти до Перми и Екатеринбурга, перешло за Каму, къ Волгѣ, въ губерніи: Самарскую, Астраханскую, Саратовскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую и доходило до Нижняго-Новгорода и границъ Владимірской губерніи въ одну сторону, а въ другую — проникло въ ближайшіе уѣзды Тобольской губерніи и начинало волновать кочевыхъ Киргизовъ. Это почти тотъ же театръ дѣйствія, на которомъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ разыгрались подвиги Стеньки Разина. Сближеніе не случайное! Должны же быть какія-нибудь причины тому, что именно эта мѣстность была два раза въ теченіе ста лѣтъ театромъ такихъ значительныхъ волненій, запечатлѣнныхъ противуобщественнымъ и противугосударственнымъ характеромъ! Изслѣдуемъ же эти причины.

Отличительная черта этого обширнаго края состоитъ въ

томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ большую примѣсь иновѣрческихъ и инородческихъ племенъ, и притомъ такихъ племенъ, которыя или еще были кочевниками, какъ Киргизы и Калмыки, или у которыхъ кочевой бытъ спорилъ еще съ осѣдлымъ, какъ у Башкиръ, или, наконецъ, которыя, подобно Татарамъ и Черемисамъ, хотя и достигли въ своемъ развитіи степени полной осѣдлости, но не свыклись еще съ формами гражданской жизни. Къ этому надо еще прибавить, что и самое русское населеніе этого края представляло особенности, благопріятствовавшія развитію между нимъ элементовъ броженія и безпорядка. Въ этомъ краѣ встрѣчаемъ въ большомъ размѣрѣ казачество,* въ то время еще повсюду протестовавшее противъ стѣсненія старинной казацкой вольницы; здѣсь же находимъ два важнѣйшихъ центра раскола, заключающаго въ самой сущности своей условія сопротивленія какъ вообще дѣйствіямъ правительства, утратившаго, по понятіямъ сектаторовъ, старинное православіе, такъ и формамъ жизни, слагавшейся въ обновленной, послѣ-Петровской Россіи. Всѣ эти особенности необходимо имѣть передъ собою, чтобъ ясно представить себѣ и вѣрно понять причины успѣховъ Пугачева.

Равнины, раскинувшіяся вдоль сѣверо-западнаго берега Каспійскаго моря, прикасаясь, съ одной стороны, къ степнымъ пространствамъ Средней Азіи, а съ другой—къ землямъ Затеречныхъ горцевъ, искони были, и до сего времени еще остаются, поприщемъ азіятскихъ кочевниковъ. Равнинная полоса земли, находящаяся между южными склонами Общаго Сырта и Каспійскимъ берегомъ, перерѣзываемая теченіемъ Урала (по старинному, Яикъ), была всегда открытымъ путемъ, которымъ кочевыя орды вторгались изъ глубины Азіи въ Европу. Этимъ путемъ пришли въ XVII вѣкѣ и Калмыки, и разсыпавшись по равнинамъ, разстилающимся вдоль низовьевъ Волги, оттѣснили отсюда Ногайцевъ къ Тереку. Они не затруднялись дать Московскому правительству *шертныя* записи, выставляли даже своихъ всадниковъ для усиленія ратей царя Ѳеодора Алексѣевича, воевавшаго противъ заднѣпровскихъ казаковъ и Турокъ, но въ то же время грабили пограничныя русскія поселенія и вели истребительныя войны съ другими

---

* Казаки яицкіе, оренбургскіе, астраханскіе и волжскіе.

кочевниками, напиравшими изъ-за Яика, съ Ногайцами и съ Закубанскими горцами, а ханы ихъ списывались съ Персидскимъ шахомъ, Крымскимъ ханомъ и даже Турецкимъ султаномъ, очевидно, не придавая большаго значенія своему подданству Русскому царю. Только астраханскому губернатору Волынскому, а еще болѣе Татищеву, въ царствованіе императрицы Анны, удалось дать имъ почувствовать дѣйствительность этого подчиненія и стать твердою ногой среди калмыцкихъ улусовъ, построеніемъ крѣпостей Ставрополя и Енотаевска. Но за то цѣлыя толпы ихъ стали уходить обратно за Яикъ, въ родную Азію, или за Кубань. * Въ царствованіе императрицы Елизаветы одна вѣтвь ханской фамиліи приняла св. крещеніе и обмѣнила свои кочевые улусы на вотчину въ одной изъ внутреннихъ русскихъ губерній; въ кочевьяхъ Калмыковъ явились русскіе пристава, и власть природныхъ владѣльцевъ начала дѣлаться болѣе номинальною чѣмъ дѣйствительною. Къ несчастію, управленіе русскихъ приставовъ, не имѣя за собою того авторитета, какимъ пользовались старинные ханскіе роды, мало отличалось отъ прежняго въ отношеніи самоуправства и злоупотребленій. Калмыки были уже настолько обезсилены, что не чувствовали себя въ состояніи дать отпоръ, но за то однажды поднялись съ своими стадами и кибитками и въ числѣ 169.000 человѣкъ откочевали за Уралъ (1771 г.).

Таково было одно изъ племенъ населявшихъ край, въ которомъ должна была разыграться Пугачевщина. Другое инородческое племя были Башкиры. Имъ принадлежала вся страна, которая лежала за Камой, и которой примѣрными границами можно назвать Екатеринбургъ съ одной стороны, а съ другой—среднее теченіе Урала,—страна частію лѣсистая и гористая, а частію степная. Въ эту Закамскую область русское народонаселеніе проникло еще въ XVI вѣкѣ, вслѣдъ за покореніемъ Казани. До истеченія этого вѣка въ Башкирской землѣ стояли уже русскіе городки, между прочими Уфа; въ слѣдующемъ столѣтіи построены Красноуфимскъ и городки и острожки Стро-

---

* *Татищевъ и его время*, *Исторія Пугач. бунта*. Примѣчаніе, извлеченное изъ сочиненій о. Іоакинфа Бичурина. По его свидѣтельству, до 100 т. изъ числа Калмыковъ, откочевавшихъ изъ Россіи, было истреблено другими кочевниками во время ихъ слѣдованія отъ русскихъ границъ до китайскихъ.

говыхъ по рѣкѣ Чусовой. Добровольные переселенцы начали прибывать въ этотъ край; въ немъ воздвиглось нѣсколько монастырей, между которыми громкую извѣстность имѣетъ Успенскій Далматовъ монастырь, основанный въ половинѣ XVII вѣка. Но главный приливъ русскаго народонаселенія въ Башкирскій край начался при Петрѣ Великомъ, когда въ немъ были предприняты казенные и частные рудокопные промыслы, и основанъ главный горнозаводскій центръ, Екатеринбургъ. Богатый естественными произведеніями, хотя и суровый климатомъ, Башкирскій край сильно тянулъ къ себѣ русскую колонизацію, и правительственную и частную. Но это постоянно увеличивающееся число русскихъ поселеній раздражало Башкиръ и было главною причиной волненій между ними, продолжавшихся почти безпрерывно во все XVIII столѣтіе. Присутствіе свое въ Башкиріи Русскіе должны были поддерживать силой, и вотъ почему мы замѣчаемъ здѣсь явленіе чрезвычайно рѣдкое въ нашей исторіи XVIII вѣка: разрѣшеніе, данное частнымъ лицамъ имѣть собственныя укрѣпленія съ орудіями, порохомъ, снарядами и гарнизонами. Демидову было дозволено возвести укрѣпленія въ его заводахъ—Суксунскомъ, Ревдинскомъ и Барнаульскомъ, * а Строгоновымъ въ ихъ Соликамскихъ и Чардинскихъ имѣніяхъ. ** Правительство, съ своей стороны, принимало энергическія мѣры къ утвержденію въ этомъ краѣ спокойствія. Чтобъ отдѣлаться отъ Киргизскихъ ордъ, съ которыми Башкиры то вели опустошительныя войны, то соединялись противъ Россіи, возведена была Оренбургская линія, начиная отъ верховьевъ Урала до границъ Уральскаго войска. Первымъ звеномъ этой цѣпи была крѣпость Орская, *** потомъ Сакмарскій городокъ и, наконецъ, цѣлый рядъ фортовъ и редутовъ. Съ другой стороны, чтобъ оградить отъ раззоренія русскія селенія, сосѣднія съ Башкирскою землей, вытянута была такъ - называемая Закамская линія, состоявшая изъ рядъ крѣпостей, фельдшанцовъ и редутовъ, расположенныхъ отъ Самары черезъ Бугурусланъ по на-

---

* П. С. З. № 8 444

** П. С. З. № 5.248.

*** Она названа была первоначально Оренбургомъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ это имя было перенесено на другое мѣсто, гдѣ сосредоточилось главное управленіе краемъ. (П. С. З. № 7876).

правленію къ Мензелинску. Вдоль этой линіи поселены были при императрицѣ Аннѣ большія слободы изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ и изъ охотниковъ, всякаго званія, * и, наконецъ, дозволено было частнымъ людямъ покупать земли у Башкиръ, **—дозволеніе, которымъ они, какъ извѣстно, широко воспользовались.

Такое сильное вторженіе русскаго элемента въ Башкирію произвело, какъ сказано, въ ней волненія, которыя почти не прекращались во все продолженіе XVIII вѣка. Возстаніе началось въ 1704 году, и нѣсколько разъ то прекращалось, то возобновлялось въ царствованіе Петра I; съ построеніемъ Орской крѣпости, въ 1735 году, оно возобновилось, продолжалось до 1742 и, наконецъ, вспыхнуло снова черезъ 13 лѣтъ. Видя, наконецъ, невозможность идти противъ этой силы, со всѣхъ сторонъ ихъ обхватывавшей и сжимавшей, Башкиры, подобно Калмыкамъ, рѣшились бѣжать и ушли въ числѣ 50.000 человѣкъ за Уралъ, къ Киргизамъ. ***

Таковы были глубокія потрясенія, сопровождавшія утвержденіе нашего владычества на нижнемъ Поволжьи и въ Приуральскомъ краѣ. Они простерлись и въ Заяицкія степи. Изъ числа трехъ кочевавшихъ въ нихъ Киргизскихъ ордъ, двѣ признали владычество Россіи въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Но, разумѣется, ихъ подданство было вначалѣ еще болѣе номинальное чѣмъ подданство Калмыковъ или Башкиръ, такъ какъ утвердить надъ ними власть было мудренѣе, а окружить ихъ кочевья линіей фортовъ не было никакой возможности: позади ихъ была степь, простиравшаяся до границъ Бухары и Китая. Они обязались охранять нашу границу отъ другихъ кочевниковъ, и обязательство это дѣйствительно исполняли, но за то сами безпрестанно врывались то къ Башкирамъ, то къ волжскимъ Калмыкамъ,—особливо къ послѣднимъ. Иногда яицкимъ казакамъ случалось отражать ихъ набѣги, но въ такомъ случаѣ они выжидали зимы, и мимо устьевъ Яика, по льду, Каспійскимъ моремъ, пробира-

---

* П. С. З. №№ 6.889, 7.315, 7.727; направленіе этой линіи означено въ *Обозрѣніи Оренбургскаго края* г. Жуковскаго.

** П. С. З. №№ 6.887. 6.890,

*** *Описаніе Киргизъ-Кайсайцкихъ ордъ и степей*, Левшина.

лись въ кочевья Калмыковъ, уводили въ плѣнъ цѣлые улусы и угоняли стада. *

Излишне было бы говорить о прочихъ инородцахъ, обитавшихъ на луговой (лѣвой), а частію и на нагорной сторонѣ Волги, по Камѣ и за Камой. Мещеряки, Тептери, Черемисы, наконецъ Татары, разбросанные по всему Поволжью, хотя издавна жили осѣдло, но огромное ихъ большинство еще не были христіянами; не далѣе какъ за тридцать лѣтъ передъ событіемъ, къ которому приступаемъ, Мордва одной изъ деревень въ окрестностяхъ Арзамаса,—города, отстоящаго отъ Москвы съ небольшимъ 400 верстъ, — отступилась отъ язычества: ** это одно можетъ дать понятіе о томъ, какая густая тьма лежала въ этомъ краѣ лѣтъ сто тому назадъ, тѣмъ болѣе что, какъ сказано, и собственно-русское народонаселеніе въ немъ отличалось многими особенностями, враждебными правильнымъ формамъ гражданственности. Одна изъ главныхъ особенностей края, въ которомъ разыгралась Пугачевщина,—это находящіеся въ ней горные заводы съ прикрѣпленными къ нимъ горнозаводскими крестьянами. Этотъ видъ крѣпостнаго права былъ, повидимому, не самый легкій; работа, на которую опредѣлено было горнозаводское населеніе, едва ли не тяжелѣе полевой, и во всякомъ случаѣ она менѣе привычна русскому крестьянину, земледѣльцу по преимуществу. Если же къ этому прибавить, что заводы управлялись не самими владѣльцами, а наемниками, и преимущественно иностранцами, которые, сверхъ суровости, въ то время обыкновенной, вносили въ свои отношенія къ рабочему люду вовсе не скрываемое къ нему презрѣніе, то будетъ не трудно понять причины весьма нерѣдкихъ случаевъ неповиновенія и даже явнаго возмущенія со стороны заводскихъ крестьянъ. Такіе случаи стали особенно часто повторяться съ тѣхъ поръ, какъ часть казенныхъ заводовъ перешла, при императрицѣ Елизаветѣ, въ руки частныхъ людей,—Шуваловыхъ, Ягужинскихъ, Чернышевыхъ и др.; это засвидѣтельствовано формальнымъ слѣдствіемъ. *** На многихъ изъ этихъ заводовъ пріостановились

---

* *Опис. Киргизъ-Кайс. ордъ.*

** *Ист. рус. церкви*, IV. 21.

*** *Рус. Вѣстн.* 1861 г. „Тысяча семьсотъ шестьдесятъ седьмой годъ“, Соловьева.

работы и нерѣдко приходилось прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы возстановить порядокъ и повиновеніе. При Петрѣ III оказалось нужнымъ послать на заводы особыя военныя команды,* которымъ пришлось преодолѣвать открытое сопротивленіе. По вступленіи на престолъ Екатерины II, оно еще болѣе усилилось. Къ этому подало поводъ распоряженіе Екатерины, сдѣланное въ отмѣну указа Петра III о монастырскихъ и церковныхъ имуществахъ. Петръ III, какъ извѣстно, отнялъ у духовенства управленіе этими имѣніями, подчинилъ ихъ коллегіи экономіи, обложилъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ рублевымъ оброкомъ, но за то отдалъ имъ всю пахатную землю, а затѣмъ остальныя земли и угодья монастырскія обратилъ въ арендныя статьи. Всѣ эти доходы должна была получать коллегія экономіи и изъ нихъ производить денежные и хлѣбные отпуски на содержаніе монастырей и церквей. Указъ Петра III произвелъ въ высшемъ духовенствѣ большое раздраженіе противъ императора, не очень симпатичнаго духовному сословію и прежде того. Екатерина поспѣшила отмѣнить или, точнѣе, видоизмѣнить этотъ указъ, и назначила особую коммиссію, составленную изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, для того чтобъ опредѣлить порядокъ управленія монастырскими имѣніями. Этой коммиссіи, инструкціей ей данною,** повелѣвалось составить родъ инвентарей и ревизскихъ сказокъ по всѣмъ монастырскимъ и церковнымъ имѣніямъ, и распредѣлить кому изъ крестьянъ быть на оброкѣ и кому „на земледѣліи.“ Сопоставленіе земледѣлія съ оброчною повинностію заставляетъ предполагать, что подъ первымъ изъ этихъ названій надо подразумѣвать барщину. Вѣроятно то же самое разумѣли и тѣ, до которыхъ главнѣйше касался указъ. Поэтому крестьяне во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ вотчинахъ Далматова монастыря, произвели сильныя волненія, которыя приходилось подавлять съ помощію военной силы. Повидимому, горнозаводскіе крестьяне примѣняли и къ себѣ силу указовъ о монастырскихъ и церковныхъ имуществахъ; указъ 1762 года произвелъ броженіе и между ними. По современнымъ извѣстіямъ, въ Петербургѣ находился въ это время какой-то крестьянинъ изъ числа заводскихъ, который, толкуя этотъ указъ по своему, и

* *Записки о жизни и службѣ Бибикова, стр. 44 и слѣд.*

** *Полн. Собр. Зак.* № 11.716.

высылая къ своимъ землякамъ измѣненные и поддѣланные его экземпляры, произвелъ всеобщее смущеніе, а одинъ церковнослужитель, разъѣзжая по заводамъ, своими рѣчами усиливалъ раздраженіе. Императрица послала генералъ-квартирмейстера, князя Вяземскаго, чтобы разобрать это дѣло и привести крестьянъ къ повиновенію. Вяземскій успѣлъ открыть причины зла, заключавшіяся главнѣйше въ злоупотребленіяхъ со стороны начальствующихъ лицъ, но прекратить его не успѣлъ, будучи назначенъ въ должность генералъ-прокурора. Тогда на его мѣсто былъ отправленъ А. И. Бибиковъ, еще молодой генералъ-майоръ и почти молодой еще человѣкъ, но извѣстный уже какъ блестящій военный офицеръ и смѣлый защитникъ страждущихъ. * Полагаясь еще болѣе на силу убѣжденія нежели на могущество штыковъ, онъ самъ лично отправился на заводы и въ продолженіе года умиротворилъ край, подвергнувъ однакожь 20 человѣкъ ссылкѣ на каторгу, остальныхъ же, наиболѣе виновныхъ, 100 человѣкъ, „по легкомъ наказаніи,“ отпустилъ по домамъ.

Какъ бы ни были, однакожь, искусны дѣйствія Бибикова, нельзя, впрочемъ, думать, чтобъ онъ вырвалъ самый корень зла; онъ не прекратилъ, да и не могъ прекратить обязательныхъ работъ, и безъ сомнѣнія, не могъ искоренить смутной увѣренности крестьянъ въ томъ, что есть вокругъ престола люди, препятствующіе прекращенію обязательныхъ работъ. Эта увѣренность жила въ глубинѣ народной массы до нашихъ дней, и едва ли она не сильнѣе въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ гнѣздился расколъ, — а онъ былъ силенъ и на заводахъ, и во всемъ томъ краѣ, гдѣ развернулось движеніе, возбужденное Пугачевымъ. Въ этомъ краѣ было два великихъ центра раскола: въ Нижегородской губерніи и на Иргизѣ. Въ нижегородскихъ Керженскихъ лѣсахъ онъ прію-

* Онъ былъ назначенъ на мѣсто князя Вяземскаго въ 1763 году; ему было тогда 34 года. Передъ этимъ онъ былъ посылаемъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось подъ присмотромъ семейство принца Антона Браунштейгскаго, для того чтобъ увѣрить его въ желаніи императрицы облегчить, но постепенно, участь этого несчастнаго семейства, а самому же принцу сдѣлать предложеніе отправиться за границу. Возвратясь, Бибиковъ явился горячимъ, даже слишкомъ горячимъ заступникомъ заключенныхъ, какъ показалось императрицѣ, и былъ ею холодно принятъ.

тился съ самыхъ первыхъ дней своего существованія, и уже при Петрѣ I насчитывалъ тамъ десятки тысячъ своихъ приверженцевъ; * на Иргизѣ, протекающемъ по нынѣшнимъ Оренбургской и Самарской губерніямъ, онъ явился позже; въ началѣ XVIII вѣка тамъ поселилось только 60 человѣкъ; но въ короткое время число переселенцевъ-раскольниковъ возросло до большихъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возросла слава тамошняго Успенскаго монастыря, извѣстность и вліяніе котораго едва ли уступали знаменитымъ скитамъ Выгорецкому и Вѣтковскому. „Удалятися и бѣгати надобно намъ въ антихристово время,“ восклицали раскольничьи учители, и толпы народа нахлынули на пустынные берега Иргиза, Сакмары, Узени и др. Сюда же бѣжали крѣпостные холопы казанскихъ и симбирскихъ помѣщиковъ, солдаты, покидавшіе знамена, люди суевѣрно страшившіеся ревизіи; всѣ они уходили и приставали къ расколу. Эта эмиграція, сдѣлавшись въ самомъ дѣлѣ серіознымъ общественнымъ движеніемъ, облеклась какимъ-то таинственно-легендарнымъ покровомъ. Въ народѣ распространился слухъ, что первые бѣглецы въ низовое Заволжье, „порывъ землянки, живутъ тамъ счастливо и принимать будутъ впредь всѣхъ прихожихъ людей;“ что тамъ будто бы опредѣленъ какой-то майоръ Порубучъ, который обязанъ пещись о нихъ, и слухъ этотъ пользовался такимъ довѣріемъ, что толпы крестьянъ открыто дѣлали приготовленія къ выходу за Волгу изъ ближайшихъ губерній.

Между этими двумя крайними и, такъ-сказать, опорными точками раскола,—нижегородскими и иргизскими скитами,—по всему Поволжью нить его тянется непрерывно чрезъ Казанскую и Симбирскую губерніи; далѣе, отъ Иргиза, онъ пустилъ отъ себя сильный отпрыскъ къ сѣверу, внутрь заводскаго управленія; еще Татищевъ, начальствовавшій здѣсь въ царствованіе императрицы Анны, доносилъ, что „раскольниковъ въ тѣхъ мѣстахъ умножилось, а наипаче что на партикулярныхъ заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ прикащики едва не всѣ, да и сами промышленники нѣкоторые—раскольники... и если оныхъ выслать, то, конечно, имъ заводовъ содержать нечѣмъ, и въ заводахъ Ея Императорскаго Величества будетъ не безъ вреда.... у Демидова въ лѣсу есть пустынь, гдѣ корень онаго суевѣрія на-

* *Русскій расколъ старообрядчества*, **Щапова.**

ходится.“ Наконецъ, отпрыскъ раскола направился и въ противуположную сторону,—внизъ по Яику: „всѣ яицкіе казаки ревностные подражатели расколу,“ читаемъ мы въ одномъ официальномъ документѣ, современномъ Пугачевскому бунту. То же самое можно было бы сказать и о казакахъ Волжскаго войска, образованнаго изъ переселенцевъ съ Дона, когда опасность со стороны Калмыковъ заставила устроить такъ-называемую Царицынскую линію, при императрицѣ Аннѣ. * Это войско было, впрочемъ, малочисленно и существовало не долго, ** а потому мы не остановимся на немъ, равно какъ и на Астраханскомъ войскѣ, а перейдемъ прямо къ Яицкому.

Яицкіе казаки съ XVI-го вѣка занимаютъ правый берегъ Урала, *** отъ того мѣста, гдѣ эта рѣка, покинувъ лѣсистые холмы, которыми оканчивается Уральскій хребетъ съ южной стороны, круто поворачиваетъ къ югу и почти прямою линіей несется къ Каспійскому морю. Выходцы Донскаго казачьяго войска принесли на новыя занятыя ими мѣста старинныя казачьи преданія, и въ теченіе слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ жили здѣсь *по-старинѣ*, не чувствуя надъ собою никакой власти, не ощущая никакой зависимости отъ кого бы то ни было и связанные съ остальною Россіей только единствомъ языка и вѣры. Ни мало не стѣсняясь отношеніями къ политикѣ Московскаго двора, они грабили персидскіе суда на Каспійскомъ морѣ и проникали въ Хиву задолго до извѣстной экспедиціи Бековича. Мѣстныя преданія свидѣтельствуютъ, что чувство племенной связи, сознаніе родственности съ Московскимъ царствомъ никогда не изглаживались между яицкими казаками; память о всѣхъ важныхъ моментахъ нашей исторіи, отъ Куликовской до Полтавской битвъ, жила между ними, и облеклась въ эпическія формы далеко не лишеннаго поэзіи эпоса. **** Но здѣшнее казачество, какъ и прочія, было несовмѣстимо съ условіями крѣпкой монархіи, складывавшейся

---

* *П. С. З.* № 5.824. 6007.

** Послѣ Пугачевщины оно было перенесено на Терекъ и сдѣлалось ядромъ моздокскихъ и наурскихъ казаковъ.

*** *Ист. и стат. обозр. Уральскихъ казаковъ,* Левшина. Въ 1723 г., по повелѣнію Петра I, яицкимъ казакамъ учинена была перепись, причемъ оказалось всѣхъ казаковъ, состоящихъ на службѣ, 3.196.

**** Преданія уральскихъ казаковъ (*Русск. Вѣст.* 1859 г.)

въ Московскомъ царствѣ съ идеей государственнаго порядка, положенной въ его основаніе. Казачество, когда оно было тѣснимо съ другихъ сторонъ, охотно льнуло къ Москвѣ, но слиться съ нею не желало; такъ, на Яикѣ, будучи устранено отъ непріязненныхъ внѣшнихъ вліяній, оно, такъ-сказать, осторожно сторонилось отъ Москвы, и тѣмъ крѣпче держалось своихъ особенностей, чѣмъ замѣтнѣе были перемѣны, совершавшіяся въ Московскомъ государствѣ. Вѣка протекшіе до Петрова царствованія можно назвать патріархальною, или пожалуй, богатырскою эпохой Яицкаго войска. Преданія, сохранившіяся отъ этихъ временъ, пахнутъ какою-то самобытною, душистою поэзіей; это поэзія юношескаго возраста, за которымъ, однакожь, неминуемо должна была послѣдовать возмужалость, съ ея серіозными, строгими интересами. Духъ преобразованія коснулся и яицкихъ казаковъ, и хотя несравненно слабѣе чѣмъ прочихъ частей Россіи, но настолько, однакожь, что возбудилъ противъ себя глухую, непріязненную оппозицію. Между ними учинена была въ 1723 г. перепись,—дѣло возбуждавшее и въ другихъ мѣстностяхъ большое неудовольствіе; вмѣсто выборныхъ атамановъ, Петръ I назначилъ атамана по своему усмотрѣнію; при императрицѣ Аннѣ сдѣланы были попытки ввести въ управленіе войскомъ письменность и шнуровыя книги для войсковыхъ суммъ. * Все это сильно не нравилось казакамъ. Въ то же время раскольничьи скиты на Иргизѣ начали быстро населяться людьми, бѣжавшими не столько отъ религіозныхъ гоненій (которые были несравненно слабѣе при Петрѣ чѣмъ при его предшественникахъ), сколько отъ нововведеній, отвергаемыхъ духомъ старообрядчества. Яицкіе казаки, державшіеся стараго закона, меньше нежели кто-нибудь могли жаловаться, чтобъ имъ чинились насилія съ этой стороны; будучи, какъ они говорили, „пожалованы отъ царя Михаила крестомъ и бородой," они оставались при бородѣ и при старообрядческомъ крестѣ; но между ними, такъ же какъ и между другими казацкими войсками, ходила молва, что правительство хочетъ обратить всѣхъ казаковъ въ солдатъ и обучать ихъ драгунскому строю. Но если между донскими и украинскими казаками всякое прикосновеніе къ ихъ стариннымъ бытовымъ особенностямъ произво-

* *Ист. обозр.*, Левшина.

дило раздраженіе, то тѣмъ сильнѣе оно должно было обнаруживаться въ средѣ населенія, отдѣленнаго отъ европейскихъ формъ жизни степями и пустынями, окруженнаго кочевыми народами, дикій бытъ которыхъ не могъ не отражаться до нѣкоторой степени и на нихъ. Въ то время когда Россія вступила уже въ непосредственную связь съ Европой, и когда всѣ силы ея. сплоченныя и совокупленныя, напряжены были для разрѣшенія, вмѣстѣ съ другими странами, задачъ всемірной исторіи, яицкіе казаки желали бы оставаться относительно Русской Имперіи въ положеніи ея добрыхъ друзей, ограждающихъ ея предѣлы отъ азіятскихъ кочевниковъ, но непричастныхъ совершающемуся въ ея судьбахъ и бытѣ перевороту.

Таково было Волжское Низовье и вообще весь этотъ край, присоединенный къ Россіи послѣ паденія Казани. Это былъ край, можно сказать, юный; гражданственность едва начинала проникать въ него; въ немъ были еще могущественны дикія силы; его инстинкты были необузданны; Азія преобладала еще въ немъ надъ Европой. Онъ считался „воровскимъ краемъ“ даже въ тѣ времена, когда, какъ напримѣръ, при императрицѣ Аннѣ, подъ Москвой и Петербургомъ разбои производились явно, вооруженныя шайки нападали на подмосковныя усадьбы, и воинскія команды должны были конвоировать проѣзжающихъ между обѣими столицами. * Волга сохранила въ этомъ отношеніи неоспоримое первенство. Одною изъ главныхъ цѣлей при учрежденіи Волжскаго казачьяго войска было охраненіе коммерціи и судоходства по Волгѣ; однакожь, его присутствіе приносило немного пользы, и подтвержденія о поимкѣ разбойниковъ и грабителей продолжаются до конца XVIII вѣка. Въ 1744 году, при слѣдованіи по Волгѣ китайскаго каравана, на него нападали даже по сю сторону Казани. Караванъ отбивался отъ разбойниковъ пушками, и насчиталъ на своемъ пути болѣе 50 разграбленныхъ судовъ. Вслѣдствіе этого, въ самомъ дѣлѣ, скандалезнаго случая, въ низовые города, на Волгу и Каму, посланы были особо-назначенные штабъ-офицеры; команды, имъ ввѣренныя, должны были разъѣзжать сухимъ путемъ и водою, пѣше и конно. Призывались самыя народонаселенія для искорененія разбоя, увѣщавались, чтобы не дава-

---

* *Пол. Собр. Зак.* № 6.772 и 6.781 и мн. др.

ли пріюта бродягамъ, а за завѣдомое пристанодержательство имъ угрожалось смертною казнію. Въ инструкціи, данной *сыщикамъ*, они предупреждались, что могутъ имѣть „бои“, а „буде же воровскія станицы явятся гораздо многолюдны, то въ прибавку къ своей командѣ брать изъ мѣстныхъ командъ помѣщичьихъ людей.* Въ 1756 году сыскное дѣло было организовано на широкую ногу; всѣ прежде отправленные сыщики были подчинены главнымъ, въ распоряженіе которыхъ отведены извѣстные районы.** Но разбойничество продолжалось и не уничтожилось даже въ царствованіе Екатерины II. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства могли еще усилить его. Писатель, спеціально занимавшійся воровскими и разбойными дѣлами, г. Мордовцевъ, полагаетъ, и кажется не безъ основанія, что энергическія мѣры, принятыя противъ гайдамачины на Украйнѣ и въ Запорожьи (1768), и послѣдствія моровой язвы въ Москвѣ увеличили на Низу число буйныхъ головъ. Большое передвиженіе началось, говоритъ онъ, послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: получивъ сильный отпоръ за Днѣпромъ, они разсыпались по всей южной и восточной половинѣ Россіи *съ ножомъ за голенищемъ.**** Дѣйствительно, въ семидесятыхъ годахъ, передъ Пугачевщиной и спустя нѣсколько лѣтъ по ея усмиреніи, на Волгѣ, Иловлѣ, Бузулукѣ, появляется цѣлая масса знаменитыхъ разбойничьихъ атамановъ, каковы: Ивановъ, Кулага, Брагинъ, Зубакинъ, Заметаевъ, Сучковъ, Южаниковъ, Тарелкинъ и др. Шайки этихъ отважныхъ злодѣевъ, говоритъ названный нами изслѣдователь, состояли изъ многихъ десятковъ человѣкъ и вербовались изъ лицъ всевозможныхъ состояній: казаковъ, Малороссіянъ, бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ; косвенно къ нимъ нерѣдко принадлежали помѣщики, духовенство и чиновники. „Разбойничьи станы этихъ шаекъ находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Иловлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ *воровской совѣтъ* гдѣ-нибудь за 300—400 верстъ оттуда.“ Какъ многочисленны были разбойничьи шайки, и изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ онѣ составлялись, видно изъ того,

---

* *П. С. З.* № 10.650.

** *П. С. З.* № 9.025.

*** Атаманъ Брагинъ и пр. (*Рус. Вѣст.* 1862 г.).

что одна изъ воинскихъ командъ, направленныхъ противъ разбойниковъ въ описываемое нами время, захватила 86 человѣкъ, изъ которыхъ было три попа, одинъ дьяконъ, три церковника, четыре рекрута, десять однодворцевъ и шестьдесятъ пять крестьянъ. Весьма нерѣдко, при Екатеринѣ, какъ и при Аннѣ Іоанновнѣ, сами воинскія команды подвергались нападеніямъ со стороны разбойниковъ. Такъ въ 1770 году плылъ по Волгѣ сержантъ Дрезягинъ съ нѣсколькими солдатами; на нихъ напала лодка съ разбойниками, человѣкъ до двадцати, и вступила въ открытый бой. *

Таковъ, вообще говоря, былъ характеръ занимающей насъ мѣстности. Къ этому прибавимъ еще одно замѣчаніе. Одна изъ самыхъ выдающихся особенностей края, въ которомъ разыгралась Пугачевщина,—или, по крайней мѣрѣ, гдѣ она возникла и развернулась,—состоитъ въ отсутствіи образованнаго, вліятельнаго и консервативнаго элемента. Въ самомъ дѣлѣ, дворянство начало проникать за Каму и Волгу лишь около половины XVIII вѣка, да и теперь въ этомъ краѣ есть мѣстности (Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи), гдѣ дворянства нѣтъ вовсе, и гдѣ на два уѣзда одинъ, общій обоимъ, предводитель дворянства. Поэтому, населеніе края, гдѣ первоначально возникло возмущеніе, представляло массу доступную постороннимъ вліяніямъ, матеріалъ удобный для демагогическаго движенія, какимъ была Пугачевщина. Перейдя на правый берегъ Камы, она встрѣтила сильную поддержку со стороны крѣпостныхъ крестьянъ,—это несомнѣнно,—и даже развернулась здѣсь съ удвоенною свирѣпостію; но она едва ли была бы въ состояніи возникнуть съ такою же легкостію въ другой какой-нибудь мѣстности, гдѣ встрѣтила бы частыя помѣщичьи усадьбы, съ какою возникла въ томъ краѣ, гдѣ руководителями массы были башкирскіе старшины, казачьи урядники и раскольничьи начетчики.

Что касается собственно до Земли Яицкаго войска, то въ ней заключались особливые и весьма важные элементы для будущихъ успѣховъ самозванца. Главное богатство казаковъ состояло въ рыбномъ про-

---

* „Понизовая вольница“ (*Рус. Слово* 1860).

мыслѣ на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ; подобно тому какъ земля съ ея плодами, степь съ ея разнообразною дичью, воды рѣчныя и морскія были собственностью и достояніемъ всего войска, всей казачьей общины; зимою и лѣтомъ, на морѣ и на рѣкѣ, гдѣ бы и когда бы ни производилась ловля, она производилась всѣмъ обществомъ, по распоряженію войсковой канцеляріи и подъ предводительствомъ особо назначаемаго на этотъ случай атамана. Самыя важныя изъ этихъ ловль суть *багренье*, производимое во второй половинѣ декабря, посредствомъ багровъ, опускаемыхъ въ проруби, и *плавни*, весенняя и осенняя; первая изъ нихъ начиналась тотчасъ по вскрытіи Урала, въ апрѣлѣ, а вторая—съ 1-го октября. * Почитая Уралъ своею собственностію, казаки придумали средство монополизировать заключающуюся въ ней рыбу: такъ какъ она въ эту рѣку заходитъ изъ моря, то они сдѣлали, еще въ весьма давнія времена, у Яицкаго-Городка (Уральска), крайняго пункта своихъ владѣній къ сѣверу, заколъ или *учугъ*, который не пропускаетъ рыбу подниматься выше, къ границамъ Башкиріи. Рыба спиралась въ этомъ мѣстѣ въ такомъ множествѣ, разказывали Пушкину уральскіе старожилы, что учугъ иногда ломался отъ ея напора, и ее принуждены бывали разгонять пушечными выстрѣлами. Но подобный же учугъ былъ сдѣланъ казною ниже Яицкаго-Городка, у Гурьева, отчего естественно потерпѣлъ рыбный промыселъ казаковъ. ** По ходатайству ихъ, Петръ Первый приказалъ разобрать Гурьевскій учугъ на восемь саженъ отъ каждаго берега, и рыба опять пошла въ дачи Яицкаго войска. Въ послѣдствіи оно взяло на себя откупъ Гурьевскаго учуга за 5.600 рублей въ годъ; этотъ учугъ былъ тогда снятъ, и весь рыбный промыселъ на нижнемъ Яикѣ сдѣлался собственностію войска, а арендная плата взималась съ казаковъ по раскладкѣ. Это подало поводъ къ злоупотребленіямъ. Войсковые старшины, которые дѣлали раскладку, дѣлали ее такъ что вмѣсто 5.600 рублей собирали тысячъ до двадцати. Было еще и другое предпріятіе, производившееся, такъ же какъ и предшествую-

---

* *Ист. Пугач. бунта. Примѣч.*

** *Чт.* въ общ. ист. и др. 1859. Выписка и пр.

щее, всѣмъ обществомъ и подавшее поводъ къ неудовольствію: взятъ былъ на откупъ соляной сборъ съ отвозной рыбы, распоряженіе которымъ поручено было атаману. Вотъ эти-то промышленныя предпріятія и произвели нескончаемыя ссоры между старшинами и остальными казаками. Еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка между ними происходили самыя ожесточенныя пререканія. Главнымъ противникомъ атамана (Меркульева) и его пособниковъ былъ старшина Логиновъ, про котораго и самого ходили не совсѣмъ выгодные слухи: говорили, что онъ сдѣлался врагомъ атамана, потому что тотъ не подѣлился съ нимъ своими барышами... * Какъ бы, впрочемъ, ни было, только Логиновъ является главой оппозиціи или „войсковой стороны" противъ „старшинской." Дѣло восходило до военной коллегіи, которая въ 1740 году рѣшила споръ въ пользу войсковой стороны; Меркульевъ былъ смѣщенъ, хотя огромные, взведенные на него начеты и велѣно было съ него не взыскивать „за службы отца его, такожь и его показанныя извѣстныя вѣрности."

Такимъ рѣшеніемъ, конечно, казаки не могли вполнѣ удовольствоваться. Видя что дѣло ихъ принимаетъ въ Петербургѣ не совсѣмъ хорошее направленіе, они отправили было отъ всего войска депутацію, но она была задержана и посажена подъ караулъ Татищевымъ, управлявшимъ тогда Оренбургскою губерніей. Антагонизмъ между казаками продолжался и при послѣдующихъ атаманахъ, между прочимъ, и при Бородинѣ, который былъ атаманомъ въ описываемое нами время, то-есть передъ появленіемъ Пугачева: старшины грабили казаковъ, казаки оказали неповиновеніе и произвели безпорядки. „Вотъ, говоритъ одно офиціальное извѣстіе, самая начальная причина, отъ которой напослѣдокъ проистекли великіе раздоры и неустройства!"—„Не давайте старшинамъ денегъ, когда станутъ требовать по раскладкѣ за откупа, говорилъ Логиновъ; пусть прежде отчетъ дадутъ за прежнее время!"

Войско послушалось его и не дало денегъ, а старшины, въ свою очередь, не дали войску жалованья и представили военной коллегіи, что казаки бунтуютъ. Подобное представ-

---

* *Чтен.* 1859, а также П. С. З. № 8.215.

леніе весьма естественно требовало назначеніе слѣдствія, и оно было назначено (1766). Присланный для этого генералъ Потаповъ, во главѣ коммиссіи состоявшей изъ пяти лицъ, представилъ дѣло въ свѣтѣ неблагопріятномъ для войсковаго начальства: на старшинъ наложенъ штрафъ, и велѣно взыскать съ нихъ удержанное ими жалованье, лишить ихъ старшинскаго достоинства и ни въ какіе выборы впредь не выбирать, чѣмъ войсковые казаки вообще остались довольны, хотя нѣкоторые и съ ихъ стороны за лживые доносы были наказаны. Но, замѣчаетъ офиціальный актъ, которымъ мы руководствуемся, все то что̀ касалось въ этой конфирмаціи до простыхъ казаковъ было исполнено очень скоро, между тѣмъ какъ то что̀ касалось до старшинъ не только не было исполнено, но майоръ Новокрещеновъ, которому было поручено исполненіе конфирмаціи, вовсе даже и не объявилъ войску этой второй ея половины. Казаки требовали, чтобъ имъ была прочтена вся конфирмація; Новокрещеновъ сказалъ имъ, чтобъ они пришли къ нему, на его дворъ, гдѣ онъ ее и объявитъ; но вмѣсто того, когда толпа собралась, онъ хотѣлъ заставить сдѣлать новые выборы, по его указанію. Казаки воспротивились этому и стали укорять его, что онъ закрываетъ старшинъ, а онъ представилъ военной коллегіи, что казаки бунтуютъ снова.

По донесенію Новокрещенова прибылъ генералъ Череповъ (1767) * съ указомъ военной коллегіи, въ которомъ казакамъ строго предписывалось повиноваться и воздерживаться отъ безпорядковъ. Череповъ, пріѣхавъ въ Яицкій-Городокъ, собралъ кругъ и велѣлъ читать указъ; но, замѣтивъ что казаки стоятъ слишкомъ далеко, и какъ бы нарочно не слушаютъ читаемаго, приказалъ имъ подойдти ближе; они приблизились, но видимо съ неохотою. „Сіе упрямство ихъ такъ разгорячило Черепова, что онъ приказалъ драгунамъ стрѣлять въ нихъ изъ ружей, и выстрѣлено было три раза, и убито нѣсколько человѣкъ.“ Этотъ бѣшеный поступокъ, если онъ переданъ вѣрно, къ удивленію, перенесенъ былъ казаками спокойно; они дослушали указъ, но послали въ Петербургъ жалобу и на Черепова и на Новокрещенова. По этой жалобѣ былъ присланъ гвардіи капитанъ Чебышевъ, который обошелся съ казаками кротко, успокоилъ ихъ, произвелъ выбо-

* Этотъ годъ показанъ Левшинымъ.

ры, и поручивъ новому атаману, Тамбовцеву, взыскать со старшинъ штрафы и удержанное у казаковъ жалованье, возвратился въ Петербургъ, привезя туда самыя успокоительныя извѣстія.

Вскорѣ по его отъѣздѣ оказалось, однакожь, что Тамбовцевъ передался на сторону старшинъ, не все взыскалъ съ нихъ и, вопреки указу военной коллегіи, назначилъ ихъ въ походные атаманы и другія должности. Это снова возбудило раздраженіе въ казакахъ, которые начинали было успокоиваться,—а тутъ еще вышло распоряженіе, которое подлило, такъ-сказать, на огонь масло, и обратило негодованіе Яицкаго войска уже не на старшинъ, а на правительство. Распоряженіе это состояло въ приказаніи, полученномъ изъ Петербурга, о формированіи такъ-называемаго „Московскаго Легіона." * Въ этомъ „легіонѣ" долженствовали соединиться подъ одною общею командой бригадира, или генерала изъ регулярныхъ войскъ, всѣ роды оружія: артиллерія, гренадерскія и мушкетерскія роты, эскадроны карабинеровъ и казачьи сотни,—соединеніе, которое должно было въ высшей степени казаться антипатичнымъ казакамъ, дорожившимъ своею самородною тактикой и считавшимъ себя неизмѣримо выше солдатъ. Отъ Яицкаго войска требовалось въ Московскій легіонъ триста двадцать пять человѣкъ. Это распоряженіе, казалось, совершенно оправдывало постоянное опасеніе всего русскаго казачества со временъ Петра Перваго, будто съ нимъ хотятъ покончить, завести между казаками регулярный строй и обратить ихъ въ крестьянъ. Казаки рѣшительно отказались поступать въ легіонъ, а атаманъ, желая исполнить волю начальства, хваталъ, сажалъ подъ караулъ и наказывалъ тѣхъ, которыхъ почиталъ главными виновниками сопротивленія. Казаки, помня благосклонное для нихъ рѣшеніе, полученное изъ Петербурга, по представленію генерала Потапова, рѣшились и въ настоящемъ случаѣ искать тамъ защиты: они послали депутацію просить освобожденія отъ легіонной службы, которую, представляли они, нести имъ невозможно, такъ какъ они должны были бы лишиться бородъ. Надежда ихъ не обманула: государыня повелѣла исполнить ихъ желаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для окончательнаго разбора ихъ жалобъ на старшинъ, въ 1770 г. посланы были гвардіи капитанъ Дурново

* См. приложеніе I въ концѣ статьи.

и командовавшій войсками въ Оренбургѣ генералъ Давыдовъ. Этотъ послѣдній вскорѣ получилъ, однакожъ, другое назначеніе, а вмѣсто него назначенъ былъ генералъ фонъ-Траубенбергъ. По прибытіи Дурново и его товарища, казаки стали требовать, чтобъ они прочли имъ свою инструкцію, и прежде чѣмъ приступать къ дальнѣйшимъ разслѣдованіямъ, исполнили то что̀ оставалось неисполненнымъ по прежнему указу военной коллегіи, то-есть довзыскали бы со старшинъ штрафы и удержанное казачье жалованье. Дурново и Траубенбергъ почему-то медлили исполнить это справедливое желаніе казаковъ и водили ихъ обѣщаніями, а казаки „приходили въ бѣшенство,“ тѣмъ болѣе что смѣненные атаманы и старшины начинали вертѣться вокругъ новоприбывшихъ.

Между тѣмъ возвратилась въ Яицкій-Городокъ депутація, ѣздившая въ Петербургъ, и въ числѣ прочихъ сотникъ Кирпишниковъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей войсковой стороны; онъ, по принятому порядку въ военной службѣ, явился немедленно, по прибытіи, къ Дурново, какъ къ старшему въ городѣ военному лицу, былъ имъ принятъ и отпущенъ; но атаманъ, узнавъ о его пріѣздѣ, тотчасъ послалъ старшину Бородина съ нѣсколькими казаками, чтобы взять его подъ караулъ. Увидя приближающуюся команду, Кирпишниковъ заперъ двери и спрятался, а жена его объявила пришедшимъ, что его нѣтъ дома; они стали ломиться; на улицѣ началъ собираться народъ; поднялась съ той и другой стороны перебранка, которая кончилась тѣмъ, что Бородинъ захватилъ двоихъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ, и велѣлъ тащить ихъ на арканѣ въ войсковую канцелярію. Въ одну минуту тревога распространилась по всему Городку; народъ повалилъ къ канцеляріи, и встрѣтивъ одного изъ тѣхъ, которые волочили захваченныхъ у дома Кирпишникова двухъ казаковъ, избилъ его и засадилъ въ домѣ Толкачева,—сторонника войсковой партіи и будущаго пособника Пугачева. Составился кругъ, на которомъ рѣшено было послать къ Дурново, просить его объ освобожденіи двухъ арестованныхъ казаковъ и объявить притомъ, что пока они не будутъ освобождены, посаженный въ домъ Толкачева казакъ выпущенъ не будетъ. Дурново и Траубенбергъ послали убѣждать казаковъ разойдтись, но тѣ и слышать не хотѣли; толпа ежеминутно росла и не разходилась даже при наступленіи темноты.

Это было въ началѣ января 1772 года. Волненіе казаковъ становилось въ самомъ дѣлѣ серіознымъ; комиссары сдѣлали распоряженіе, чтобы состоявшая при нихъ регулярная команда находилась въ готовности, и стали ожидать, не принесетъ ли ночь добраго совѣта казакамъ. Но ничто не помогало. Многіе ночевали на площади, несмотря на крещенскую стужу, а чѣмъ-свѣтъ весь Городокъ былъ опять въ сборѣ, шумѣлъ на площади и послалъ сказать Дурново, что „все войско идетъ упасть къ его ногамъ,“ прося защиты и правосудія. Дурново обѣщалъ исполнить все, чего они просили,—*черезъ недѣлю.* Черезъ недѣлю! зашумѣла толпа; долго откладывать! и потянулась къ квартирѣ Дурново, неся „почти каждый коммиссіонерамъ (комиссарамъ) по подарку: кто дубину, кто палку, а кто и саблю.“ Тогда комиссары собрали свою команду и казаковъ старшинской стороны и, волоча пушки, вышли навстрѣчу толпѣ, а между тѣмъ дали знать въ Оренбургъ, что въ Яицкѣ открытый бунтъ. Увидѣвъ регулярную команду, казаки остановились и послали священника сказать Дурново, что они „никакого зла не намѣрены дѣлать,“ а идутъ просить его, чтобъ онъ прочелъ имъ свою инструкцію и порѣшилъ бы со старшинами. Но Дурново велѣлъ повторить прежній отвѣтъ и объявилъ, что если они не разойдутся тотчасъ, онъ будетъ стрѣлять. Казаки, не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, двинулись далѣе, неся передъ собою образа. Дурново еще разъ послалъ убѣждать ихъ, обѣщаясь исполнить ихъ желаніе „черезъ короткое время;“ казаки, съ своей стороны, отправили къ нему попа, въ сопровожденіи Шигаева (имя, которое мы скоро снова встрѣтимъ), требуя, чтобъ его обѣщаніе было исполнено нынче же, а между тѣмъ подвигались впередъ. Тогда по нимъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ орудія... Въ одно мгновеніе мирное шествіе обратилось въ яростную аттаку: казаки кинулись на пушки, измяли солдатъ и старшинскихъ казаковъ и били все что попадалось подъ руку. При этомъ погибли генералъ Траубенбергъ, атаманъ Тамбовцевъ и нѣсколько казаковъ и солдатъ; израненный Дурново едва успѣлъ скрыться. Затѣмъ дворы ненавистныхъ старшинъ были взяты на копье.

Очнувшись, казаки поняли, что дѣло зашло слишкомъ далеко и поспѣшили послать въ Петербургъ депутатовъ съ объясненіями. Между тѣмъ, по полученіи извѣстія объ яицкихъ безпорядкахъ, изъ Москвы была отправлена на почтовыхъ рота гренадеръ

подъ командою генерала Фреймана. Онъ заѣхалъ сначала въ Оренбургъ, выждавъ тамъ чтобы спало весеннее половодье, и присоединивъ къ привезенной имъ ротѣ „двѣ легкія команды“ (?) и казаковъ, да нѣсколько орудій, выступилъ къ Яицкому-Городку. Тамъ между тѣмъ горячія головы взяли верхъ въ казачьихъ кругахъ, и въ первыхъ числахъ іюня, когда Фрейманъ приблизился, къ нему навстрѣчу вышли уже не съ образами и хлѣбомъ-солью, а съ оружіемъ. 3 и 4 чиселъ были горячія схватки; Фрейманъ одержалъ верхъ; казаки кинулись въ Городъ, забрали свои семейства и пустились было внизъ по Яику, въ намѣреніи будто бы, по словамъ Рычкова, овладѣть Астрабадомъ; но увѣщаніями людей, посланныхъ отъ Фреймана, были удержаны; бо́льшая часть изъ нихъ возвратились, а тѣ, которые не надѣялись получить помилованіе, были взяты силою.

Тогда открыта была уже не въ Яицкѣ, а въ Оренбургѣ слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. „Множество мятежниковъ было туда отправлено,“ говоритъ Пушкинъ. „Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣноваго дворовъ. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симонову. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ, Мартемьяну Бородину, и „простому“ старшинѣ (Пушкинъ замѣчаетъ: какой это чинъ — не знаю), Мостовщикову; зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около 140 человѣкъ сосланы въ Сибирь, другіе отданы въ солдаты (всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ.“

Яикъ притихъ, но не успокоился. „То ли еще будетъ!“ говорили казаки. „Такъ ли тряхнемъ Москвою!“

II.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1772 года, на одинъ изъ форпостовъ (Добрянскій, Черниговской губерніи), выставленныхъ вдоль тогдашней польской границы, явился человѣкъ, — по наружности крестьянинъ или мелкій купецъ,—и объявилъ, что желаетъ видѣть начальника поста. Это былъ мущина лѣтъ около сорока на видъ, средняго роста, широкоплечій и сухощавый, смугловатый лицомъ, слегка рябоватый, съ темнорусыми волосами на головѣ и съ черною почти бородой, которая была

рѣдка на щекахъ, а на подбородкѣ торчала клиномъ, и въ которой пробивалась сѣдина.

Эта начинавшаяся сѣдина, показывающаяся обыкновенно довольно поздно у нашихъ простолюдиновъ, рѣзко противорѣчила съ необыкновенною живостью пришельца и съ быстротою его большихъ темнокарихъ глазъ. Ему и дѣйствительно было не болѣе 33 или 34-хъ лѣтъ отъ роду. * Когда начальникъ форпоста, майоръ Меньшиковъ, допустилъ его къ себѣ, онъ сказалъ:

— Желаю воспользоваться милостивымъ указомъ императрицы и выселиться въ Россію.

— А что ты за человѣкъ?

— Пензенскій купецъ и раскольникъ, Емельянъ Ивановъ.

Это былъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Въ это время большое число раскольниковъ выходило изъ-за польской границы, пользуясь манифестомъ 1762 г., ** приглашавшимъ ихъ возвратиться на родину, а потому желаніе, выраженное мнимымъ пензенскимъ купцомъ и раскольникомъ Ивановымъ, не возбудило ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Гдѣ ты желаешь поселиться? спросилъ у него майоръ.

— На Иргизѣ.

---

* Чтен. 1858 и 1859. Относительно наружности Пугачева, см. Прилож. II.

** 4-го декабря 1762 г. былъ обнародованъ манифестъ, которымъ дарована полная амнистія всѣмъ русскимъ выходцамъ, съ приглашеніемъ возвратиться въ отечество: „Бѣгавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ съ обнадеживаньемъ, что имъ хотя бы по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожъ всѣхъ ихъ до сего преступленія прощаемъ“... (П. С. З. № 11.720). Вслѣдъ затѣмъ, 14 декабря (№ 11.725), изданъ былъ сенатскій указъ, который спеціальнѣе касался раскольниковъ, и объяснялъ, что за исключеніемъ двойнаго оклада, они будутъ пользоваться правомъ причисляться къ государственнымъ крестьянамъ и мѣщанамъ, хотя бы они передъ тѣмъ были и крѣпостные, получатъ землю для населенія въ Воронежской, Бѣлогородской и Казанской губерніяхъ, и будутъ освобождены отъ всѣхъ повинностей на шесть лѣтъ. Послѣдовавшимъ затѣмъ сенатскимъ указомъ, отъ 20 января 1763 (№ 11.738), предписывалось не только не задерживать выходцевъ на границѣ или въ пути, но во время слѣдованія на избранныя мѣстожительства отводить имъ квартиры. Были и позднѣе указы подобные вышеприведеннымъ, напримѣръ, указъ 1764 года, касавшійся преимущественно раскольниковъ, жившихъ на Вѣткѣ (№ 12.260) и др.

Тамъ дѣйствительно отводились мѣста для выходцевъ. Пропускъ былъ ему выправленъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими выходцами; но какъ въ это время въ королевствѣ Польскомъ была чума, то Пугачеву пришлось высидѣть въ карантинѣ.

Но какимъ образомъ Пугачевъ,—какъ извѣстно, донской казакъ Зимовейской станицы,—очутился на границѣ Польскаго королевства, и является въ качествѣ выходца изъ Польши?

Первоначальная его судьба разказана имъ самимъ очень подробно и довольно откровенно въ отвѣтахъ, данныхъ имъ при слѣдствіи. * Подобно всѣмъ казакамъ, онъ считался до 17 лѣтъ *малолѣткомъ*, то-есть не числился въ службѣ, а достигнувъ узаконенныхъ лѣтъ, былъ записанъ казакомъ; черезъ два года потомъ женился и, проживъ съ женою недѣлю, долженъ былъ отправиться, въ числѣ прочихъ, въ походъ, во время Прусской кампаніи. Наказнымъ атаманомъ донскихъ казаковъ въ арміи былъ тогда полковникъ Денисовъ, который взялъ Пугачева къ себѣ въ ординарцы „за отличную проворность.“ Не взирая, однакожь, на эту „проворность,“ Пугачевъ имѣлъ несчастіе во время одной ночной тревоги упустить лошадей своего полковника и былъ за это „нещадно“ наказанъ плетью. Пугачевъ воевалъ съ Пруссаками не долго; вскорѣ по его прибытіи въ армію произошло замиреніе съ Пруссіей, и полки стали возвращаться въ Россію. Въ это время пришло извѣстіе о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины, и учинена ей присяга, причемъ Пугачеву, какъ онъ самъ прибавляетъ, „о названіи себя государемъ и въ голову еще не приходило.“ По окончаніи похода, Пугачевъ возвратился къ своему хозяйству, къ своей женѣ, съ которою прижилъ сына и дочь; потомъ онъ находился въ Польшѣ, въ корпусѣ генерала Кречетникова и сопровождалъ партію раскольниковъ, возвращавшихся на родину. Кончивъ эту командировку, Пугачевъ прожилъ года полтора дома, потомъ отправленъ былъ въ турецкую армію уже въ чинѣ хорунжаго (первый офицерскій чинъ), въ корпусъ П. И. Панина, съ которымъ судьба привела ему встрѣтиться потомъ въ Симбирскѣ, въ качествѣ колодника и государственнаго преступника. Послѣ взятія Бендеръ онъ былъ за болѣзнію отпущенъ домой, и этимъ оканчивается его служба.

---

* *Допросы Пугачеву* (*Чтен.* 1858 *г.*)

Походная жизнь оказала на его большое вліяніе. Будучи чрезвычайно смѣтливъ отъ природы, онъ научился многимъ тонкостямъ военнаго ремесла, между прочимъ, устройству минъ: но за то изъ трезваго казака онъ сдѣлался гулякой, а въ 1771 году, возвратясь въ Зимовейскую станицу, рѣшительно началъ сбиваться съ прямаго пути. Будучи больнымъ онъ отправляется (въ февралѣ 1771 года) будто бы для излѣченія изъ Зимовейской станицы въ Черкасскъ; * тамъ атаманъ посылаетъ его въ лазаретъ, но онъ отпрашивается и ѣдетъ въ Таганрогъ, гдѣ проживала его замужняя сестра. Между Пугачевымъ и его зятемъ, тоже донскимъ казакомъ, ведутся разговоры о плохомъ житьѣ-бытьѣ казацкомъ. „Насъ, слышно, хотятъ обучать по-гусарски и всякимъ регулярнымъ военнымъ подвигамъ, жаловался Павловъ (зять Пугачева). Если они начнутъ, продолжалъ онъ, обучать не по обыкновенію казацкому, то мы, сколько насъ ни есть, намѣрены бѣжать, куда глаза глядятъ.“

Проживъ недѣли три въ Таганрогѣ, Пугачевъ поѣхалъ домой, взявъ съ собой и сестру для свиданія съ родными. Они уже были верстахъ въ сорока отъ Черкасска, когда неожиданно является Павловъ съ двумя товарищами, и объявляетъ что они бѣжали „отъ новыхъ обрядовъ службы“. Пугачевъ,—такъ по крайней мѣрѣ самъ онъ показывалъ въ послѣдствіи,—уговаривалъ было его возвратиться, но видя что это безполезно, сказалъ: „если уже вы рѣшились бѣжать, то бѣгите на Терекъ: тамъ народу много, рѣкъ и лѣсу довольно, и прожить тамъ будетъ способно, а тамошніе жители страннопріимчивы.“

Павловъ продолжалъ, однако, ѣхать съ шуриномъ и женой, и только уже въ виду Зимовейской станицы, съ двумя товарищами, онъ повернулъ въ степь и былъ таковъ. Однако они скитались по степи не долго, и на другой или на третій день Павловъ воротился за женой и убѣждалъ при этомъ Пугачева показать ему дорогу на Терекъ. Пугачевъ проводить его отказался, и рѣшился только, послѣ большихъ настояній, перевезти его на каюкѣ черезъ Донъ, опасаясь, что зятя его какъ-нибудь поймаютъ, а его самого потребуютъ къ отвѣту, какъ способствовавшаго побѣгу. Павловъ, проплутавъ по степи нѣсколько времени, возвратился въ Зимовейскую станицу и оговорилъ Пугачева. Въ свою очередь, Пугачевъ, узнавъ что его ожидаетъ бѣда за способствованіе

* Донес. атам. Зимов. стан. въ *Примѣч.* къ *Истор. Пугач. бунта*

бѣглецамъ, бѣжалъ самъ (въ декабрѣ 1771 г.), былъ на Терекѣ, * вписался въ Моздокское войско, въ нѣсколько недѣль успѣлъ пріобрѣсть такое довѣріе новыхъ своихъ товарищей что они выбрали его своимъ ходакомъ хлопотать въ военной коллегіи, чтобъ имъ были положены жалованье и провіантъ противъ Терскаго войска. Съ этимъ порученіемъ и съ 20 рублями данными ему на дорогу, Пугачевъ отправился было въ Петербургъ, но при выѣздѣ изъ Моздока былъ арестованъ и *посаженъ на стулъ* съ цѣпью, однако черезъ нѣсколько дней, именно 13-го февраля 1772 года онъ бѣжалъ, въ великомъ посту воротился въ свой хуторъ, гдѣ и былъ взятъ подъ стражу атаманомъ зимовейской станицы **.

Таковы первые подвиги будущаго самозванца. Еще ранѣе побѣга своего на Терекъ онъ уже имѣлъ весьма сомнительную репутацію между своими станичниками.

Когда онъ возвратился изъ Таганрога, то въ станицѣ замѣтили, что у него была не та лошадь, на которой онъ отправился; это возбудило подозрѣніе насчетъ того какимъ способомъ онъ досталъ ее: сомнѣніе для казака въ офицерскомъ чинѣ очень постыдное.

Таинственныя отлучки Пугачева привели его въ сношеніе съ тѣмъ сортомъ людей, который вскорѣ сдѣлался ему полезенъ; у него вездѣ завелись друзья и покровители. Когда, попавъ подъ судъ за самовольную отлучку и содѣйствіе своему зятю въ побѣгѣ, онъ слѣдовалъ въ качествѣ арестанта черезъ Цымлянскую станицу, знакомый ему казакъ Худяковъ упросилъ, чтобъ ему отдали на поруки Пугачева для доставленія въ Черкасскъ. Эта странная, но можетъ быть объясняемая временемъ просьба была исполнена: Худяковъ снялъ съ своего гостя колодку, а потомъ отправилъ его съ своимъ сыномъ въ Черкасскъ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, парень остановилъ телѣгу, и показавъ рукою въ степь, сказалъ: „вотъ тебѣ дорога!“ Такъ было ему приказано отъ отца.

Отсюда начинается Одиссея Пугачева, которой введеніе мы разказали. Какъ читатель видитъ, Пугачевъ находился въ условіяхъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ своимъ собратамъ: помогъ бѣжать доброму человѣку, бѣжалъ самъ, и въ свою очередь нашлись добрые люди, которые ему пособили.

---

* *Чтенія* 1848 г. ** Показан. атамана Зимов. стан. и жены Пугачева въ *Примѣчаніяхъ къ Ист. Пуг. бунта.*

Дѣло обыденное! Разница только въ томъ, что Пугачевъ попалъ въ степи на такой путь, который повелъ его очень далеко...

„Итакъ,—говорилъ Пугачевъ при допросѣ,* — сынъ Худякова, вывезши меня въ степь, далъ свободу, и пошелъ я, не бывъ въ своемъ домѣ, въ Малороссію, Изюмскаго полка въ слободу называемую Кобанью, къ мужику Осипу, прозывающемуся Коровка, коему сказалъ, что я бѣглый донской казакъ и не знаю куда дѣться. На то Коровка сказалъ: „Пойди-де въ Польшу, а пройдти-де можно между форпостовъ, „и проживши тамъ нѣсколько времени, выйди въ Россію; „скажи на форпостѣ, что польскій выходецъ; а какъ есть „указы, что польскихъ выходцевъ селить велѣно по желанію, „то и выберешь для житья любое мѣсто; а я-де тебѣ дамъ „сына для препровожденія и освѣдомленія въ Польшѣ о житьѣ „раскольниковъ.“

Въ этомъ короткомъ разказѣ много любопытнаго! Чтò за человѣкъ этотъ Коровка? Онъ не казакъ, а *мужикъ*; въ „Сентенціи“ о преступленіяхъ Пугачева онъ названъ Малороссіяниномъ; однако онъ раскольникъ, а расколъ, какъ извѣстно, не проникалъ въ Малороссію. Это, кажется, скорѣе какой-нибудь Великороссъ, безъ сомнѣнія, бѣглый, комфортабельно расположившійся на порогѣ украинскихъ степей, который не хочетъ знать политическихъ разграниченій, заставъ и форпостовъ, который проторилъ себѣ дорожку въ Польшу къ тамошнимъ землякамъ - единовѣрцамъ, помимо всевозможныхъ форпостовъ и заставъ, и мало интересуется знать, война ли идетъ между Русскимъ и Польскимъ государствами, или процвѣтаетъ и благоденствуетъ миръ; да онъ же занимается и изготовленіемъ паспортовъ для перехода черезъ границу, чтò, безъ сомнѣнія, приноситъ ему порядочный доходецъ и сердечное спасибо отъ многихъ сотенъ людей.

Какая широкая перспектива вольницы (свободой этого нельзя назвать) открывается передъ нами, подъ слоемъ правительственной регламентаціи, если мы вникнемъ въ то чтò разказано выше! Какой распространенный, хотя и безмолвный заговоръ противъ порядка и строгихъ

* *Допросы Пугачеву*, II. *Вступленіе.*

формъ государственной жизни! Стоило человѣку выдти разъ изъ узкихъ рамокъ законности, и онъ повсюду находилъ себѣ пособниковъ, покровителей; онъ убѣждался, что жизнь внѣ условій закона гораздо легче чѣмъ въ кругѣ законности. Онъ дѣлался здѣсь членомъ какого-то обширнаго братства, гдѣ каждый протягивалъ ему руку, и гдѣ раскольники являются первыми людьми, радикалами своего рода, возведшими бродяжничество въ догматъ (бѣгуны) и заклеймившіе паспортъ названіемъ *антихристовой печати*. „Я хоть и не раскольникъ,—говорилъ Пугачевъ по поводу разговоровъ своихъ съ Коровкой,—да вижу по сказкѣ Коровкина, что способъ для свободнаго прожитія цѣлый вѣкъ хорошъ.“

Съ этого времени мы встрѣчаемъ Пугачева почти исключительно между раскольниками до самаго того времени, когда онъ является во главѣ мятежа; онъ переходитъ изъ одного скита въ другой, одинъ старецъ передаетъ его съ рукъ-на-руки другому, и такимъ образомъ онъ попадаетъ за границу, а потомъ, черезъ всю Россію, на Иргизъ. Худяковъ открылъ ему этотъ новый міръ, это отечественное наше франкъ-масонство. Проживъ три дня у Коровки, онъ отправляется съ его сыномъ въ Стародубскія слободы, въ которыхъ, по его словамъ, „бѣглыхъ великій притонъ.“ Здѣсь онъ живетъ нѣсколько времени у старца Вавилы на полной свободѣ. Ему совѣтуютъ и здѣсь идти въ *Польшу*, какъ совѣтовалъ Коровка. И точно, чего же лучше какъ бѣжать, съ тѣмъ чтобы воспользоваться разрѣшеніемъ возвратиться, перейдти границу преступникомъ, для того чтобъ обратно переступить ее *обѣленнымъ*! Законы что вѣхи: для того и пишутся, чтобъ ихъ обходить. Въ Стародубскихъ слободахъ прожилъ съ Пугачевымъ и сынъ Коровки, и вмѣстѣ съ нимъ прогулялся за границу, * въ знаменитый раскольничій центръ—на Вѣтку. „Въ этой слободѣ, по словамъ Пугачева, живутъ все раскольники, всякаго сорта люди.“

Что же дѣлаетъ Пугачевъ между заграничными землякамираскольниками? Ничего особеннаго, по его словамъ; нанимается косить сѣно, съ цѣлію заработать нѣсколько денегъ, чтобъ имѣть съ чѣмъ снова возвратиться въ Россію,

---

* Надо имѣть въ виду, что это происходило въ то время когда граница Польскаго государства проходила по Днѣпру и Сожѣ.

и живетъ такимъ образомъ пятнадцать недѣль. * Какъ бы то ни было, но пребываніе его на Вѣткѣ оказалось ему не безполезнымъ; оттуда онъ, такъ-сказать, по маслу докатился до Иргиза и Яика. Невидимая рука вела его, вездѣ являлись пріятели и благотворители, а въ трудныя минуты та же таинственная рука посылала ему ходатаевъ и заступниковъ. Въ августѣ, 1772 года, какъ сказано, онъ явился на Добрянскій форпостъ, но принужденъ былъ высидѣть шесть недѣль въ карантинѣ, не зная хорошенько, куда именно потомъ направиться. Онъ думалъ и о Кубани, куда еще въ Петровскія времена Некрасовъ проложилъ путь мечтамъ казачьей вольницы, и объ Иргизѣ: „Онаго мѣста, — говорилъ онъ,—хоть я и не зналъ, однакожъ вездѣ сказывали, что сіе мѣсто къ поселенію для такого сорта людей, какъ я, способно.“ Между тѣмъ въ Добрянкѣ онъ познакомился съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, который будто бы нашелъ въ немъ сходство съ покойнымъ императоромъ Петромъ III, и сообщилъ свое замѣчаніе добрянскому купцу Кожевникову. Кожевниковъ позвалъ Пугачева (который, какъ видно, былъ не очень стѣсняемъ карантинными правилами и нанимался косить сѣно), и „лаская его разными образы, вывѣдалъ изъ него о точномъ его званіи и природѣ, и (Пугачевъ) открывшись въ званіи своемъ, не утаилъ и того, что онъ изъ дому своего бѣжалъ, и объяснилъ причины своего побѣга. Кожевниковъ, свѣдавъ вѣрно, говорилъ ему: „Слушай, мой другъ! Если ты хотѣлъ бѣжать за „Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользо„ваться и начать лучше намѣреніе? Есть люди здѣсь, которые „находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Ѳеодоровича. При„ми ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣ„даю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ „симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собой. Сей „солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты „подлинно государь, и (что) онъ тебя знаетъ, а простой народъ „сему повѣритъ. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по „12 рублей на человѣка; деньги жъ, если будетъ нужда, я вамъ „дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобы вы насъ,

* Показаніе въ канцеляріи московскихъ управительскихъ дѣлъ, *Ист. Пуг. бунта. Примѣчанія къ главѣ* II.

„раскольниковъ, взяли съ собой, ибо намъ здѣсь жить, старо-„вѣрамъ, стало трудно, и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное."

Такъ объяснялъ Пугачевъ передъ слѣдственною коммиссіей зарожденіе мысли о самозванствѣ, присовокупляя, что въ совѣтѣ съ нимъ былъ еще и другой добрянскій купецъ, Крыловъ. *

Замѣтимъ, однакожь, что относительно этого обстоятельства есть противорѣчія. Въ другомъ мѣстѣ ** Пугачевъ показывалъ, что первый, внушившій ему мысль назваться Петромъ III, былъ Андрей Кузнецовъ, жившій близь Усть-Медвѣдицы на казачьихъ хуторахъ, и у котораго онъ былъ уже послѣ пребыванія на Добрянскомъ форпостѣ. Которое изъ этихъ двухъ показаній вѣрнѣе, при помощи обнародованныхъ документовъ рѣшить нельзя; кажется, однакожь, что Кожевниковъ былъ первымъ заводчикомъ дѣла; въ одномъ мѣстѣ слѣдствія онъ названъ „начальнымъ плутомъ." Впрочемъ, тотъ ли, или другой, это дѣло еще не первостепенной важности. Достаточно, что мы узнаемъ, какого сорта люди были какъ Кузнецовъ, такъ и Кожевниковъ съ Крыловымъ. Всѣ они были раскольники. Первый говорилъ Пугачеву почти то же что̀ и послѣдніе. „Нынѣ и на Иргизѣ,—сказалъ Кузнецовъ,—стало великое гоненіе старовѣрамъ." Когда же Пугачевъ замѣтилъ, что онъ не прочь бы и на Кубань уйдти, Кузнецовъ промолвилъ: „Слышно здѣсь, что Яицкое войско давно бунтуетъ, такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ."

Всѣ эти три человѣка, если вѣрить Пугачеву, стоили одинъ другаго; по его словамъ, Кожевникова, Кузнецова и Крылова надо почитать всему злу заводчиками, и слѣдовало бы, конечно, ожидать, что они подвергнутся весьма строгому взысканію. Между тѣмъ мы находимъ въ девятомъ пунктѣ „Сентенціи" слѣдующее: „Отставнаго поручика Гринева, царицынскаго купца Василія Кочалова да брянскаго (Добрянскаго?) купца Петра *Кожевникова*, Малороссіянина Осипа Коровку, донскихъ казаковъ Лукьяна Худякова, Андрея *Кузнецова*" и пр., „которые находились подъ карауломъ, будучи подозрѣваемы въ сообщеніи съ злодѣями, *но по слѣдствію оказались невинными.... освободить.*" Итакъ, Пугачевъ налгалъ на Кузнецова

* *Допросъ Пугачеву*, II. 1.

** *Допросъ Пугачеву*, II. *Вступленіе*.

и Кожевникова?... * Это кажется сомнительнымъ: на какомъ бы основаніи яицкій слѣдователь назвалъ Кожевникова „начальнымъ плутомъ"? Не вкладывалъ ли Пугачевъ, какъ это онъ дѣлалъ нерѣдко при допросѣ, своихъ рѣчей въ уста своимъ собесѣдникамъ, и Кузнецовъ съ Кожевниковымъ, вмѣсто того чтобы быть внушителями Пугачева, не были ли только, какъ это могло обнаружиться при очной ставкѣ, повѣренными его затѣи, въ которой еще не могли предполагать всей ея важности? Это единственное болѣе или менѣе вѣрноподобное предположеніе, которое, однакожь, очень запутываетъ вопросъ о томъ, какъ возникла мысль о самозванствѣ! Остается несомнѣннымъ одно, что Пугачевъ вышелъ изъ раскольничьихъ рукъ и этими руками приведенъ на Яикъ.

Съ Добрянскаго форпоста Пугачевъ отправился съ бѣглымъ солдатомъ Алексѣемъ Семеновымъ, и посѣтилъ прежде всего своего стараго знакомца, Коровку, откуда, какъ видно по одному изъ его показаній, они заѣхали на усть-медвѣдицкіе хуторы къ Кузнецову. Этотъ послѣдній, равно какъ и добрянскіе совѣтники, предлогалъ ему на Иргизѣ прямо явиться къ тамошнему игумну Филарету, который Кузнецову „по расколу крайне знакомъ." Провожая его, онъ называлъ ему людей, которые будутъ въ состояніи оказать ему пособіе: донской казакъ Вершиловъ „почетный человѣкъ между раскольниками,"—говорилъ Кузнецовъ,—станетъ помогать тебѣ, „не жалѣя иждивенія." И точно, новые друзья Пугачева не жалѣли иждивенія: онъ ушелъ съ Дона пѣшій, а прибылъ на Иргизъ на своей лошади, имѣя за пазухой 470 р., которые, если вѣрить его показаніямъ, онъ получилъ отъ Кузнецова, Кожевникова и Коровки, ** считавшихъ его своимъ человѣкомъ по расколу.

Но точно ли Пугачевъ не былъ раскольникомъ? Въ этомъ едва ли возможно сомнѣніе; мы имѣемъ свидѣтельство его жены, вызванной въ Казань съ цѣлью узнать отъ нея правду о Пугачевѣ; мы имѣемъ и его собственныя показанія. „До семнадцатилѣтняго возраста,—говорилъ онъ передъ слѣдователями, — жилъ я все при своемъ отцѣ, такъ какъ и другіе казачьи малолѣтки, въ праздности,

---

* О Крыловѣ въ „Сентенціи" не упоминается.

** *Допросы Пугачеву*, II. 2.

однакожь не раскольникъ, какъ прочіе донскіе и яицкіе казаки, а православнаго греческаго исповѣданія, и молюсь Богу *такъ, крестомъ* (слова эти вѣроятно сопровождались жестомъ), какъ и всѣ христіане." То же самое подтверждалъ онъ и при другихъ разспросахъ. Но двуперстный крестъ былъ какъ бы рекомендаціей и паспортомъ въ тѣхъ слояхъ общества, въ которыя судьба или обстоятельства толкнули его; между раскольниками онъ выдавалъ себя за раскольника и, обращаясь между ними съ дѣтства на Дону, гдѣ, какъ извѣстно, старообрядчество очень распространено, онъ такъ хорошо былъ, повидимому, знакомъ съ его особенностями, что раскольники считали его за своего.

Какъ было сказано Кузнецовымъ, такъ Пугачевъ и сдѣлалъ. Прибывъ на Иргизъ, въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1772 года, онъ, въ качествѣ мнимаго раскольника, подъ вымышленнымъ именемъ, явился къ игумну Филарету и вполнѣ открылся ему въ своемъ намѣреніи мутить казаковъ. „Филаретъ принялъ сіе намѣреніе съ радостію, обнадеживъ притомъ, что Яицкое войско его приметъ, и что и самъ отецъ-игуменъ ему въ томъ будетъ способствовать." Спутникъ его, Алексѣй Семеновъ, оставилъ его въ это время, нанявшись за кого-то въ солдаты, но въ его содѣйствіи, повидимому, уже не было надобности: самъ отецъ-игуменъ взялся указывать и разчищать Пугачеву пути; онъ направилъ его къ яицкому казаку Денису Пьянову, совѣтуя вполнѣ ему открыться. Пугачевъ отправился въ Яицкій-Городокъ вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ Мечетной слободы (на Иргизѣ), будто бы для закупки рыбы, и остановился у Дениса Пьянова. Это было въ половинѣ ноября, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ разгрома, нанесеннаго казакамъ генераломъ Фрейманомъ, и когда между ними шла сильная переборка. Живя цѣлую недѣлю въ Городкѣ, Пугачевъ постоянно шатался по базарамъ, * и будучи доволенъ, надо думать, настроеніемъ казаковъ, рѣшился закинуть Денису Пьянову нѣсколько словъ касательно побѣга за Кубань и на Лабу. Однажды какъ-то за обѣдомъ у Пьянова не хватило хлѣба. **

— Вотъ до чего мы дожили, сказалъ этотъ послѣдній, — что ужь и хлѣба на обѣдъ не достало!

---

* „Выписка" и пр.

** *Допросы Пугачеву.*

И разговорясь о бѣдахъ, стрясшихся надъ Яикомъ, разказалъ, что казаки собирались-было бѣжать „за море, въ Золотую мечеть."

— Стало, вы то же самое хотѣли сдѣлать, замѣтилъ на это Пугачевъ,—что̀ сдѣлалъ нашъ Некрасовъ?

И разказалъ о побѣгѣ этого сподвижника Булавина на Кубань съ толпою Донцовъ. При этомъ онъ прибавилъ, будто Некрасовъ далъ „на выходъ" всѣмъ отправлявшимся съ нимъ казакамъ по 12 рублей, а что яицкіе казаки могутъ получать гораздо больше, если послѣдуютъ примѣру Некрасовцевъ. Но этотъ разговоръ чуть не надѣлалъ Пугачеву большихъ бѣдъ. Бывшій тутъ крестьянинъ изъ Мечетной свободы донесъ начальству, что онъ подговаривалъ казаковъ къ побѣгу. По этому доносу Пугачевъ былъ арестованъ, и хотя на допросѣ не повинился, но открылъ свое настоящее имя. Мы не будемъ останавливаться на этомъ эпизодѣ изъ странной судьбы Пугачева, но замѣтимъ слѣдующее обстоятельство. Въ дѣлѣ, которое завязалось по настоящему случаю, описаны были примѣты Пугачева и въ томъ числѣ означено: *битъ кнутомъ*, чему, безъ сомнѣнія, подали поводъ знаки, сохранившіеся отъ наказанія сдѣланнаго ему во время Семилѣтней войны. Между тѣмъ, когда разнеслась вѣсть о его самозванствѣ, и начальство сочло нужнымъ обнародовать его примѣты, вспомнили, надо думать, что онѣ уже были описаны прежде; отыскали старое дѣло, и найдя въ немъ: *битъ кнутомъ*, естественно заключили, что у него и ноздри должны быть рваныя,—такъ какъ одно съ другимъ было, по тогдашнимъ уголовнымъ законамъ, нераздѣльно,—вслѣдствіе чего и было повѣщено, что воръ Емельянъ Пугачевъ примѣты имѣетъ такія-то, и между прочимъ, *битъ кнутомъ* и *ноздри рваныя*; а какъ эта послѣдняя примѣта оказалась ложною, то,—показывалъ Пугачевъ въ секретной канцеляріи,—„сіе въ толпѣ моей не только разврату не причинило, но еще увѣреніе вселяло."

Арестованный Пугачевъ былъ съ Иргиза отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань. Дѣло, по которому онъ попался, было не шуточное. Онъ содержался не въ городскомъ острогѣ, гдѣ надзоръ былъ, по обыкновенію, слабъ, и арестанты бродили изъ дома въ домъ, за милостыней, подъ конвоемъ какого-нибудь дряхлаго инвалида: ему отвели мѣсто въ губернаторской экспедиціи, на руки и ноги положили тяже-

лыя желѣза и дали о немъ знать въ Петербургъ. * Но таинственные друзья его не дремали. Еще отъ игумна Филарета слышалъ онъ о проживающемъ въ Казани богатомъ купцѣ, Щелоковѣ, „дающемъ пристанище раскольникамъ.“ Онъ нашелъ средство дать ему знать о себѣ и просилъ навѣстить себя. Щелоковъ явился и спросилъ, за что̀ онъ содержится?

— За крестъ и бороду, отвѣчалъ Пугачевъ.

Этого было достаточно. Щелоковъ сталъ блюсти надъ нимъ, запрашивалъ слѣдователей и секретарей, и добился того что „губернаторъ велѣлъ повременить,“ а между тѣмъ съ арестанта сняли тяжелые кандалы, замѣнивъ ихъ легкими, и перевели въ городской острогъ. ** Тутъ онъ познакомился съ другимъ колодникомъ изъ раскольниковъ, и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ изъ Казани. Это случилось 29 мая 1773 года, *** ровно за три дня передъ полученіемъ оттуда по его дѣлу конфирмаціи, которая опредѣляла ему наказаніе плетьми и ссылку въ Пелымь, „для опредѣленія въ каторжную работу, въ какую годенъ будетъ, съ выдачею ему по три копѣйки на день.“

Итакъ, Пугачевъ снова на волѣ. Но онъ еще не знаетъ куда ему пуститься: снова на Иргизъ, или на Донъ, ****—обстоятельство доказывающее, что если онъ былъ человѣкъ способный дѣйствовать, то не умѣлъ обдумывать заранѣе свои дѣйствія со всѣми ихъ послѣдствіями. По причинѣ ли этой неопредѣленности своихъ намѣреній, или съ цѣлію поскорѣе укрыться среди дремучихъ лѣсовъ, идущихъ къ сѣверу отъ Казани, онъ кинулся за р. Вятку, а оттуда уже повернулъ къ сторонѣ Иргиза и переправился черезъ Каму въ селѣ Сарсарахъ, гдѣ у него былъ знакомецъ по казанской тюрьмѣ, крестьянинъ Кандалинцевъ, раскольникъ. Случилось, что Кандалинцевъ самъ собирался ѣхать на Иргизъ, въ тамошніе скиты; поэтому и Пугачевъ, прогостивъ у него нѣсколько недѣль, отправился съ нимъ, все продолжая выдавать себя за раскольника. Въ этомъ случаѣ, какъ и во время прежнихъ своихъ странствованій, Пугачевъ на-

---

* *Допросъ Пугачеву*, II. 3.

** Щелоковъ по приговору суда отъ наказанія освобожденъ. См. „Сентенцію“ въ *Ист. Пуг. бунта.*

*** „Выписка“ и пр.

**** *Чтен.* 1858. г.

ходилъ постоянно прiютъ со стороны мнимыхъ своихъ единовѣрцевъ, ибо, какъ онъ говорилъ, у раскольниковъ „принимать бѣдныхъ (*бѣглыхъ?* не опечатка ли?) и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель.“ Совершивъ свой длинный переѣздъ, и благополучно миновавъ Яицкiй-Городокъ, Пугачевъ очутился посреди знакомой ему мѣстности и рѣшился далѣе не ѣхать. Онъ разстался съ Кандалинцевымъ на такъ-называемомъ Таловскомъ уметѣ (постояломъ дворѣ), содержатель котораго былъ ему знакомъ. Имя его было Степанъ Оболяевъ, а прозванiе *Еремкина Курица*, пѣхотный солдатъ * и раскольникъ.

— Что, Емельянъ, спросилъ онъ у Пугачева,—отпущенъ изъ-подъ караула?

— Нѣтъ, бѣжалъ, отвѣчалъ тотъ, не видя надобности скрываться между своими людьми.—Позволь у тебя до времени пожить.

— Живи! я много добрыхъ людей скрывалъ.

Это было въ половинѣ iюля 1773 г. ** Пугачевъ расположился на Таловскомъ уметѣ, шатался по степи за звѣремъ и птицею, косилъ сѣно и прожилъ такимъ образомъ недѣли двѣ, или больше.

„Сей уметъ,—говорилъ онъ на допросѣ,—на такомъ мѣстѣ, что великое число его проѣзжаетъ людей“. Пугачевъ повелъ съ этими проѣзжими людьми, какъ сейчасъ увидимъ, не праздныя рѣчи. Эти люди, которые часто наѣзжали въ уметъ Еремкиной Курицы, были яицкiе казаки, съ которыхъ за разграбленное имущество Дурново и Траубенберга взыскивалось съ кого по 30, съ кого по 40 рублей. Не желая, или и дѣйствительно будучи не въ состоянiи выплатить такой значительной по тогдашнему времени суммы, многiе кинули свои дома и семейства, и ушли въ степь: съ женъ-де нашихъ взять нечего!

Вотъ компанiя, которая собиралась въ Таловскомъ уметѣ, и среди которой, конечно не случайно, очутился Пугачевъ.

---

* Такимъ званiемъ онъ наименованъ въ Сентенцiи по дѣлу Пугачева. Пушкинъ говоритъ, что Пугачевъ, уйдя изъ Казани, проживалъ на хуторѣ казака Шелудяка, котораго почиталъ въ послѣдствiи за отца. Странно, однакожь, что въ *Допросахъ* это имя вовсе не упоминается.

** Такъ должно думать по разчету времени.

Не мудрено себѣ представить, въ какомъ была она настроеніи духа, и о чемъ въ ней шли бесѣды. „Въ оное-то время Пугачевъ разсудилъ наименовать себя государемъ Петромъ Третьимъ.“ * Это должно было происходить въ концѣ августа или въ началѣ сентября, ** и случилось слѣдующимъ образомъ, по собственнымъ словамъ Пугачева.

Живя вовсе не работникомъ, какъ говоритъ Пушкинъ, а гостемъ, потому что у него были деньги и пара собственныхъ лошадей, Пугачевъ попросилъ однажды своего хозяина истопить баню. Оболяевъ замѣтилъ у него на груди какіе-то знаки, шрамы отъ старыхъ болячекъ, *** и спросилъ, что̀ это такое?

— Это знаки государевы.

— Что̀ ты говоришь? какіе государевы?

— Я самъ—государь Петръ Ѳеодоровичъ, отвѣтилъ на это Пугачевъ.

Еремкина Курица (кажется, это названіе дано было Оболяеву за его крайнюю простоту, не исключавшую впрочемъ разчетливости и корыстолюбія) былъ сильно озадаченъ такимъ открытіемъ и сталъ приставать къ Пугачеву:

— Да какъ же это? Да какъ же такъ?... Вѣдь сказывали, что государь померъ?...

— Врешь! повелительно отвѣчалъ обманщикъ:—Петръ Ѳеодоровичъ живъ, а не умеръ. Ты смотри на меня такъ какъ на него. Я былъ за моремъ, пріѣзжалъ въ Россію прошлаго года, и услыша что яицкіе казаки приведены въ раззореніе, нарочно для нихъ сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступить на царство. Еслибы, продолжалъ Пугачевъ,—какіе умные казаки войсковой руки сюда пріѣхали, я бы съ ними погуторилъ.

— Ко мнѣ скоро будетъ Григорій Закладной, отвѣтилъ Курица и сталъ извиняться, что обходился съ нимъ „какъ съ простымъ человѣкомъ“, на что̀ Пугачевъ ему сказалъ,

* *Допросъ Пугачеву. Чтен.* 1858 и „Выписка,“ *Чтен.* 1859.

** Къ такому заключенію должно придти, если взять въ разчетъ время проведенное Пугачевымъ и на Таловскомъ уметѣ и на хуторѣ Кожевникова, и что начальство узнало о его самозванствѣ въ половинѣ сентября.

*** Это были слѣды какой-то наружной болѣзни; жена Пугачева показывала: „на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы.“

чтобъ онъ и впредь не измѣнялъ съ нимъ при людяхъ обращенія и открывалъ бы все имъ слышанное не иначе какъ вполнѣ благонадежнымъ людямъ. „Нужно чтобъ и жены ихъ ничего не знали!“

Дня черезъ три послѣ этого разговора пріѣхалъ на уметъ казакъ Закладной; ему нужно было купить лошадь у уметчика; въ этомъ ему помогъ Пугачевъ, которому Курица теперь не смѣлъ прекословить. Когда же онъ собирался уже возвращаться и сѣдлалъ лошадь за плетнемъ, то Оболяевъ подошелъ къ нему и тихо сказалъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ?

Пугачевъ въ это время сидѣлъ въ сараѣ и былъ видѣнъ разговаривающимъ.

— Почему мнѣ знать что это за человѣкъ, отвѣчалъ казакъ очень равнодушно.

— Вѣдь это, Гриша, государь Петръ Өеодоровичъ! Онъ имѣетъ царскіе знаки и говоритъ, что нарочно сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты открылъ о немъ войсковой руки надежнымъ людямъ.

Закладной остолбенѣлъ но не надолго.

— Что за диво! воскликнулъ онъ, и потомъ прибавилъ:— видно Господь насъ поискалъ!

Пугачевъ, который изъ-подъ сарая наблюдалъ за этимъ разговоромъ, вышелъ въ эту минуту. Онъ былъ въ рубашкѣ, съ волосами остриженными въ кружокъ.

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Еремкиной Курицы обо мнѣ?

— Слышалъ сударь, отвѣчалъ оторопѣлый казакъ.

Пугачевъ приказалъ ему осторожно распускать извѣстіе о себѣ, надежнымъ людямъ, и прислать къ нему человѣкъ двухъ „нарочитыхъ.“ Закладного накормили и отпустили. Онъ повезъ въ Яицкій-Городокъ страшную тайну, которой, повидимому, вѣрилъ, или которою по крайней мѣрѣ былъ серіозно озадаченъ. Пріѣхавъ на свой дворъ и разсѣдлавъ коня, онъ отправился отыскивать людей, которымъ могъ бы сообщить свое открытіе. Первый, къ которому онъ обратился, былъ Иванъ Чабановъ. Шопотомъ онъ передалъ ему все слышанное и видѣнное, тотъ другому, и вскорѣ великая тайна облетѣла нѣсколько казачьихъ домовъ, не выходя изъ круга людей войсковой руки. *

---

* Въ этомъ мѣстѣ, къ сожалѣнію, прерывается напечанная въ *Чтеніяхъ* „Выписка.“

На слѣдующій день явились на уметъ два казака, изъ коихъ одинъ, по имени Кораваевъ, и объявили, что они присланы Заkладнымъ.

— Ну, яицкіе казаки, сказалъ имъ самозванецъ,—коли вамъ угодно, то вы меня примите: я государь вашъ Петръ Ѳеодоровичъ; а не угодно,—откажите; я поѣду на Узень и буду жить тамъ до времени.

При этомъ, разумѣется, повторилась исторія о царскихъ знакахъ, о чудесномъ избавленіи, о далекихъ странствіяхъ и т. п. Казаки уѣхали, обѣщавъ подумать со стариками: ничего болѣе.

Спустя немного времени произошло новое свиданіе Пугачева съ казаками. Вотъ его подробности. Пугачевъ находился неподалеку отъ умета и мылъ руки у ручья, когда къ нему приблизился Коровaевъ и объявилъ, что пріѣхали нѣсколько казаковъ, которые желаютъ его видѣть, но находятся не на уметѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи въ степи. Самозванецъ, все болѣе и болѣе входя въ свою роль, взялъ безъ церемоніи лошадь Короваева и поѣхалъ, а его оставилъ идти пѣшкомъ. На указанномъ мѣстѣ находился пока одинъ только казакъ, очень извѣстный потомъ, Шигаевъ, имя котораго уже встрѣчалось намъ при описаніи яицкихъ безпорядковъ. Время было полуденное, и потому всѣ трое сѣли прежде всего обѣдать; но едва лишь разрѣзали хлѣбъ, какъ увидѣли двухъ приближающихся къ нимъ верховыхъ. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый въ послѣдствіи Чика, другой Мясниковъ.

— Эти люди ненадежные, сказалъ Шигаевъ,—особенно Чика: надо спрятаться.

И Пугачевъ съ Шигаевымъ кинулись въ траву.

— Что ты, Короваевъ? Зачѣмъ здѣсь? спросилъ Чика, приблизясь.

— Пріѣхалъ бить звѣря.

— Нѣтъ, *видно, людей обманывать.* Вы пріѣхали къ государю, да вѣдь и я тоже къ нему.

Видя что Чика обо всемъ знаетъ, Короваевъ кликнулъ своихъ собесѣдниковъ, и Шигаевъ съ Пугачевымъ вылѣзли изъ травы. Поздоровавшись, всѣ вмѣстѣ сѣли обѣдать. Когда же трапеза кончилась, и всѣ, вставши, помолились Богу, Короваевъ, обратясь къ Пугачеву, сказалъ:

— Покажи-ка на себѣ царскіе знаки, чтобы было чему намъ вѣрить, и не прогнѣвайся, что о семъ васъ просимъ.

Пугачевъ разрѣзалъ ножомъ свою рубаху, и открывъ грудь, сталъ разказывать, что это слѣды ранъ, которыя нанесли ему гвардейцы, взбунтовавшись противъ него; что послѣ того онъ будто бы находился въ заключеніи, и что будто какой-то офицеръ выпустилъ его тайно, а вмѣсто него похороненъ нѣкто другой. Слушая это, казаки покачивали головами, и кто-то, по окончаніи разказа, замѣтилъ, что „хотя точно слышно было, что государь скончался, *однако болѣе поговаривали что онъ живъ*, только гдѣ взять его не знали.“

Ободренный этимъ замѣчаніемъ, Пугачевъ пустился разказывать свою Одиссею: „Былъ—де я въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Египтѣ, въ Іерусалимѣ и на рѣкѣ Терекѣ, и отголь вышелъ на Донъ; съ Дону же пріѣхалъ къ вамъ, и слышу, что вы и вся чернь обижены; такъ я хочу за васъ вступиться и васъ удовольствовать. Еще не время было мнѣ теперь явиться, прибавилъ онъ таинственно, да видно Богъ привелъ.“

Бесѣда длилась въ такомъ же родѣ. Казаки разспрашивали самозванца, какъ ему удалось ускользнуть посреди столькихъ опасностей; онъ замѣтилъ на это, что „въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей,“ и смѣшивая быль съ небылицами, разказалъ, что и въ Царицынѣ и въ Казани былъ подъ карауломъ, но что Богъ вынесъ его отовсюду. Затѣмъ Шигаевъ сталъ звать Пугачева на свой хуторъ, но Чика замѣтилъ, что это мѣсто слишкомъ людное.

— Лучше я возьму его на свои руки, прибавилъ онъ, указывая на Пугачева;—а гдѣ мы будемъ съ нимъ жить, я послѣ объявлю, а теперь не скажу. Поѣзжайте въ городъ и купите матеріи на знамена и все что̀ нужно исправьте.

Такимъ образомъ кончилась первая конференція. Въ своемъ разказѣ Пугачевъ упоминаетъ о какихъ-то двухъ русскихъ мужикахъ, которые, повидимому, въ ней не участвовали, но были посвящены въ тайну. Они на другой день отправились на Узень, Шигаевъ съ Короваевымъ въ Яицкій-Городокъ, а Пугачевъ съ Чикою и Мясниковымъ на хуторъ казаковъ Кожевниковыхъ, находившійся отъ Городка внизъ по Яику.

Свиданіе, которое только-что описано, очень интересно, и многія его подробности чрезвычайно важны. Прежде всего кидается въ глаза та беззастѣнчивость, съ которою Чика говоритъ Короваеву: „Зачѣмъ пришли сюда? людей обманывать?“

И онъ былъ не единственный, который шелъ на обманъ сознательно. Мы будемъ имѣть случай встрѣтиться со многими подобными, но здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ мелкомъ горнозаводскомъ чиновникѣ, который, бывъ завербованъ въ одну изъ шаекъ Пугачева противъ воли, при первомъ взглядѣ на самозванца увидѣлъ, что въ его наружности нѣтъ и тѣни сходства съ портретами покойнаго императора; тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ мало-по-малу втягивается въ ремесло, насильно ему навязанное и отвергаемое, какъ видно, его совѣстію, не ищетъ случая убѣжать изъ общества обманщиковъ и злодѣевъ, храбро дерется противъ войскъ правительства, получаетъ раны, и не только не отказывается воздавать обманщику царскія почести (что̀ было бы опасно), но самъ изыскиваетъ къ тому случаи. * Другіе, и такихъ было наибольшее число, вѣрили самозванцу искренно. Не можетъ не показаться удивительнымъ, что люди, приближавшіеся къ Пугачеву, не находили въ немъ ничего противорѣчащаго высокому понятію, сложившемуся въ нашемъ народѣ о вѣнчанной особѣ, о помазанникѣ Божіемъ; но многочисленность появлявшихся у насъ самозванцевъ доказываетъ неотразимо, что народъ такъ высоко разумѣющій своихъ царей, съ необычайною легкостью поддается однакожъ самому грубому обману. Не принимая на себя объяснять этотъ психологическій феноменъ, я приведу разказъ, который очень наглядно изображаетъ разнообразныя и тонкія черты, составляющія характеръ самозванства въ Россіи. Разказъ этотъ извлеченъ г. Есиповымъ изъ архивовъ. **

Въ 1733 году, разказываетъ онъ, въ казачьей Яменской станицѣ, на рѣкѣ Бузулукѣ, появился какой-то нищій бродяга, который называлъ себя Тимоѳеемъ-Труженикомъ и говорилъ „загадочныя рѣчи.“ Однажды онъ пришелъ къ бѣглому драгуну, поселившемуся между казаками, Ларіону Стародубцову.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ его послѣдній.

— Съ облака, съ воздуха... Тружусь Богу на дѣло сокрытое.

— А куда идешь?

— Пойдемъ со мною, узнаешь. Пойдемъ въ *Откровенъ градъ*. Тамъ святыхъ много; и стоитъ образъ Знаменія Пресвятыя

---

* Чтенія 1862 г. „Разказъ“ сообщ. Н. А. Поповымъ.

** *Рус. Вѣстн.* 1863 г.

Богородицы, и мы ее вынесемъ; тамъ я царь буду и Богъ, и многое множество казны будетъ, и которые люди будутъ при мнѣ, и тѣхъ стану дарить златомъ и сребромъ, и хлѣба столько не будетъ сколько золота и серебра!

Старикъ настаивалъ, чтобы Ларіоновъ послѣдовалъ за нимъ, и между прочимъ сказалъ, что онъ ведетъ жизнь недостойную себя: „Самъ себя ты не знаешь," заключилъ онъ.

— Какъ я себя не знаю?

— Имени своего не знаешь, повторилъ старикъ.—Ну, какъ тебя зовутъ?

— Ларіоновъ.

— Не Ларіоновъ ты, а царевичъ Петръ Петровичъ, а я братъ твой, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рѣчи Тимоѳея-Труженика можно принять, пожалуй, за бредни полупомѣшаннаго старика, но вотъ, однакожь, что случилось далѣе. Этотъ же самый Труженикъ является уже въ другомъ мѣстѣ, въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Чуевѣ и тамъ, такъ же какъ на Бузулукѣ, выдаетъ себя за царевича Алексѣя, прибавляя въ доказательство, что у него „на спинѣ крестъ и на лядвеѣ родимая шпага." Чуевскіе крестьяне оробѣли отъ такихъ словъ, и между ними нашлись скептики, которые готовы были принять его за сумашедшаго или плута; но старикъ настаивалъ на своемъ, и потребовалъ чтобы привели такого человѣка, который, глядя на землю, узналъ бы какъ его зовутъ. Пошли отыскивать знахарей, и трое, одинъ за другимъ, въ болѣе или менѣе опредѣлительныхъ выраженіяхъ, подтвердили слова Труженика. Какъ послѣ этого было не повѣрить! Труженикъ объявилъ тогда, что у него есть еще младшій братъ, царевичъ Петръ Петровичъ, скрывающійся на Бузулукѣ подъ именемъ Ларіонова. Послали за Ларіоновымъ; ударились предъ нимъ оземь и взмолились: „Не скрывайся, родимый!"

Мнимый царевичъ Петръ сначала колебался, но, наконецъ, рѣшился поѣхать къ своему „старшему брату;" но тотъ уже былъ въ острогѣ. Ларіоновъ, однакожь, успѣлъ войдти во вкусъ созданной ему роли, и возвратясь въ свою станицу, пустился изъ нея въ степь вербовать себѣ приверженцевъ. „Уже годы мои вышли,—говорилъ онъ различнымъ встрѣчнымъ бродягамъ;—жилъ я тайно, а нынѣ буду явенъ," и сулилъ идти на Москву, а его приверженцы нашептывали неофитамъ, что онъ подлинный царскій сынъ, что „на груди у него звѣзды, а на спинѣ мѣ-

сяцъ." Самые маловѣрные возражали на это, что, по слухамъ, царевичъ умеръ. „Обманули," возражали имъ адепты, и дѣло оканчивалось.

Въ короткое время онъ собралъ тридцать человѣкъ, и между ними одного грамотѣя, который, по его приказанію, написалъ два воззванія, къ донскимъ казакамъ и вообще къ народу. Въ этихъ воззваніяхъ говорилось, что нужно постоять „за старую вѣру," за которую мнимый царевичъ будто много мученія принялъ отъ „стараго императора," и все-таки „въ его законъ не пошелъ, понеже онъ поступался своими законами, многія часовни поломалъ, красу съ человѣка снялъ (бороду), платья обрѣзывалъ" и т. п. Говорилось также и о дальнихъ странствіяхъ, совершенныхъ царевичемъ,— въ Черниговъ, въ Кіевъ-градъ; говорилось и о черни, которой нужно помочь, словомъ, приготовлялось дѣло, котораго размѣры трудно предугадать, еслибы смѣлый самозванецъ не былъ схваченъ на первыхъ порахъ.

Сближая образъ дѣйствій Тимоѳея-Труженика и Ларіонова съ образомъ дѣйствія Пугачева, мы найдемъ въ нихъ родственныя черты. И въ тридцатыхъ годахъ, и въ семидесятыхъ упоминается о знакахъ на тѣлѣ, которые должны были служить примѣтами царскаго происхожденія; въ томъ и другомъ случаѣ очевиденъ раскольничій оттѣнокъ; упоминается о старыхъ книгахъ и скитальчествѣ, затрогиваются струны религіознаго мистицизма, буйной вольницы, преданности царскому имени. Весьма вѣроятно, что еслибы мы имѣли такія же подробности относительно прочихъ самозванцевъ XVIII вѣка, то могли бы провести наше сближеніе и далѣе. А самозванцевъ этихъ было много. Мнимые царевичи, Алексѣй и Петръ, появлялись въ разныхъ мѣстахъ во всю вторую четверть XVIII вѣка. Въ 1725 году солдатъ 2-го Гренадерскаго полка, Александръ Семиковъ, квартируя въ Почепѣ, назвался царевичемъ Алексѣемъ, но не успѣлъ никого привлечь къ себѣ. * Въ 1738 году какой-то простолюдинъ, „работный человѣкъ," Миницкій, „забывши природную свою подлость," назвался царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и произвелъ въ Кіевской губерніи нѣкоторые безпорядки. ** Попъ-разстрига, нѣсколько казаковъ, крестьянъ и солдатъ

---

* *Чтен.* 1860.

** *Пол. Соб. Зак.* № 7.653.

сдѣлались его приверженцами. Весь этотъ сбродъ, сойдясь однажды въ селѣ Ярославцѣ, рѣшился дѣйствовать открыто, потянулся толпой къ сельской церкви; распопъ приказалъ звонить, вышелъ на паперть съ хоругвями и крестами, и съ торжествомъ поцѣловавъ руку самозванца, ввелъ его въ церковь, гдѣ зажжены были всѣ свѣчи и лампады, и, наконецъ, царскими вратами ввелъ его въ алтарь. Ставъ здѣсь, самозванецъ допускалъ собравшійся народъ къ рукѣ, а его помощникъ, распопъ, заставлялъ цѣловать крестъ и Евангеліе, послѣ чего отслуженъ былъ молебенъ съ многолѣтіемъ царевичу Алексѣю Петровичу. По счастію, самозванецъ былъ арестованъ при выходѣ изъ церкви, и тѣмъ дѣло кончилось.

Тридцать лѣтъ спустя начинаютъ появляться мнимые Петры Третьи. Пугачевъ между ними не первый и не послѣдній.

Первымъ изъ нихъ, по свидѣтельству, въ которомъ нѣтъ повода сомнѣваться, былъ какой-то воронежскій сапожникъ, не успѣвшій произвесть серіозныхъ безпорядковъ; вторымъ— бѣглый солдатъ Орловскаго полка, явившійся подъ именемъ Петра III на Крымской границѣ, гдѣ онъ, при помощи раскольничьихъ поповъ, подговорилъ немалое число крестьянъ; онъ былъ посаженъ ими на престолъ ихъ сельской церкви и чествуемъ въ качествѣ императора. Дальнѣйшіе безпорядки были предупреждены лишь тѣмъ, что въ то самое время, какъ они начинались, черезъ селеніе проходила военная команда, которая арестовала самозванца; это было въ 1770 году. Наконецъ ближайшій предтеча Пугачева былъ крестьянинъ графа Воронцова, Богомоловъ. Онъ явился въ 1772 году въ мѣстности весьма близкой къ театру первыхъ подвиговъ знаменитаго зимовейскаго казака, именно въ Дубовкѣ, въ средѣ Волжскаго казачьяго войска, гдѣ начинались было довольно серіозные бзепорядки; по счастію они были скоро подавлены, и Богомолову, какъ и его предшественникамъ, не удалось процарствовать болѣе нѣскольких часовъ, такъ что появленіе его прямыхъ послѣдствій не имѣло.

Каковы бы ни были неудачи предшественниковъ Пугачева, весьма естественно, что о нихъ было извѣстно въ смежныхъ мѣстностяхъ, на Иргизѣ и Яикѣ, между людьми, которые, въ качествѣ ли раскольниковъ или недовольныхъ казаковъ, были расположены прислушиваться ко всему имѣвшему характеръ оппозиціи и протеста. Это обстоятельство объясняетъ намъ

слова одного изъ первыхъ сообщниковъ Пугачева: „слышно было, что государь скончался, но болѣе поговаривали, что онъ живъ.“ Если принять во вниманіе, что до Пугачева появлялось три (намъ извѣстныхъ) лже-Петра, что такой же самозванецъ, какъ увидимъ далѣе, былъ въ одно время съ нимъ, а два вслѣдъ за нимъ,* то мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ глубинѣ того темнаго міра, которымъ такъ мало интересовались въ прошломъ вѣкѣ, въ мірѣ безграмотной или полуграмотной массы, невѣдомо отъ высшихъ общественныхъ слоевъ, сложилась около того времени, которое насъ занимаетъ, какая-то упорная и очень распространенная мысль о томъ, что Петръ III не умеръ, а живъ и ищетъ возвратить себѣ престолъ и корону.

Мысль эта дѣйствительно существовала между раскольниками и одною изъ ихъ сектъ, скопческою, и возведена на степень религіознаго догмата. Одно изъ основаній ученія скопцовъ состоитъ въ томъ, что Христовъ воплощается въ лицѣ того или другаго изъ живущихъ людей. Это ученіе возникло между раскольниками задолго до появленія скопчества какъ опредѣленной секты. Еще при Петрѣ Первомъ открыто было въ Углицкомъ уѣздѣ раскольничье согласіе, учитель котораго, отставной стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ, называлъ себя Христомъ и говорилъ, что когда онъ съ учениками своими славословилъ, то Духъ Святый сходилъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ „и подымалъ ихъ съ лавки, и ходили они скачучи въ кругъ, по получасу и больше, и въ то время клали на столъ калачъ ломтиками, и отпѣвъ молитвы тѣмъ причащались.“ Нѣчто подобное было открыто въ 1734 году въ Москвѣ: тѣ же сборища, въ которыхъ сектанты пляскою доводили себя до изступленія, пророчествовали при этомъ и совершали крещеніе, если не *огнемъ* еще, какъ скопцы, то *духомъ*. **

Но оставляя въ сторонѣ всѣ намеки и указанія на существованіе у насъ скопчества до официяльныхъ извѣстій о немъ, замѣтимъ, что оно сдѣлалось формально извѣстно правительству въ 1772 году. Въ деревнѣ Богдановкѣ, Орловской губерніи, гдѣ эта секта первоначально обнаружилась,

---

* Ханинъ (*Рус. Вѣстн.* 1860) и Хрипуновъ, о которомъ въ примѣч. III приведено извѣстіе, заимствованное изъ московскаго архива военнаго министерства.

** П. С. З. № 6.612.

подвергнуто суду и сдано въ солдаты 13 человѣкъ, да заключено въ Динаминдской крѣпости пятеро—количество немаловажное для одного селенія. Но это были не единственные скопцы, и Богдановка не единственное мѣсто, гдѣ они находились. Три года спустя, въ селѣ Сосновкѣ, Тамбовской губерніи, найденъ былъ новый центръ скопчества и открыто какое-то таинственное лицо, извѣстное подъ именемъ „Кіевскаго затворника", которое едва ли не псевдонимъ основателя скопчества, извѣстнаго Кондратья Селиванова, *Искупителя*, *Христа* и *Петра III* въ одно и то же время. Не касаясь религіозно-мистической стороны этого непостижимаго ученія, остановимся на томъ что̀ даетъ указаніе на занимающее насъ дѣло. По ученію скопцовъ, императоръ Петръ III, угрожаемый смертію со стороны взбунтовавшихся противъ него вельможъ, подкупилъ одного часоваго, помѣнялся съ нимъ платьемъ и скрылся, къ чему нѣкоторые присовокупляютъ, что и часовой этотъ былъ скопецъ и добровольно принялъ на себя мученіе для спасенія того, кто совмѣщалъ въ своей особѣ и царя и искупителя. Спасшись отъ смерти, Петръ III, — разказываютъ скопцы, — началъ скитальческую жизнь, былъ за границею, потомъ, возвратясь въ Россію, подвергся мученію, наказанъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ Иркутскъ, оттуда явится „со славою и силою" и будетъ судить „живыхъ и мертвыхъ."

Въ этой легендѣ, въ которой черты изъ жизни императора Петра III, Кондратья Селиванова и земной жизни Спасителя перемѣшаны такимъ чудовищнымъ образомъ, для насъ особенно важна мысль о томъ что Петръ живъ. Мы прослѣдили эту мысль, если не съ самаго ея начала (подобныя мысли, возникающія въ сознаніи или фантазіи массъ, не имѣютъ опредѣленнаго начала), то съ того времени, съ котораго позволяютъ доступные намъ источники. Можетъ-быть мы могли бы прослѣдить ее и еще далѣе: указать, напримѣръ, на то что и Стенька Разинъ, за сто лѣтъ передъ описываемымъ временемъ, распускалъ слухъ, будто съ нимъ идетъ для завладѣнія Москвою царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, тогда уже умершій; мы могли бы припомнить, что, по свидѣтельству г. Костомарова, въ Приволжскомъ краѣ есть преданіе, будто этотъ страшный разбойникъ XVII столѣтія живъ и до сихъ поръ... Какъ слагались миѳы о царевичѣ Алексѣѣ

Алексѣевичѣ, Алексѣѣ и Петрѣ Петровичахъ, точно такъ же сложился въ свое время народный миѳъ и о Петрѣ III. Мы встрѣчаемъ два рода самозванцевъ; одни, подобно Тимоѳею Труженину и Кандратью Селиванову, отправлялись отъ точки зрѣнія религіозно-мистической, другіе, подобно Ларіонову, Миницкому и Пугачеву,—съ точки зрѣнія практической и, пожалуй, политической, какъ представители того элемента броженія, тѣхъ неустановившихся понятій, которыя присущи молодымъ, формирующимся общественнымъ организмамъ. Эти двѣ силы, религіозно-мистическая и сила противоборствующая идеѣ государства и порядка, вынесли Пугачева и постоянно его сопровождали; съ минуты его появленія до самаго конца его поприща мы видимъ его окруженнымъ, съ одной стороны, раскольниками, съ другой—казаками, Калмыками, бурливыми крестьянами, бѣглыми холопами и солдатами. Самая судьба его получаетъ двоякое значеніе и двойственный характеръ. Для мистиковъ-раскольниковъ онъ остается Петромъ III и *Искупителемъ*: Селивановъ въ своихъ „Страдахъ" говоритъ (грубо нарушая истину), что толпы самозванца пристали къ нему, когда первый вождь ихъ былъ взятъ; для казачьей вольницы онъ былъ лихой атаманъ, съ которымъ они могли припомнить славныя времена своихъ дѣдовъ, а крестьяне надѣялись при его помощи выместить свою крѣпостную неволю. Что касается до него самого, то можно съ полнымъ довѣріемъ принять его показаніе, что онъ „не думалъ къ правленію быть и владѣть всѣмъ Россійскимъ царствомъ", а шелъ на то „если удастся чѣмъ поживиться или убиту быть на войнѣ." День мой—вѣкъ мой, вотъ девизъ Пугачева.

III.

Въ половинѣ сентября, яицкій комендантъ Симоновъ узналъ о появленіи самозванца и сдѣлалъ распоряженіе о его поимкѣ. Но поймать его было не легко. Изъ собственныхъ показаній Пугачева видно, что тайные его приверженцы немедленно давали ему знать о всемъ что̀ дѣлалось въ городѣ. Извѣстіе о распоряженіи Симонова заставило какъ самого самозванца, такъ и его пестуновъ удариться въ степь и ускорить рѣшительными дѣйствіями. Они первоначально предполагали наѣхать на казаковъ во время осенней плавни (въ октябрѣ), когда все казачество бываетъ въ сборѣ безъ присутствія начальства. Теперь пришлось оставить это предположеніе. Одинъ изъ братьевъ Кожевниковыхъ былъ арестованъ, равно какъ и нѣсколько другихъ казаковъ, знавшихъ тайну Пугачева; * ихъ показанія, вынужденныя извѣстными способами, могли разстроить все дѣло, а потому рѣшено было предупредить мѣры, которыя могъ принять противъ нихъ Симоновъ. Немедленно изготовлены были знамена; для *царя* привезена была приличная одежда—зеленый кафтанъ и шапка.... ** Мятежники сѣли на коней. „Поѣдемъ,—сказалъ Чика,—на Толкачевъ хуторъ, и когда соберемъ столько людей чтобы показаться къ Городку (Яицкому), то и думать нечего: поѣдемъ туда со славою!“

Между тѣмъ привезенъ былъ въ главную квартиру самозванца и писарь. Въ немъ состояла крайняя надобность. Пугачевъ хотя и увѣрялъ, что онъ не только большой грамотѣй, но и „на многихъ языкахъ говорить умѣетъ“, однако въ дѣйствительности онъ былъ совершенно безграмотенъ,—а между тѣмъ для всѣхъ была очевидна необходимость разослать какое-нибудь воззваніе. Поэтому, когда при-

---

* *Ист. Пугач. бунта.*

** *Допросы Пугачеву.*

везенъ былъ писарь (Почиталинъ), то Пугачевъ велѣлъ ему написать указъ „въ той силѣ, что государь Петръ III, императоръ, принялъ царство и жалуетъ рѣками, морями, лѣсами, крестомъ и бородою (ибо сіе для яицкихъ казаковъ было надобно).“ * Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы под-

---

* Вотъ одинъ изъ такихъ указовъ, помѣщенный въ *Пермскомъ Сборникѣ*:

„Самодержавнаго Императора Петра Ѳеодоровича Всероссійскаго и проч. и проч. и проч., именной указъ.

„Именное мое повелѣніе: какъ дѣды и отцы ваши служили, такъ и вы послужите мнѣ, великому государю. Второе: когда вы исполните именное мое повелѣніе, и за то будете жалованы крестомъ и бородою, и рѣкою, и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію. И повелѣніе мое исполнять съ усердіемъ. Ко мнѣ пріѣзжайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете мою монаршескую милость; а ежели вы моему указу противиться будете, то—вскорости возчувствовати на себя праведный мой гнѣвъ. Власти Вышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ никто,—отъ сильныя нашея руки защищать не можетъ.“ Подлинный подписанъ такъ: „Великій Государь Петръ III Всероссійскій.“

А вотъ и другой манифестъ Пугачева, извлеченный изъ донесеній атамана Донскаго войска, Сулина, въ военную коллегію (Архивъ воен. минист. въ Москвѣ. Дѣла Потемкинскія), гдѣ онъ находится въ копіи.

„Божіею милостію, Мы Петръ Третій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и прочая. Антиповской станицы г-ну атаману Ивану Платонову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляется во всенародное извѣстіе:

„Уповательно вся Россія не безызвѣстна, которой уже бо́льшая половина подъ скипетръ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась и признала насъ, обстоятельно увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо не только Донскаго и Волжскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе: того ради и вамъ г-ну атаману Платонову съ войскомъ посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ, и повелѣваемъ, по прибытіи нашемъ съ арміей, учинить пристойное встрѣтеніе, понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу; а злодѣевъ-дворянъ всячески стараться искоренять. Во вѣрность чего за подписаніемъ собственной нашей руки и съ приложеніемъ короны, сей

писать этотъ указъ: „я приказалъ,—говорилъ въ послѣдствіи Пугачевъ,—чтобы подписалъ онъ (Почиталинъ), а мнѣ-де подписывать невозможно до самой Москвы, для того что не надобно казать мнѣ свою руку, и есть-де въ ономъ великая причина.“

Указъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе: тотчасъ по полученіи его на сосѣднемъ хуторѣ, къ Пугачеву пріѣхало нѣсколько казаковъ; всего у него набралось сорокъ человѣкъ, да человѣкъ двадцать Калмыковъ.... „Тотчасъ развернули знамена“, на которыхъ былъ изображенъ раскольничій крестъ, и поѣхали прямо къ Яицкому-Городку. По дорогѣ шайка самозванца усилилась казаками съ форпостовъ, мимо которыхъ она проходила; по дорогѣ же, по желанію казаковъ и „для страху“ былъ повѣшенъ одинъ казакъ, про котораго сказывали что онъ принадлежалъ къ старшинской рукѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлено было къ киргизскому Нурали-хану приглашеніе оказать помощь законному государю, отыскивающему престолъ. Наконецъ, Пугачевъ подступилъ къ Яицкому-Городку. Съ нимъ было всего 140 человѣкъ.

Съ этою горстью людей, разумѣется, нельзя было надѣяться взять городъ силою. Когда же изъ него выѣхала толпа казаковъ, и выступили три роты регулярныхъ войскъ, * то, говоритъ Пугачевъ, „я думалъ въ то время, что разберутъ по рукамъ!“—„Однакожь,—прибавляетъ онъ,—сего великаго числа не очень устрашился, и болѣе думалъ то, что есть въ томъ числѣ и мои согласники.“ ** Эта надежда оказалась основательною: половина отряда, по свидѣтельству Пушкина, передалась на сторону бунтовщиковъ; многіе вѣрные казаки были силою захвачены своими товарищами, и одиннадцать изъ нихъ были немедленно повѣшены. Судъ и расправа надъ ними были недолги. Казаки спросили у Пугачева, что сдѣлать съ казаками старшинской руки?

указъ данъ августа дня 1774 года. Петръ.“ (Такъ какъ этотъ указъ напечатанъ не съ подлинника, то я счелъ позволительнымъ придерживаться обыкновенной ореографіи, не зная кому принадлежатъ наполняющія его грамматическія неправильности: канцеляріи самозванца, или канцеляріи донскаго атамана).

* *Лѣтопись* Рычкова.

** *Допросы Пугачеву*.

— Надо ихъ увѣрить, да привесть къ присягѣ, отвѣчалъ Пугачевъ (по собственному показанію).

— Мы имъ не вѣримъ, возразили приближенные самозванца:—мы знаемъ кого можно простить и кого повѣсить. Тутъ есть великіе злодѣи.

„Видя, что они хотятъ,—разказываетъ Пугачевъ,—дабы были повѣшены, то и приказалъ реи сдѣлать.“

Положеніе Симонова было очень затруднительное. На казаковъ онъ не могъ положиться и боялся выслать ихъ противъ Пугачева, а пѣхоты не смѣлъ вывести изъ Городка, потому что опасался возмущенія со стороны жителей. Съ своей стороны, Пугачевъ, не желая предпринимать ничего слишкомъ рискованнаго на первыхъ порахъ, не остановился подъ Яицкимъ-Городкомъ, миновалъ его и направился къ Илецкой станицѣ, находящейся въ 145 верстахъ отъ главнаго пункта Уральскаго войска и почти въ такомъ же разстояніи отъ Оренбурга. У него въ это время набралось 450 человѣкъ. При его приближеніи, илецкіе казаки связали своего станичнаго атамана и встрѣтили съ колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью Пугачева. Вступивъ въ Илецкую станицу, онъ немедленно отправился въ церковь и велѣлъ пѣть молебенъ Петру III, а императрицу изъ эктеніи исключить, говоря: „Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь; пускай-де за грѣхи свои Богу молится.“ При этомъ Пугачевъ объяснялъ и свою правительственную систему: „у бояръ села и деревни отберу, а буду жаловать ихъ деньгами.“ Мысль эта, какъ извѣстно, еще очень недавно была въ ходу между крестьянами; но началъ ея надо искать гораздо ранѣе описываемаго здѣсь времени. Всѣ предшественники Пугачева, царевичи Петры и Алексѣи и, наконецъ, Стенька Разинъ, предъявляли намѣреніе посадить дворянство на жалованье и обратить его въ сословіе чиновниковъ. Пугачевъ, очевидно, во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ понятіямъ людей, къ которымъ онъ обращался и которыми былъ окруженъ. Стародавняя казачья воля, разумѣется, была имъ немедленно возстановлена. Уже подъ Яицкимъ-Городкомъ онъ собираетъ своихъ казаковъ въ *кругъ* и предоставляетъ избрать атамана, есауловъ и прочую старшину. Солдаты, сдававшіеся или забираемые имъ въ плѣнъ, по приведеніи ихъ къ присягѣ, немедленно были остри-

гаемы *въ кружокъ* и зачисляемы казаками. Подобно Разину, онъ хотѣлъ, казалось, обратить всю Россію въ одно огромное казачье войско, и точно также какъ знаменитый мятежникъ XVII вѣка объявлялъ безпощадную войну письменности: овладѣвъ какою-нибудь крѣпостцою, первымъ его дѣломъ было предать публичному всесожженію архивы, текущія дѣла и шнуровыя книги.

Все это, вполнѣ соотвѣтствуя инстинктамъ толпы, доставляло Пугачеву большую популярность и даже, въ глазахъ извѣстнаго сорта людей, запечатлѣвало его какъ бы истинно царскимъ знаменіемъ. Какъ иначе объяснить, что находились люди, которые не только присягали Пугачеву, но и увѣряли, что они дѣйствительно узнаютъ въ немъ покойнаго государя? Первымъ изъ такихъ людей былъ старшина Витошковъ, взятый подъ Яицкимъ-Городкомъ. Пугачевъ потребовалъ его къ себѣ и спросилъ, знаетъ ли онъ его. „Какъ же,— отвѣчалъ тотъ,—видалъ еще маленькаго.“ Витошковъ, положимъ, могъ это сказать для спасенія жизни, но въ Илецкой станицѣ подобное же заявленіе сдѣлалъ одинъ казакъ, про котораго не извѣстно чтобъ онъ вынужденъ былъ къ тому страхомъ и опасностію. Это былъ какой-то Дубовскій казакъ, старикъ; онъ вошелъ въ избу, занятую Пугачевымъ, и любуясь на него, сказалъ:

— Я ваше величество узналъ, потому что въ то время былъ въ Петербургѣ, какъ вы обручались.

— Ну, старичокъ, хорошо когда ты меня узнаешь, отвѣчалъ Пугачевъ, вѣроятно, не безъ внутренней улыбки.

Успѣхи Пугачева были необыкновенно быстры. За Илецкою станицей пала передъ нимъ, 24-го сентября, крѣпостца Розсыпная, на слѣдующій день Нижне-Озерная, потомъ Татищева, Чернорѣченская, и 1-го октября онъ уже былъ въ виду Оренбурга; * но миновавъ его, пошелъ къ Сакмарскому-Городку, который занялъ безъ сопротивленія, равно какъ и лежащую въ 30 верстахъ отъ него крѣпость Пречистенскую. Такимъ образомъ въ двѣ недѣли онъ прошелъ болѣе 300 верстъ, овладѣлъ семью крѣпостцами и затѣмъ смѣло подступилъ къ главному городу края—резиденціи губернатора, снабженной довольно сильнымъ гарнизономъ изъ

---

* *Лѣтопись* Рычкова.

регулярныхъ войскъ. Оренбургъ далъ мятежникамъ, разумѣется, сильный отпоръ, но они не унывали, отрѣзали всѣ ведущія къ нему сообщенія, и Пугачевъ занялъ лежащую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него Бердскую слободу, расположась зимовать въ ней. Положеніе его здѣсь было очень удобно. По одну сторону его находилась земля Башкиръ (расположеніе умовъ которыхъ намъ извѣстно), по другую—Киргизы, ханъ которыхъ вступилъ съ нимъ въ подозрительныя сношенія, наконецъ, съ третьей стороны была главная его сила—Яицкое войско. Одного пребыванія его въ этомъ пунктѣ было достаточно, чтобы держать въ волненіи весь край: Калмыки, которыхъ потребовалъ къ себѣ губернаторъ, разбѣжались; крестьяне горныхъ заводовъ были положительно ненадежны; казаки измѣняли повсюду; солдаты плохо дрались, начальствующія лица теряли голову, лишались бодрости и нерѣдко не исполняли данныхъ имъ приказаній.

Все удавалось Пугачеву, и ничто не удавалось тѣмъ, которые противъ него дѣйствовали. Оренбургскій губернаторъ обнародовалъ о немъ объявленіе, въ которомъ раскрывалъ его истинное происхожденіе и прилагалъ его примѣты, упомянувъ, между прочимъ, что онъ „наказанъ кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ; но чтобъ онъ въ томъ познанъ не былъ,—продолжалъ генералъ Рейнсдорпъ,—для того предъ предводительствующими имъ никогда шапки не снималъ.“ * Это объявленіе, какъ уже выше замѣчено, сдѣлалось новою причиной для торжества самозванца; онъ самъ и его люди посмѣивались этому описанію и говорили колеблющимся: „гдѣ же у нашего батюшки-государя рваныя ноздри? смотрите сами!“ Все это дѣйствовало очень сильно на простонародіе. Въ октябрѣ, когда онъ подступилъ къ Оренбургу, къ нему со всѣхъ сторонъ нахлынули Башкиры, заводскіе и иные крестьяне, Калмыки и различные другіе инородцы, такъ что толпа вокругъ него была огромная. **

Таковы были вѣсти, которыя одна за другою прилетали въ Петербургъ. Первое извѣстіе о появленіи самозванца

---

* Это объявленіе приложено къ *Лѣтописи* Рычкова.

** Въ *Допросахъ*. Пугачевъ говорилъ, что подъ Оренбургомъ у него было 100 000 Башкиръ, заводскихъ крестьянъ 17 000, потомъ еще

пришло еще въ октябрѣ, * во время празднованія бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ первою супругой; эти слухи были довольно неопредѣленны, а потому яицкіе безпорядки не обратили особеннаго вниманія въ публикѣ. Но лица знавшія дѣло изъ донесеній мѣстныхъ начальниковъ не могли быть спокойны, тѣмъ болѣе что въ отдаленномъ краѣ, гдѣ открылись такіе серіозные безпорядки, почти вовсе не было войскъ. За исключеніемъ гарнизоновъ въ многочисленныхъ, но ничтожныхъ крѣпостцахъ, разсѣянныхъ въ этомъ краѣ, и которые не могли отдѣлить отъ себя почти ничего для дѣйствія въ полѣ, всѣ дѣйствующія войска и всѣ надежные военные люди находились въ то время въ Дунайской арміи. Нѣсколькимъ ротамъ, набраннымъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ и на Украйнѣ, велѣно было спѣшить къ Казани на подводахъ. Одна изъ такихъ командъ, отправленная новгородскимъ губернаторомъ Сиверсомъ, сдѣлала 250 верстъ въ два дня: доказательство, какое значеніе придавали правительственныя лица настоящему случаю. Начальство надъ войсками, отовсюду спѣшившими въ Казань, долженъ былъ принять генералъ Каръ, лично извѣстный императрицѣ со времени ея вступленія на престолъ ** и постоянно употреблявшійся для различныхъ порученій Репнинымъ въ бытность его посломъ въ Польшѣ. Указъ о его назначеніи былъ данъ 11 октября. Въ тотъ же самый день подписанъ былъ манифестъ, объявлявшій о появленіи самозванца, равно какъ объ истинномъ его званіи и имени. Повидимому, однакожь, этотъ манифестъ, чтобы не производить тревоги въ умахъ всей страны, былъ разосланъ только въ тѣ мѣстности, которыя были объяты или угрожаемы возмущеніемъ: иначе мудрено объяснить, что до исхода ноября, по сло-

---

пришло 4.000 Башкиръ и 300 Калмыковъ, такъ что къ декабрю всякаго сброда набралось у него до 120 т. человѣкъ. Пушкинъ уменьшаетъ это число до 25.000. Рычковъ—до 10 т., а Бибиковъ, пріѣхавъ въ Казань, писалъ графу Чернышеву, что ихъ не менѣе 6.000, кромѣ Башкиръ. Впрочемъ, воинство Пугачева состояло изъ волонтеровъ, которые приходили и уходили по произволу, и число ихъ должно было ежедневно измѣняться.

* *Записки* Державина.

** О немъ упоминаетъ кн. Дашкова въ своихъ *Запискахъ*.

вамъ Державина, въ Петербургѣ вовсе не было разговоровъ о Пугачевѣ. Впрочемъ, русское общество того времени было хорошо вышколено и упорно молчало о томъ, о чемъ правительство не желало чтобы говорилось; а что правительство хотѣло избѣжать гласности по настоящему дѣлу, видно изъ того, что оно до января 1774 года, ни однимъ словомъ не давало знать своимъ дипломатическимъ агентамъ за границей объ „Оренбургскихъ происшествіяхъ“: „Я приказала не таить болѣе этой исторіи“, писала императрица къ новгородскому губернатору Сиверсу лишь 10-го декабря.* И дѣйствительно, не ранѣе какъ по полученіи извѣстія о первыхъ успѣхахъ противъ Пугачева, была снята печать безмолвія съ русскихъ дипломатовъ за границей.** Но если правительство понимало все значеніе обнаруживавшагося волненія и употребило вышеозначенныя энергическія мѣры для сосредоточенія войскъ у Казани, то мудрено понять назначеніе начальникомъ ихъ генерала Кара, человѣка проведшаго бо́льшую часть своей службы въ Польшѣ, вовсе неизвѣстнаго въ томъ краѣ, куда его посылали, и вовсе его незнавшаго, не имѣвшаго ни военнаго, ни инаго какого-либо авторитета. Онъ могъ имѣть достоинства какъ второстепенный дипломатическій агентъ, но въ настоящемъ случаѣ оказался ниже своего положенія. Прибывъ на мѣсто, онъ не понялъ опасности, которая угрожала краю; въ письмѣ къ графу Чернышеву онъ очень легкомысленно отзывался о врагѣ, противъ котораго былъ посланъ,*** и смѣло двинулся къ Оренбургу, раздѣливъ еще притомъ свои силы: съ частію ихъ пошелъ самъ, а другую послалъ подъ командою полковника Чернышева. Дорогой узнавъ, что на соединеніе съ самозванцемъ слѣдуетъ толпа заводскихъ крестьянъ и Башкиръ, Каръ попробовалъ было не допустить этого соединенія, пошелъ къ ней навстрѣчу, и вдругъ, безъ всякой видимой причины, круто повернулъ назадъ, и отступленіе его было очень похоже на бѣгство.**** Мало того: Каръ, поки-

---

* Ein rus. Staatsmann.

** 7-го января 1774 г. вице-канцлеръ князь Голицынъ въ первый разъ коснулся этихъ дѣлъ въ депешѣ къ посланнику нашему въ Берлинѣ, князю Влад. Сер. Долгорукову: „Вы слышали, конечно,—писалъ онъ,—объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Дѣло преувеличено молвой. Эти безпорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствіемъ войскъ.“

*** *Ист. Пуг. бунта.*

**** Онъ былъ за это отставленъ отъ службы.

нувъ и войско, и край ему ввѣренный, безъ всякаго разрѣшенія ускакалъ въ Москву. * Что же касается до отряженнаго имъ Чернышева, то отрядъ его былъ аттакованъ превосходными силами и сдался, а онъ самъ и 36 офицеровъ были повѣшены.

Всѣ эти извѣстія, увеличиваемыя еще молвой, приводили въ ужасъ всю восточную половину Россіи; Казань опустѣла; въ Москвѣ распространилось смущеніе; даже въ окрестностяхъ Петербурга въ народѣ начинали ходить подозрительные толки. ** Къ удивленію, если вѣрить свидѣтельству Державина, лишь въ петербургскомъ обществѣ ничего не знали или дѣлали видъ что ничего не знаютъ. Въ день кавалерскаго праздника Св. Андрея, 30 ноября, во дворцѣ былъ балъ. Императрица, всегда искусно владѣвшая собою, съ обыкновенною своею величаво-привѣтливою улыбкой, обращая благосклонное слово то къ тому, то къ другому изъ присутствовавшихъ, заговорила и съ А. И. Бибиковымъ. *** Этотъ разговоръ продолжался нѣсколько болѣе обыкновеннаго, а потому былъ замѣченъ, тѣмъ еще болѣе что Бибиковъ казался въ это самое время не совсѣмъ въ милости при дворѣ; полагали, что къ нему не благоволилъ графъ З. Г. Чернышевъ, только что утвержденный президентомъ военной коллегіи, и этому обстоятельству приписывали назначеніе Бибикова въ армію Румянцева, что̀ никакъ не могло считаться повышеніемъ, послѣ того какъ онъ самостоятельно управлялъ военными дѣйствіями въ Польшѣ. Какъ бы то ни было, императрица довольно долго разговаривала съ Бибиковымъ на балѣ 30 ноября, а на другой день весь городъ узналъ содержаніе этого разговора: 29 числа былъ подписанъ рескриптъ, назначавшій его главнымъ начальникомъ какъ всѣхъ военныхъ силъ, направленныхъ

---

* Письмо Екат. къ кн. Волк. (Соч. Екат. II.)

** *Записки* Державина.

*** Послѣ командировки въ Холмогоры, о которой было уже сказано, Бибиковъ скоро опять пріобрѣлъ милость двора. Императрица во время своего путешествія въ Казань и Симбирскъ обѣдала у него, въ его усадьбѣ, и вслѣдъ затѣмъ утвердила его предводителемъ собранія депутатовъ для составленія Уложенія. По распущеніи собранія, онъ командовалъ войсками въ Польшѣ, по удаленіи оттуда князя Репнина.

противъ Пугачева, такъ и всего края, охваченнаго мятежемъ или имъ угрожаемаго.

Бибиковъ, постоянно пользовавшійся самою лучшею и чистою репутаціей со времени собранія депутатовъ, котораго онъ былъ предводителемъ, имѣлъ огромную популярность. Назначеніе его было торжественнымъ признаніемъ того какую важность придавало правительство яицкимъ происшествіямъ. Это назначеніе послужило также указаніемъ искателямъ отличій, что пристроиться къ свитѣ новаго начальника будетъ дѣломъ не безвыгоднымъ. Въ числѣ такихъ искателей былъ и знаменитый въ послѣдствіи Державинъ, который хотя и былъ предупрежденъ уже многими, но, въ качествѣ казанскаго уроженца, былъ принятъ Бибиковымъ. * Съ большою поспѣшностію этотъ послѣдній выѣхалъ изъ Петербурга, и пробывъ только четыре дня въ Москвѣ, поскакалъ въ Казань, куда пріѣхалъ въ ночь на Рождество. Казань была пуста. Тѣ изъ дворянъ, которые имѣли помѣстья въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ театра безпорядковъ, поспѣшили туда уѣхать; другіе отправились въ Москву. Самого губернатора, генерала фонъ-Бранта, не было въ Казани; этотъ дряхлый и слабый старикъ находился зачѣмъ-то въ Козмодемьянскѣ, и сколько можно заключить по географическому положенію этого городка, не затѣмъ чтобъ идти навстрѣчу Пугачеву. Дѣла были нехороши, очень нехороши. „Они столь дурны, что я довольно того описать не могу“, увѣдомлялъ Бибиковъ графа Чернышева, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Казань. ** Въ самомъ дѣлѣ, въ исходѣ декабря,—время его пріѣзда,—мятежъ далеко раскинулся во всѣ стороны и, казалось, начиналъ серіознымъ образомъ угрожать Казани. Чика держалъ Уфу въ тѣсной блокадѣ, Самара была занята мятежниками, возмущеніе бушевало въ Пензенской провинціи. Мятежники, утвердившись такимъ образомъ на низовьи Волги, получали возможность непосредственно дѣйствовать на бурливое народонаселеніе этой мѣстности, на поволжскую вольницу. Башкиры и заводскіе крестьяне явно бунтовали, и разливъ мятежа начиналъ уже переходить на восточную сторону Уральскаго хребта, въ Тобольскую губернію. На всемъ этомъ обширномъ пространствѣ торжествовалъ самозванецъ.

---

* *Записки* Державина. *Ист: Пугач. бунта.*

** *Ист. Пуг. бунта. Записки* Державина.

Только въ двухъ пунктахъ, Оренбургѣ и Яицкомъ-Городкѣ, удерживалась еще законная власть, но и въ Оренбургѣ и въ Яицкѣ гарнизоны умирали отъ голода. И какія же средства противодѣйствовать такому положенію дѣлъ? Край былъ почти безъ войскъ, да и тѣ, которыя еще оставались, были совершенно деморализованы: „На гарнизонныя команды считать нельзя,—писалъ Бибиковъ графу Чернышеву.—Сія *негодница* довольна что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, присылаетъ рапорты, что окружена и дальше идти нельзя.“ Въ частной своей перепискѣ онъ выражался еще сильнѣе: „Скареды и срамцы, здѣшніе гарнизоны, всего боятся, никуда носъ не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ.“ * При такихъ условіяхъ нельзя было, слѣдовательно, предпринять никакихъ рѣшительныхъ военныхъ мѣръ. Оставалось одно: поднять упавшій духъ мѣстнаго населенія и сдѣлать воззваніе къ тѣмъ сословіямъ, которымъ наиболѣе грозила Пугачевщина, и положеніе которыхъ дѣлало ихъ естественными защитниками порядка.

Въ такомъ именно положеніи находилось прежде всего дворянство. Мы уже замѣтили, что со стороны самозванца рѣчь шла о томъ, чтобъ отобрать дворянскія помѣстья. Надѣлить крестьянъ на счетъ помѣщиковъ сдѣлалось однимъ изъ догматовъ Пугачевщины. Многіе видятъ въ ней страшный протестъ противъ крѣпостнаго права, и этого отрицать нельзя; но не нельзя тоже не видѣть въ ней дикаго коммунизма, посягательства на основу гражданскаго благоустройства—право собственности—и тѣхъ противугосударственныхъ и противуобщественныхъ началъ, которыя теперь, какъ и во время первыхъ самозванцевъ и Разина, но уже въ послѣдній разъ, стремились потрясти и сокрушить зданіе воздигнутое исторіей, поставить понятія *орды* на мѣсто понятія *государства*. Эта сторона Пугачевщины едва ли не болѣе всѣхъ другихъ льстила инстинктамъ черни, на которую такъ разчитывалъ самозванецъ,—и именно черни той мѣстности, среди которой онъ началъ дѣйствовать, гдѣ главную массу населенія сотавляли азіятскіе инородцы, раскольники, съ ихъ древнимъ озлобленіемъ противъ государства, и казаки, съ ихъ преданіями старинной вольницы, гдѣ, наконецъ, вовсе, или почти

---

* Письмо Бибикова въ *Приложеніяхъ къ Ист. Пуг. бунта.*

вовсе, не было влiятельныхъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненiи порядка. У Пугачева былъ писарь, котораго казаки утопили, потому, — объясняли они своему царю-батюшкѣ,—что „онъ отбиваетъ насъ прочь, а дворянъ сталъ принимать.“ * Хорошiй отзывъ казаковъ или солдатъ о своихъ офицерахъ былъ лучшею для нихъ рекомендацiей и нерѣдко спасалъ имъ жизнь, тогда какъ, напротивъ того, жалоба подчиненныхъ на своихъ начальниковъ неизбѣжно вела этихъ послѣднихъ на висѣлицу. Офицеры отряда Чернышева были перевѣшаны, потому что ихъ солдаты, передавшiеся Пугачеву, показали, что они „обижали чернь; да и казаки уговаривали меня,—говоритъ Пугачевъ,—что ихъ щадить нечего.“ Подобныя черты, впрочемъ, свойственны всѣмъ эпохамъ кризиса, когда, такъ-сказать, срываются съ цѣпи дикiе и свирѣпые инстинкты массъ, къ какой бы нацiи эти массы ни принадлежали. „Зло превелико, преужасно“, писалъ Бибиковъ женѣ своей. Татары, Мещеряки и русскiе крестьяне волновались на огромномъ пространствѣ. Въ концѣ декабря мятежъ охватилъ Кунгурскiй уѣздъ, на сѣверной оконечности Башкирiи, и самый городъ Кунгуръ подвергся нападенiю. Съ другой стороны, на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ и на окраинахъ прилегающей къ нимъ равнины, въ уѣздахъ Шадринскомъ и Челябинскомъ, кипѣло всеобщее возстанiе. ** Возмутительные листы или указы самозванца, сулившiе „вольность“, глубоко потрясали крестьянское населенiе; приманка вольницы и надежда добычи поднимали инородцевъ. Мелкiя крѣпостцы и форпосты, разсѣянные по всему краю, либо сдавались безъ выстрѣла плохо вооруженнымъ, но многочисленнымъ мятежникамъ, либо оказывали самое ничтожное сопротивленiе. Побѣда сопровождалась разграбленiемъ казеннаго имущества, сожженiемъ дѣлъ мѣстныхъ управленiй и прiобрѣтенiемъ нѣсколькихъ пушекъ и оружiя, что усиливало военныя средства мятежниковъ. Они держали цѣлый мѣсяцъ Челябинскъ въ осадѣ, и едва не овладѣли знаменитымъ Далматовомъ монастыремъ. *** Понятно, что

---

* *Допросы Пугачеву.*

** *Пермскiй Сборникъ.*

*** *Пермскiй Сборникъ* т. II и *Чтенiя* 1859 г. За нѣсколько лѣтъ до Пугачевщины, крестьяне этого монастыря бунтовали

передъ такою силой склонялись люди хотя и благонамѣренные, но робкіе, а такихъ вездѣ и всегда большинство. Нельзя не видѣть съ сожалѣніемъ, что во многихъ мѣстахъ священники подавали примѣръ преступной слабости, и примѣръ ихъ увлекалъ, конечно, многихъ. Наконецъ, многіе могли быть введены въ заблужденіе вѣстями, которыя постоянно распространяли *полковники* и *атаманы* Пугачева о занятіи имъ Казани и Москвы; одинъ изъ нихъ провозглашалъ, въ концѣ февраля 1774 г., что „всѣ государственные, царственные, настольные и прочіе россійскіе,—отъ перваго и даже до послѣдняго, окромѣ половины Тобольской губерніи,—города всѣ склонились его императорскому величеству и въ подданство благополучно пришли.“ *

Этому разливу злой и завистливой демагогіи, этому элементу разрушенія, Бибиковъ попробовалъ противупоставить элементы консервативные, заключавшіеся въ дворянствѣ и высшемъ духовенствѣ. Уже одно его прибытіе въ Казань побудило многихъ изъ оставившихъ ее помѣщиковъ возвратиться. Въ самый новый годъ (1774) въ соборѣ было совершено торжественное богослуженіе, послѣ чего прочитанъ манифестъ, напечатанный церковнымъ штрифтомъ, который постарались распространить и между простонародьемъ. ** Изъ церкви преосвященный Веніаминъ и *все благородное собраніе* были приглашены къ Бибикову; онъ, по словамъ Пушкина, „произнесъ умную и сильную рѣчь, обратился къ сословію, которое, вмѣстѣ съ правительствомъ, обречено было на гибель крамолой, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности престолу.“ Вопросъ былъ поставленъ вѣрно, и потому воззваніе Бибикова произвело впечатлѣніе. Собраніе тутъ жерѣшило вооружить конную милицію, выставя съ двухъ сотъ душъ по рекруту. Примѣру казанскаго дворянства послѣдовало дворянство симбирское, свіяжское и пензенское. Казанскій магистратъ вооружилъ эскадронъ гусаръ. Съ своей стороны, Казанскій архіепископъ

по поводу указа Императора Петра III объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ. Этотъ бунтъ, усмиренный военною силой, и притомъ съ большою жестокостью, оставилъ слѣды, которые обнаружились съ появленіемъ Пугачева.

* Это увѣщаніе было написано въ Далматовомъ монастырѣ.

** Опредѣленіе казан. дворянства, *Чтен. 1864 г.*

разослалъ по своей епархіи увѣщательныя грамоты, въ которыхъ излагалъ обстоятельства погребенія императора Петра съ большою подробностію и съ авторитетомъ очевидца, такъ какъ онъ во время этого событія находился въ Петербургѣ. *

Императрица одобрила всѣ эти дѣйствія; особенно довольна будучи инипіативой казанскаго дворянства, она пожелала къ нему причислиться и, въ качествѣ *казанской помѣщицы*, принять участіе въ вооруженіи мѣстной милиціи. Этотъ знакъ вниманія государыни и самое присутствіе довѣреннаго и извѣстнаго лица нѣсколько пріободрили казанскихъ жителей; свѣжія войска начинали прибывать, и съ мятежниками произошли удачныя стибки (въ половинѣ января). Но дѣло въ дѣйствительности было еще въ самомъ тревожномъ положеніи. „Зло распространяется весьма далеко,—писалъ Бибиковъ, отъ 24-го января, графу Чернышеву.— Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться, тожь и подводы къ подвозу за войсками? Сами представить можете, коликимъ затрудненіямъ по нынѣшнему времени все сіе подвержено, и тѣмъ паче, что внутрь и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей“! Но въ письмѣ къ военному министру Бибиковъ не высказывалъ важнѣйшаго изъ своихъ опасеній,—опасеній относительно вѣрности даже новоприбывшихъ войскъ. Еще до выѣзда своего изъ Петербурга онъ получилъ извѣстіе, что между солдатами, снаряжаемыми противъ Пугачева изъ-подъ самой столицы, ходятъ подозрительные толки, и это извѣстіе оказалось не неосновательнымъ: по полученнымъ имъ офиціяльнымъ донесеніямъ, между солдатами Владимірскаго гренадерскаго полка шла рѣчь о томъ, чтобы не драться противъ Пугачева. ** Весьма возможнымъ казалось ожидать того же и въ другихъ полкахъ. „Я страшно боялся,—писалъ Бибиковъ къ одному изъ своихъ друзей, — чтобъ они не послѣдовали примѣру здѣ-

* „Матеріялы для ист. Пуг. бунта“, *Чтенія* 1859 г. Въ послѣдствіи онъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ самозванцемъ, но вполнѣ оправдался.

** *Записки* Державина.

шнихъ гарнизоновъ и не стали бы класть оружія передъ мятежниками. Однако нѣтъ: они дерутся какъ должно и трактуютъ ихъ какъ мятежниковъ.“ *

Бибиковъ началъ, наконецъ, наступательныя дѣйствія одновременнымъ движеніемъ трехъ колоннъ: одну, подъ начальствомъ генерала Мансурова, онъ направилъ отъ Самары къ Яицкому-Городку, другую отъ Казани къ Оренбургу, которою командовалъ князь Голицынъ, и, наконецъ, третью черезъ Уфу къ Екатеринбургу, подъ начальствомъ генерала Ларіонова. ** Въ то же время генералъ Декалонгъ долженъ былъ стѣснять сферу мятежа со стороны Сибири и Киргизской степи. Время было чрезвычайно неудобное для военныхъ дѣйствій: приближеніе весны образовало зажоры, рѣки начинали расходиться. Цѣлыя команды принуждены бывали иногда дѣлать переходы на лыжахъ. Но невозможно было терять ни одного дня. Идти, и идти безостановочно, было необходимо. Направивъ свои силы, Бибиковъ самъ поѣхалъ вслѣдъ за ними, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, и перенесъ свою резиденцію въ Бугульму. Пугачевъ, между тѣмъ, жестоко стѣснившій Оренбургъ и Яицкъ и доведшій ихъ до отчаяннаго положенія, узнавъ о направленныхъ противъ него колоннахъ, кинулся навстрѣчу князю Голицыну и засѣлъ въ Татищевой. Здѣсь произошла первая и весьма серіозная встрѣча, 22-го марта между его шайками, въ которыхъ насчитывалось до 10.000 человѣкъ, и регулярнымъ войскомъ. Рѣзня была жестокая она продолжалась шесть часовъ и кончилась полною побѣдой надъ мятежниками. Ихъ пало, писалъ Бибиковъ, слишкомъ 2000 человѣкъ и въ плѣнъ взято болѣе 3000, съ 35 пушками. Немаловажна была потеря и съ нашей стороны: было убито 9 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ, да ранено 12 офицеровъ и 300 рядовыхъ. Пугачевъ съ 60 казаками прискакалъ въ занимаемую имъ Бердскую слободу, подъ Оренбургомъ, гдѣ усилился было снова, но настигнутый кавалеріей Голицына потерялъ послѣднія пушки и лишился 500 человѣкъ убитыми и 3500 взятыми въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ былъ Шигаевъ и первый писарь Пугачева, Почиталинъ.

---

* Всѣ эти письма находятся въ *Приложеніяхъ къ Ист. Пуг бунта.*

** *Ист. Пуг. бунта.*

Въ концѣ марта, * князь Голицынъ вступилъ въ Оренбургъ, освободивъ его отъ шестимѣсячной жестокой блокады. Это было первое радостное событіе. Вслѣдъ за нимъ послѣдовало освобожденіе Яицкаго-Городка Мансуровымъ, движеніе котораго замедлили весенніе разливы. Небольшой гарнизонъ этой крѣпостцы былъ доведенъ до крайняго положенія еще болѣе голодомъ нежели напоромъ непріятеля. Всѣ лошади были съѣдены, переѣли кошекъ и собакъ и принялись за падаль; когда же и ея не стало, стали ѣсть глину. Солдаты едва имѣли силу владѣть оружіемъ. Но Симоновъ держался до конца и, наконецъ, дождался освобожденія, послѣдовавшаго 17-го апрѣля, передъ самымъ праздникомъ Пасхи. Съ своей стороны, третья колонна, до половины марта остававшаяся въ бездѣйствіи, пришла, наконецъ, въ движеніе, когда начальство надъ нею было поручено вмѣсто генерала Ларіонова полковнику Михельсону. Этотъ замѣчательный боевой офицеръ, соединяя быстроту съ необыкновенною настойчивостью, разбивъ и разсѣявъ въ двухъ горячихъ схваткахъ шайку Чики, освободилъ Уфу, и не давая времени своимъ противникамъ опомниться, гнался за ними по слѣдамъ до Тобинска, гдѣ этотъ важнѣйшій изъ сообщниковъ Пугачева былъ выданъ самими казаками.

Чика былъ не единственный поплатившійся свободой за свой неуспѣхъ. Послѣ пораженія подъ Татищевой, Хлопуша, каторжникъ и одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ Пугачева, взбунтовавшій заводскихъ крестьянъ, былъ схваченъ Башкирами и выданъ Рейнсдорпу. Самъ Пугачевъ едва не подвергся той же участи. Шигаевъ, въ надеждѣ заслужить помилованіе, засылалъ, послѣ Татищевскаго разгрома, въ Оренбургъ сказать, что онъ готовъ выдать самозванца. Таковы были результаты энергіи, быстроты и вообще толчка, который сообщилъ дѣлу Бибиковъ. Какъ бѣдствія ввѣреннаго ему края, такъ и первые признаки поворота къ лучшему онъ принималъ съ одинаковою живостію и горячностію. „У меня какъ жерновъ съ плечъ свалился“, писалъ онъ. Казалось, очарованіе разрушено и самозванцу ничего не остается болѣе какъ бѣжать къ Киргизамъ или принести повин-

---

* Пушкинъ говоритъ, что это было 26-го марта, а Бантышъ-Каменскій (см. *Словарь*)—31-го.

ную. На это несомнѣнно надѣялись въ Петербургѣ, и вице-канцлеръ въ такомъ смыслѣ извѣщалъ наши посольства: * „Это дѣло, о которомъ было такъ много шуму за границей, — писалъ онъ, — можно считать поконченнымъ.“

Къ сожалѣнію, дни Бибикова были уже сочтены. Заболѣвъ въ Бугульмѣ горячкой, онъ умеръ 9-го апрѣля, не имѣя еще полныхъ 45 лѣтъ отъ роду. Смерть его, которая и во всякое время была бы для Россіи чувствительною потерей, была въ настоящую минуту общественнымъ бѣдствіемъ. Дѣйствія отдѣльныхъ начальниковъ, не направляемыя болѣе его могущественною волей, потеряли единство и связь, и Пугачевъ ожилъ еще на полгода.

Послѣ двукратнаго своего пораженія, онъ кинулся въ Башкирію, на заводы, между крестьянами которыхъ, равно какъ и въ самихъ Башкирахъ, онъ надѣялся найдти поддержку. Дѣйствительно, одного его появленія было достаточно чтобы поднимать массы; между Башкирами является ему новый союзникъ, Салаватъ, сынъ одного изъ вождей прежнихъ башкирскихъ возстаній. Въ это же время замѣчается въ таборѣ самозванца какое-то довольно таинственное лицо, которое Пугачевъ именуетъ Иваномъ Ивановымъ. Этотъ Иванъ Ивановъ называлъ себя купцомъ и прибылъ къ Пугачеву, когда онъ находился „въ Уралахъ.“ Онъ выдавалъ себя за человѣка присланнаго отъ великаго князя, и его именемъ убѣждалъ народъ идти подъ знамена Пугачева; говорилъ, будто бы привезъ самозванцу отъ цесаревича *сапоги и шапку*, а отъ его супруги *два камня*, и увѣрялъ, что великій князь съ войскомъ самъ слѣдуетъ навстрѣчу мятежникамъ: ** это былъ, какъ кажется, ржевскій купецъ Долгополовъ, раскольникъ. Мы еще не разъ встрѣтимъ въ нашемъ разказѣ этого отважнаго интригана, а теперь посмотримъ на Пугачева, приготовляющагося къ новымъ успѣхамъ въ то самое время, когда наши посланники съ увѣренностію объясняли во всѣхъ столицахъ Европы, что *фарса* на Яикѣ доиграна. Переходя съ завода на заводъ, онъ въ короткое время набралъ около 1000 человѣкъ и съ ними кинулся на крѣпость Магнитную, находящуюся на восточномъ склонѣ

* Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Депеша кн. Голицына въ Берлинъ отъ 8 апрѣля.

** *Допросы Пугачеву*, II.

горъ. Въ этой гористой мѣстности, доступъ къ которой затруднялся для войскъ Михельсона и Голицына разливомъ горныхъ ручьевъ, вѣроятно, Пугачевъ надѣялся пріобрѣсть нѣсколько успѣховъ, возвысить тѣмъ свой кредитъ и усилить волненіе между сибирскими крестьянами. Не имѣя ни одной пушки, но увеличивъ свою толпу 4000 крестьянъ, которыхъ привелъ къ нему Бѣлобородовъ,—одинъ изъ новыхъ его пособниковъ,—онъ потребовалъ, чтобы Магнитная сдалась ему. Это требованіе не было исполнено: крѣпость оборонялась, при чемъ Пугачевъ получилъ даже рану; но онъ взялъ ее съ боя и выжегъ до тла. Оттуда онъ обратился, все по восточному склону горъ, на Верхнеуральскъ, забирая людей на форпостахъ. Въ продолженіе нѣскольких дней онъ то кидался въ горы, къ заводамъ, то пускался въ открытую степь, сбивая съ толку гонявшагося за нимъ генерала Декалонга, и наконецъ напалъ на Троицкую крѣпость, стоящую на р. Уѣ, впадающей въ Тоболь. У него уже было въ это время (21-го мая) болѣе 10.000 войска и 30 орудій. Съ этими силами онъ штурмовалъ крѣпость и взялъ ее. * Не ранѣе какъ на другой день прибылъ генералъ Декалонгъ, всюду слѣдовавшій за Пугачевымъ, но нигдѣ его не предупреждавшій; было жаркое сраженіе, въ которомъ Декалонгъ разбилъ мятежниковъ, но не преслѣдовалъ, почему разстроившіяся было толпы ихъ быстро собрались и снова готовы были встрѣтить врага болѣе опаснаго чѣмъ Декалонгъ, — Михельсона, который одинъ не заснулъ послѣ смерти Бибикова. Пробираясь сквозь горный лабиринтъ, гдѣ разливъ ручьевъ и рѣкъ задерживалъ его на каждомъ шагу, онъ далъ только однажды дневку своимъ войскамъ, и нежданно-негаданно явился по другую сторону хребта, гдѣ встрѣтилъ мятежниковъ, недалеко отъ Челябинска, и разбилъ ихъ „на-чисто", какъ говорилъ въ послѣдствіи самъ Пугачевъ. Послѣ этой первой встрѣчи съ роковымъ своимъ противникомъ, „не осталось у меня,—прибавлялъ онъ,—ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число." Къ несчастію, Михельсону, кажется, не съ кѣмъ было преслѣдовать разбитаго врага, и на этотъ разъ онъ потерялъ его слѣдъ. Пугачевъ снова ударился въ горы, гдѣ отчасти

* Изъ разказа Пушкина, не весьма въ этомъ мѣстѣ яснаго, можно бы думать, что Пугачеву не удалось взять Троицкую. Онъ, однакожъ, положительно на допросѣ объявилъ, что взялъ ее.

заводскіе крестьяне, а болѣе Башкиры, вновь образовали вокругъ него многочисленную толпу;* но онъ былъ опять настигнутъ Михельсономъ на рѣкѣ Аѣ и разбитъ на-голову. Черезъ три дня, однако, онъ самъ нападаетъ на передовой отрядъ Михельсона; отбитый здѣсь, кидается на его обозъ; снова пораженъ и снова черезъ два дня даетъ сраженіе. Если неутомимъ былъ Михельсонъ, проникшій изъ Уфы до Челябинска безъ роздыха, то, надо признаться, что съ такимъ лихимъ казакомъ, каковъ былъ Пугачевъ, было трудно справляться. Правда и то, что на сторонѣ Пугачева было много преимуществъ: онъ вездѣ находилъ продовольствіе, проводниковъ и лазутчиковъ, тогда какъ Михельсонъ долженъ былъ тащить съ собою обозъ, и стоило ему только выпустить изъ вида своего противника чтобы потерять и слѣдъ его. Онъ могъ преслѣдовать Пугачева не иначе какъ держась, такъ-сказать, за хвостъ его лошади. Дважды сряду разбитый, Пугачевъ, однакожъ, не унывалъ. Въ группѣ неизмѣнно сопровождавшихъ его яицкихъ казаковъ всегда возникала какая-нибудь лихая и бойкая мысль; такъ, напримѣръ, Иванъ Ивановъ уговаривалъ его бросить пустынныя окраины Имперіи и кинуться на Казань, гдѣ, говорилъ онъ, „можемъ утвердиться, а потомъ слѣдовать въ Москву, для принятія Всероссійскаго престола.**

Плѣнные показали Михельсону, что самозванецъ намѣревается ударить на Уфу. Дѣло могло быть серіозно: изъ Уфы лежалъ прямой путь на Казань; а отъ такого отважнаго и дерзкаго партизана, какъ Пугачевъ, можно было всего ожидать. Михельсонъ поспѣшилъ загородить ему дорогу и направился самъ къ Уфѣ, чтобы запастись средствами для дальнѣйшихъ дѣйствій. Отраженный отъ Уфы, Пугачевъ кинулся на сѣверъ, гдѣ бунтующіе Башкиры сожгли Бирскъ. По дорогѣ онъ занялъ Красноуфимскъ, и оттуда ударился на Осу, которая сдалась ему послѣ нѣкотораго сопротивленія. Такимъ образомъ онъ хотя и сдѣлалъ кругъ, но очутился опять на дорогѣ въ Казань, и притомъ съ тою выгодой, что могъ здѣсь совершить безопасно переправу черезъ Каму.

Казань и ея окрестности были обнажены отъ войскъ. Тамошній губернаторъ, со времени пораженій нанесенныхъ Пу-

---

* Тысячъ въ десять, если вѣрить показанію Пугачева.

** *Допросы Пугачеву*, II, 4.

гачеву Голицынымъ и послѣ дѣйствій на востокѣ Уральскихъ горъ, считалъ себя, и не безъ основанія, повидимому, совершенно безопаснымъ. * Между тѣмъ, 23-го іюня, самозванецъ переправился черезъ Каму и кинулся на винокуренные (нынѣ оружейные) заводы, Воткинскій и Ижевскій, которыхъ рабочіе примкнули къ мятежническимъ шайкамъ. ** Намѣреніе Пугачева перенести театръ своихъ подвиговъ изъ Башкиріи на среднюю Волгу было очевидно. Генералъ князь Щербатовъ, заступившій мѣсто Бибикова, приказалъ тогда Голицыну спѣшить изъ Оренбурга къ Уфѣ, дабы оттуда дѣйствовать по усмотрѣнію. Въ Казани засуетились. Тамъ было всего-на-все 1.500 солдатъ. Приступили къ вооруженію еще 6.000, а между тѣмъ Пугачевъ былъ уже близко. 10 іюля, полковникъ Толстой вышелъ изъ Казани къ нему навстрѣчу, и въ 12 верстахъ отъ города между ними произошелъ бой; Толстой былъ убитъ, а отрядъ его присталъ къ самозванцу, который вслѣдъ затѣмъ явился на Арскомъ полѣ, у Казанской заставы. Здѣсь, говоритъ Пугачевъ, „сталъ я въ лагерь и написалъ къ казанскому губернатору указъ, чтобы безъ баталіи сдался.“ Сдаться было нельзя, но и сражаться нечѣмъ. Въ оборонѣ, по словамъ Пушкина, принимали участіе люди всякаго званія, между прочимъ, гимназисты и суконщики: эти послѣдніе—кулачные бойцы по профессіи; съ другой стороны, на приступъ шли всякаго рода плохо вооруженная сволочь и заводскіе крестьяне съ голыми кулаками... Казань была взята (12-го іюля). Кто успѣлъ, кинулся въ крѣпость, а городъ былъ разграбленъ и выжженъ. Множество народа было здѣсь перебито; огромныя толпы уцѣлѣвшихъ были отогнаны въ лагерь самозванца, гдѣ, между прочимъ, нѣсколько чиновниковъ засѣчено плетьми. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ и принималъ дары, которые приносили ему казанскіе Татары. Мущинамъ сдѣлано было предложеніе служить императору Петру Ѳеодоровичу, чѣмъ весьма многіе и воспользовались, *** женщинамъ же всѣмъ было объявлено

---

* *Записки* Державина.

** *Ист. Пуг. бунта.*

*** Въ числѣ таковыхъ былъ одинъ изъ трехъ братьевъ Пулавскихъ, очень извѣстныхъ членовъ Барской конфедераціи, находившійся въ Казани въ плѣну и, по свидѣтельству Пушкина, жившій

прощеніе. Въ числѣ захваченныхъ въ Казани женщинъ была и первая жена Пугачева, Софья, оставленная имъ въ Зимовейской станицѣ и вызванная, вмѣстѣ съ его дѣтьми, въ слѣдственную коммиссію для дачи показаній о прежней жизни своего мужа: * говорю *первая*, потому что Пугачевъ, во время осады Яицка, обвѣнчался на другой, Устиньѣ, дочери казака Кузнецова, которую приказалъ поминать на эктеніяхъ. Положеніе самозванца, когда совершенно неожиданно передъ нимъ явилась его законная жена, было довольно щекотливо; но онъ вывернулся очень удачно. „Друга моего Пугачева жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и который за меня пострадалъ!“ воскликнулъ онъ, увидѣвъ Софью. „Я тебя, бѣдная, не покину“, утѣшалъ онъ ее, — и дѣйствительно *не покинулъ*, а возилъ за собою до конца своего поприща „въ коляскѣ“ вмѣстѣ съ дѣтьми, но также вмѣстѣ и съ другими женщинами, которыхъ у него было до десяти. Вообще, скажемъ здѣсь къ слову, Пугачевъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя исключительно злыхъ наклонностей, совершенно зависятъ въ отношеніи нравственности отъ обстоятельствъ, и для которыхъ не существуетъ понятія о добрѣ и злѣ. Можно, кажется, вѣрить тому, что онъ не слишкомъ часто имѣлъ свирѣпыя побужденія; но казаки начнутъ приставать чтобъ онъ приказалъ повѣсить такого-то, — ну и пусть его повѣсятъ! Въ началѣ своей службы онъ былъ трезвымъ казакомъ; когда же обстоятельства перемѣнились, и ему стоило протянуть руку чтобы высадить дно у боченка съ водкою, онъ сдѣлася пьяницей; не зналъ устали, когда его тѣснилъ Михельсонъ, и проводилъ дни и ночи въ гульбѣ, когда никакая особенная опасность не толкала его, такъ-сказать, подъ бокъ.

Стѣны казанской крѣпости были ненадежною защитой для столпившихся тамъ людей. Они съ ужасомъ ожидали утра и вмѣстѣ съ нимъ приступа... но каково же было ихъ изумленіе, когда вмѣсто шаекъ Пугачева они увидѣли на мѣстѣ бывшаго лагеря самозванца гусаръ Михельсона!

Мы видѣли, къ какой необычайной настойчивости и бы-

въ домѣ губернатора. Онъ оставался при Пугачевѣ во время его дѣйствій на нижней Волгѣ, но потомъ оставилъ его, „возмущенный, говоритъ Пушкинъ, свирѣпостію самозванца.“

* *Допросы Пугачеву.*

строте былъ способенъ Михельсонъ; безъ отдыха и остановки онъ переносится изъ Уфы къ Троицкой крѣпости, неотступно, неутомимо преслѣдуетъ Пугачева по горнымъ долинамъ, лѣсамъ и пустынямъ во время его движенія съ верхняго Яика на западную покатость Общаго Сырта и 5 іюня имѣетъ съ нимъ послѣднюю встрѣчу. По словамъ Пушкина, у него оставалось въ это время только по два патрона на человѣка; это одно уже должно было вынудить его прекратить свое по истинѣ блестящее преслѣдованіе, которое, еслибы продлилось, могло бы положить конецъ поприщу дерзкаго самозванца; но къ движенію на Уфу его побуждало, сверхъ того, желаніе предупредить Пугачева на этомъ важномъ пунктѣ казанской дороги. Важности всѣхъ этихъ соображеній, засвидѣтельствованныхъ Пушкинымъ, нельзя отрицать. Но не такъ легко объяснить себѣ его дальнѣйшія дѣйствія. Когда именно онъ выступилъ изъ Уфы, не знаемъ, но 21 іюня онъ былъ близъ Бирска, за два дня до переправы Пугачева черезъ Каму у Осы. Затѣмъ они оба слѣдуютъ одинъ навстрѣчу другому, хотя и по противуположнымъ берегамъ Камы. Каждый переходъ сближаетъ ихъ между собою. Если Михельсонъ шелъ и теперь такъ быстро, какъ умѣлъ и какъ долженъ былъ идти въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ находиться не въ далекомъ разстояніи отъ Воткинскаго завода, когда этотъ заводъ былъ разграбленъ Пугачевымъ, и мудрено себѣ представить, чтобъ онъ о томъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ не могъ знать, — а зная это, не много нужно было проницательности, чтобы сообразить куда направляется мятежническая толпа. Что же побудило Михельсона слѣдовать на Осу, далѣе къ сѣверу, вмѣсто того чтобы, немедленно переправясь черезъ Каму, кинуться на перерѣзъ и загородить дорогу въ Казань? 27 числа, по свидѣтельству Пушкина, онъ положительно узналъ о переправѣ Пугачева, если не зналъ объ этомъ ранѣе, и все-таки „пошелъ по слѣдамъ его", то-есть на Осу, тогда какъ прямѣе было бы ему поворотить къ западу и переправиться между Елабугой и Мензелинскомъ, и занять казанскую дорогу. Подобныхъ дѣйствій, можетъ-быть, нельзя было бы ожидать отъ какого-нибудь дюжиннаго генерала, но какъ было не сдѣлать этого Михельсону! Въ настоящее время, не имѣя въ виду всѣхъ подробностей этихъ движеній, нельзя позволить себѣ рѣши-

тельнаго приговора надъ дѣйствіями Михельсона, но масса современниковъ была къ нему строже и приписывала его промедленіе презрѣнному соображенію—дать время Пугачеву ограбить Казань, чтобы потомъ поживиться его добычей. Будущій историкъ Пугачевщины, можетъ-быть, вполнѣ очистить память Михельсона; но здѣсь, кажется, не неумѣстно напомнить о современной молвѣ, сохранившейся и до сего времени въ окрестностяхъ имѣнія пожалованнаго будущему покорителю самозванца. *

Какъ бы то ни было, но Михельсонъ былъ еще въ 50 верстахъ отъ Казани, когда Пугачевъ подступилъ къ ней. Извѣстіе о приближеніи войскъ, слишкомъ знакомыхъ самозванцу, заставило его поспѣшно отозвать свои толпы, занятыя грабежемъ города, и кинуться навстрѣчу грозному противнику. Въ 7 верстахъ отъ Казани, близь села Царицына, произошло, 13 іюля, горячее сраженіе, результатомъ котораго было новое пораженіе самозванца. Окончивъ бой, Михельсонъ двинулся къ Казани, но Пугачевъ повернулъ свои толпы, далъ новый бой въ виду города, на Арскомъ полѣ, былъ снова разбитъ и кинулся за Казанку, оставивъ свой лагерь, ограбленныя въ Казани богатства и до 10.000 плѣнниковъ. ** Казань была освобождена.

Разбитый Пугачевъ бродилъ нѣсколько дней по лѣсамъ, съ остатками своей шайки. Всѣ пришедшіе съ нимъ Башкиры оставили его. *** При немъ находилось лишь небольшое число яицкихъ казаковъ, и между ними теперь, какъ послѣ пораженія подъ Татищевой и Сакмарскимъ-Городкомъ, обнаружилась въ отношеніи его измѣна. Точно такъ же, какъ тогда Шигаевъ, теперь яицкій казакъ Перфильевъ задумалъ представить самозванца правительству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе. Перфильевъ былъ въ Петербургѣ, когда начался мятежъ. Узнавъ объ этомъ, онъ сталъ просить, чтобъ ему позволили ѣхать на Яикъ, говоря, что онъ убѣдитъ своихъ земляковъ покинуть обманщика и приведетъ его вмѣстѣ съ ними съ повинною. **** Вызовъ его былъ охотно принятъ, и онъ отправился прямо въ Бердскую слободу, которую во вре-

* Въ Витебской губерніи, близь Невля.

** *Ист. Пуг. бунта.*

*** *Допросы Пугачеву.*

**** „Сентенція" въ *Ист. Пуг. бунта.*

мя осады Оренбурга занималъ Пугачевъ. Но прибывъ туда, онъ остался тамъ и сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ наперсниковъ самозванца и однимъ изъ самыхъ лютыхъ его атамановъ. Между тѣмъ, держась, такъ-сказать, на двухъ якоряхъ, онъ, послѣ пораженія подъ Казанью, далъ знать князю Гр. Гр. Орлову, что готовъ исполнить данное въ Петербургѣ обѣщаніе, и что у него уже 324 единомышленника, которымъ онъ просилъ по 100 р. награжденія на человѣка. * Какъ ни мало вѣроятія заслуживалъ этотъ двойной измѣнникъ, предложеніе его не было отвергнуто. Изъ Петербурга былъ даже посланъ гвардіи капитанъ для принятія самозванца изъ рукъ Перфильева.... И вдругъ получается извѣстіе, что Пугачевъ 18 іюля переправился на правый берегъ Волги близь Цывильска и шествуетъ по Нижегородской губерніи, раскидывая во всѣ стороны воззванія, въ которыхъ объявлялись крестьянамъ свобода, отпущеніе повинностей и безплатная раздача соли. **

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ Иваномъ Ивановымъ. Неотступно сопровождая Пугачева съ самаго его появленія въ Уральскихъ горахъ, онъ послѣ переправы на правый берегъ Волги выразилъ желаніе отправиться въ Москву.

— Время теперь, батюшка, надежда-государь, говорилъ онъ Пугачеву передъ собранною толпой, ѣхать—мнѣ возвратно къ *твоему Павлу Петровичу* и объявить ему, что в. в. перешелъ съ арміей за Волгу, и чтобы поспѣшилъ (онъ) съ обѣщанною силой къ тебѣ на помощь скорѣе.

За такой привѣтъ, сказанный, кромѣ того, примногихъ свидѣтеляхъ, Пугачевъ отсыпалъ своему приверженцу 50 рублей. Иванъ Ивановъ кланяясь и благодаря, спросилъ:

— Какъ же велишь пріѣзжать его высочеству: одному, или вмѣстѣ съ своею великою княгиней?

— Пускай пріѣзжаютъ вмѣстѣ, отвѣчалъ Пугачевъ, — и чтобъ они скорѣе изъ Петербурга выѣзжали.“ ***

Такія басни были, разумѣется, разчитаны на легковѣріе массы, окружавшей Пугачева. Впрочемъ, еслибы, за частымъ повтореніемъ, сказка о великомъ князѣ, поспѣшающемъ на помощь своему родителю, стала утрачивать вѣру, было предположеніе подкрѣпить самозваннаго императора Петра

---

* *Приложенія къ Ист. Пуг. бунта.*

** *Ист. Пуг. бунта.*

*** *Допросы Пугачеву*, II, 4.

самозванным великим князем Павлом: был подготовлен, как видно из одного письма Екатерины к московскому главнокомандующему, Волконскому, какой-то мальчик, который должен был разыграть роль великаго князя. *

IV.

Итак, Пугачев переправился через Волгу и вторгнулся в самую сердцевину России, призывая крестьян и обещая им свободу. На этот столь понятный им голос, они встают массой. Дворяне в ужасе покидают свои усадьбы и бегут в Москву; другие, которые не успели или не хотели удалиться, мучительно погибают или подвергаются самым оскорбительным поруганиям, влачимые за шайками самозванца. Толпы многочисленнейшия прежних стекаются к Пугачеву. Он кидается на Цывильск и угрожает Нижнему... При этом известии не один Нижний, но и Москва затрепетала. Многие стали перебираться из нея в Тверь. Императрица давно уже поняла, какое значение могло иметь имя, принятое самозванцем, и доказала это назначением Бибикова. Но она не ограничилась этим. Передвигая войска с западной границы, она вызвала оттуда генерала-поручика Потемкина (в последствии князя Таврическаго), котораго преданность и необыкновенныя способности были ей издавна известны, ** и который в феврале 1774 года назначен был вице-президентом военной коллегии. В марте потребован был и Суворов, котораго, однакоже, Румянцев не пустил, полагая, что, после ударов нанесенных Пугачеву Голицыным, спокойствие не замедлит возстановиться. Упрямый фельдмаршал горько ошибся; присутствие Суворова на Волге было действительно несравненно нужнее нежели на Дунае, где подписывался славный мир (10-го июля) в то самое время, когда Пугачев приближался к Казани. Все как-то вываливалось из рук, ничто не удавалось в это злосчастное время! Государыня, недовольная князем

---

* Соч. Екат. II, т. III. [illegible]

** Он прибыл в Петербург в январе 1774 г. См. брошюру г. Лебедева: *Графы Никита и Петр Панины*. Там же и некоторыя известия о прежней его службе.

Щербатовымъ, отправила указъ князю Голицыну занять его мѣсто; но курьеръ, ѣхавшій съ этимъ указомъ, долженъ былъ промедлить въ дорогѣ, по причинѣ небезопасности края. * Притомъ князь Голицынъ, нанесшій первое пораженіе самозванцу, вслѣдъ затѣмъ не обнаружилъ ни малѣйшей энергіи, и находясь вблизи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ происходило блистательное преслѣдованіе Пугачева Михельсономъ, не оказалъ ему дѣятельной помощи. Назначеніе его главнымъ начальникомъ войскъ, которыя заняты были усмиреніемъ мятежа, и число которыхъ притомъ постоянно прибывало, считалось безъ всякаго сомнѣнія только временнымъ, въ ожиданіи прибытія человѣка съ большею военною репутаціей и съ бо́льшимъ авторитетомъ. Между тѣмъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе о движеніи Пугачева къ Нижнему и, можетъ-быть, далѣе къ Москвѣ.... Въ этомъ не должно было казаться ничего невѣроятнаго: самозванецъ, объявлявшій волю крестьянамъ, вездѣ нашелъ бы себѣ союзниковъ. Тогда императрица созвала особый совѣтъ изъ нѣсколькихъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ ** и выразила имъ намѣреніе принять личное начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи. Это было одно изъ тѣхъ геройскихъ движеній, къ которымъ была способна славная императрица, но личное ея командованіе не могло имѣть серіознаго значенія. Поэтому, никогда не увлекавшійся, невозмутимый графъ Никита Панинъ ловко отклонилъ эту мысль и предложилъ назначить преемника Бибикову. „Мой братъ,—сказалъ онъ,—при всей своей дряхлости, не откажется спасать отечество и велитъ себя нести на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ ввѣрить ему начальство надъ войсками, за неимѣніемъ въ виду другаго полководца, искуснѣе его.“

Графъ Петръ Панинъ могъ быть дряхлъ, какъ говорилъ его братъ, но не былъ старъ. Ему въ это время было всего 53 года. *** Онъ оставилъ военное поприще, на которомъ

---

* *Ист. Пуг. бунт.*

** Къ брошюрѣ г. Лебедева приложено письмо графа Чернышева къ государынѣ, въ которомъ онъ предлагаетъ пригласить на этотъ совѣтъ графа Н. Панина, графа Гр. Орлова, графа Мордвинова, князя Вяземскаго, вице-канцлера кн. Голицына и одного члена отъ военнаго департамента.

*** *Словарь достоп. людей*, Бантышъ - Каменскаго.

пріобрѣлъ заслуженную извѣстность, находя, что его недостаточно наградили за взятіе Бендеръ (1770), и поселившись въ Москвѣ, примкнулъ къ лагерю *недовольныхъ*. Въ высшей степени самолюбивый и раздражительный, въ кругу тамошней знати, въ которомъ занималъ очень видное мѣсто, онъ желчно порицалъ правительство, за что императрица, съ своей стороны, причислила его къ категоріи *вралей* и оставляла въ покоѣ. Но *вранье*, которымъ тѣшило себя самолюбіе покорителя Бендеръ, было уже неумѣстно когда правительству и самымъ существеннымъ интересамъ Россіи начинала угрожать серіозная опасность. При видѣ толпы нахлынувшихъ въ Москву помѣщиковъ, въ конецъ раззоренныхъ, и при разказахъ о дворянахъ, замученныхъ или уведенныхъ въ плѣнъ, фрондерство Панина стихло; онъ самъ былъ помѣщикъ, онъ самъ былъ Русскій. Въ Москвѣ шла рѣчь о сформированіи дворянами ополченія изъ своихъ крѣпостныхъ, по примѣру Нижняго-Новгорода. Но дѣло это подвигалось вяло; избранный начальникомъ ополченія графъ П. Б. Шереметевъ не умѣлъ его двинуть. * Панинъ вооружилъ своихъ крестьянъ и дворню и объявилъ, что самъ поведетъ свою дружину. Это чрезвычайно возвысило и выдвинуло Панина. Едва ли возможно было бы обойдти его при назначеніи Бибикову премника. Общественное мнѣніе, которое въ трудныя минуты всегда получаетъ большое значеніе, прямо на него указывало. Императрица обратилась къ нему черезъ его брата. Онъ согласился, но потребовалъ огромныхъ полномочій, и Екатерина, хоть можетъ-быть весьма неохотно, дала ихъ. ** Указъ о его назначеніи состоялся 29-го іюля.

Дѣла между тѣмъ шли быстро. Различные отряды занимавшіе землю Яицкаго войска, по удаленіи оттуда Пугачева за Каму, подвинулись къ этой рѣкѣ; при первомъ же извѣстіи о возобновленіи мятежа выше Казани и о движеніи самозванца, какъ казалось, къ Москвѣ, всѣ они кинулись вслѣдъ за нимъ. Михельсонъ устремился на Арзамасъ, графъ Меллинъ—на Свіяжскъ, Мансуровъ, все время находившійся въ Яицкомъ-Городкѣ,—на Сызрань, полковникъ Муфель—на

---

* *Записки* Державина.

** *Гр. Н. и П. Панины* г. Лебедева.

Симбирскъ. Предполагая, что Пугачевъ будетъ или отбитъ отъ внутреннихъ губерній, или самъ не рѣшится въ нихъ держаться и бросится внизъ по Волгѣ, эти отряды должны были составить рядъ преградъ, чрезъ которыя, какъ надѣялись, ему не легко будетъ прорваться. Онъ дѣйствительно не намѣревался долго оставаться въ густо населенныхъ губерніяхъ и рѣшился спуститься по Волгѣ въ привольныя степныя мѣста, гдѣ пустынный вѣтеръ заметалъ его слѣдъ. Этотъ послѣдній актъ его драмы былъ самый ужасный. За Камой Пугачевщина не имѣла иныхъ противниковъ кромѣ однихъ только войскъ; ей не было противъ кого обнаружить всей своей свирѣпости. Гарнизоны мелкихъ крѣпостей сдавались самозванцу и, большею частію, получали пощаду; только офицеровъ, въ качествѣ дворянъ, вѣшали, но и то относительно, не въ большомъ числѣ. Въ центральныхъ же губерніяхъ Пугачевщина приняла характеръ настоящей жакеріи; помѣщики встрѣчались на каждомъ шагу, и крестьяне вымещали на нихъ свою ненависть къ крѣпостному праву. Кого они аттестовали хорошо, тому еще была пощада, но другихъ вѣшали безъ дальнѣйшихъ справокъ. Здѣсь тоже чаще чѣмъ за Камой мы находимъ извѣстія и о священникахъ, встрѣчавшихъ самозванца съ крестами и хоругвями.

Отъ Цывильска Пугачевъ обратился на Курмышъ и взялъ его. Но въ окрестности этого города уже сдвигались колонны Меллина и Михельсона. Тогда онъ повернулъ на Алатырь и Саранскъ, раздѣляя свою шайку на мелкія толпы, чтобы замаскировать свое движеніе, избѣгнуть крупныхъ стычекъ и распространять возстаніе на болѣе широкомъ пространствѣ. Гонимый Михельсономъ и Меллинымъ съ тыла, угрожаемый съ лѣваго фланга Муфелемъ, Пугачевъ несся какъ буря и налетѣлъ на Пензу. Жители этого города встрѣтили его съ иконами и хлѣбомъ-солью. Изъ Пензы онъ устремился на Саратовъ, гдѣ сдались ему не только горожане, но и часть войска. Волжскіе казаки примкнули къ нему, также какъ и поселенные здѣсь иностранцы, возмущенные, говоритъ Пушкинъ, какимъ-то плѣннымъ Полякомъ. Въ шайкахъ Пугачева опять появляются Азіятцы, ставропольскіе Калмыки. Мятежъ начиналъ снова принимать свой первоначальный характеръ дикой вольницы, но при этомъ грозилъ принять еще

болѣе широкіе размѣры, сохраняя между тѣмъ и характеръ крестьянскаго возстанія. Въ Пензенской губерніи явился новый самозванецъ, бѣглый холопъ, какъ пишетъ Пушкинъ, и овладѣлъ нѣсколькими городами. Рядомъ съ этимъ самозванцемъ второй руки появился разбойникъ Фирска, который наполнялъ окрестности убійствами и грабежами. Всѣ противуобщественные элементы всплывали на верхъ.

При этомъ еще являлось опасеніе: какъ себя заявитъ Донское казачье войско? Правительство отнюдь не могло быть спокойнымъ въ этомъ отношеніи. На Дону образовались, какъ извѣстно, первыя шайки Разина; бунтъ Булавина и побѣгъ Некрасова были еще незабыты, и правительство не могло не знать что между донскими казаками существуютъ тѣ же самыя поводы къ неудовольствіямъ, которые существовали и между другими казаками: припомнимъ жалобы зятя Пугачева. Пугачевъ и самъ, повидимому, разчитывалъ на Донцовъ. По крайней мѣрѣ, онъ счелъ не лишнимъ послать къ нимъ свои *указы*, * и 60 человѣкъ съ Дона явились къ нему, по собственнымъ его словамъ, въ Саратовѣ: не были ль они депутатами отъ цѣлой массы единомышленниковъ?

По счастію, въ описываемое время старинная партія *Гультаевъ* не имѣла, уже на Дону перевѣса надъ партіей зажиточныхъ казаковъ, какъ это было во время Булавина. Гражданственность сдѣлала на Дону успѣхи; желаніе порядка преобладало уже въ массѣ донскаго народонаселенія надъ инстинктами анархіи. По счастію, также власть находилась теперь въ рукахъ энергическаго и надежнаго атамана Семена Сулина, и значительное число казачьей молодежи, между которою обыкновенно зарождались безпокойства, была въ Польшѣ и въ Дунайской арміи. Еще задолго до приближенія Пугачева къ Саратову, по первому извѣстію о взятіи мятежниками Казани, Сулинъ собралъ изъ оставшихся за командировками казаковъ три полка, которые и были высланы на Хоперъ, Медвѣдицу и Бузулукъ для охраненія верховыхъ станицъ. ** Затѣмъ, такъ какъ лѣтомъ 1774 года возвратилось на Донъ нѣсколько казачьихъ полковъ изъ арміи, то часть ихъ, съ приближеніемъ Пугачева, была немедленно двинута къ сѣве-

* Одинъ изъ нихъ помѣщенъ выше, на стр. 6-й.

** См. Прилож. IV.

ровосточнымъ границамъ земли войска Донскаго, другіе остановлены и расположены въ видѣ резерва и, наконецъ, объявлено поголовное вооруженіе всѣхъ безъ исключенія казаковъ, не изъемля ни льготныхъ, ни стариковъ, ни малолѣтокъ. Такой рядъ энергическихъ мѣръ, сопровождаемый строгими наказами станичнымъ атаманамъ, такое твердое положеніе войсковой старшины, въ средѣ которой мы уже видимъ будущихъ героевъ двѣнадцатаго года,—Платова, Иловайскаго, Кутейникова,—опредѣлили и положеніе всего войска по отношенію къ Пугачевщинѣ: оно осталось на сторонѣ порядка и цивилизаціи. Пугачевъ не рѣшился вступить въ его землю.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Саратовѣ (съ 6-го по 9-е августа), онъ двинулся берегомъ Волги къ Камышину, оставивъ за собою преслѣдующія войска на два перехода и употребивъ не болѣе мѣсяца на движеніе отъ Казани черезъ Цывильскъ и Курмышъ къ Камышину: * быстрота едва вѣроятная, но которая уже начинала переходить въ бѣгство. Въ самомъ дѣлѣ, по описанію очевидцевъ, шайки Пугачева представляли въ это время какое-то нестройное, пестрое смѣшеніе людей различныхъ племенъ, состояній и даже половъ, имѣвшее вовсе не воинственный видъ. Въ это время, разказывалъ одинъ казакъ, бывшій въ его шайкахъ нѣсколько дней: „у него, злодѣя, было яицкихъ казаковъ до 300 и, сверхъ того, разная сволочь, какъ-то: казанскіе Татары, лакеи, ссылочные и прочая сволочь, коихъ всѣхъ тысячъ до шести, и только, почесть, оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружій, и многіе ѣдутъ въ телѣгахъ, коихъ, тожь колясокъ - берлиновъ, въ обозѣ его состоитъ многое число, болѣе 500, въ коемъ обозѣ много женъ и обоего пола дѣтей.“ **

Какъ бы то ни было, однакожь, но въ продолженіе всего пути отъ Казани до Камышина, ни одному изъ многочисленныхъ гонявшихся за Пугачевымъ отрядовъ не удалось не только зацѣпить, но даже издали его увидѣть. Подъ Камышинымъ въ первый разъ встрѣтилось съ нимъ пра-

* Казань была освобождена Михельсономъ 13-го іюля, а 13-го августа Пугачевъ былъ подъ Камышинымъ.

** Прилож. IV „Показаніе казака Черникова“. Довольно сходно съ нимъ и показаніе Мелехова и Малихова, въ томъ же Приложеніи.

вительственное войско и было разбито (13-го авг.). * Царицынъ, къ которому онъ затѣмъ подступилъ (21-го августа), далъ ему отпоръ и задержалъ его. Здѣсь же онъ потерялъ доставшееся ему какимъ-то образомъ *гольштинское знамя.* Видя что Михельсонъ, Муфель и Меллинъ приближаются, Пугачевъ двинулся къ Сарептѣ. Тутъ, говоритъ Пушкинъ, онъ прогулялъ цѣлыя сутки съ двумя наложницами, и хотя онъ привелъ изъ-подъ Царицына новыя силы, присоединивъ къ себѣ до 3.000 Калмыковъ и большое число донскихъ казаковъ, ** но потерялъ то что̀ въ настоящихъ обстоятельствахъ было для него всего важнѣе — время. Михельсонъ шелъ за нимъ по пятамъ; онъ вступилъ въ Царицынъ 22-го числа, сдѣлавъ переходъ въ 105 верстъ въ двое сутокъ, и, наконецъ, на разсвѣтѣ 25-го августа насѣлъ на него подъ Чернымъ-Яромъ. Муфель и Меллинъ, слѣдовавшіе съ Михельсономъ, повидимому, отстали, а потому Пугачевъ кинулся на Михельсона, но сломить его не могъ, и, вѣроятно, опасаясь удара другихъ отрядовъ, которые должны были находиться не далеко, не продолжалъ натиска. Толпы его разсыпались по степи. Михельсонъ захватилъ весь обозъ Пугачева и его пушки. Кавалерія пустилась преслѣдовать бѣгущихъ и гналась за ними 40 верстъ по берегу Волги. Опасаясь наткнуться на другіе отряды, сближавшіеся со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ бросился въ лодку и спасся отъ погони,—но не надолго.

Онъ плылъ въ лодкѣ съ женою (вѣроятно первою) и старшимъ сыномъ. Многіе изъ бывшихъ при немъ спасались вплавь: доказательство что преслѣдованіе было настойчивое. Посрединѣ рѣки былъ островъ, на которомъ бѣглецы пріостановились, и затѣмъ переправились на лѣвый берегъ. Здѣсь Пугачевъ замѣтилъ, что съ нимъ нѣтъ одного изъ его приближенныхъ, Перфильева, и нѣсколькихъ другихъ изъ бывшихъ съ нимъ. Онъ послалъ за ними одного казака, а самъ расположился начевать въ степи. Лишенный пріюта, едва спасшійся отъ плѣна, сопутствуемый

* См. Прилож. IV. „Донесеніе атамана Сулина“, отъ 28-го августа.

** Пугачевъ показывалъ, передъ слѣдственною коммиссіей, что онъ имѣлъ 6 донскихъ полковъ; но о числѣ бывшихъ при немъ Донцовъ желательно бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія. Этому показанію сильно противорѣчитъ донесеніе атамана Сулина, хвалившагося вѣрностію долгу Донскаго войска.

лишь горстью людей, этотъ неукротимый мятежникъ уже создавалъ новые планы: замышлялъ кинуться на Узень, набрать тамъ новую шайку, устремиться съ нею на нижній Яикъ, овладѣть Гурьевымъ, „пуститься на судахъ въ море, взять какія ни есть орды, согласить оныя и выйдти паки на Россію.“ * Такъ и было рѣшено. Со свѣтомъ двинулись на Узень, но далѣе Узени не поѣхали.

Графъ Панинъ, прибывъ, между тѣмъ, во ввѣренный его попеченію край, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно обезпеченія народнаго продовольствія и издалъ воззваніе къ жителямъ. ** Около того же времени прибылъ изъ Турецкой арміи и Суворовъ. Главнокомандующій поручилъ ему принять команду надъ отрядами, преслѣдовавшими Пугачева. Онъ прискакалъ въ отрядъ Михельсона черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія подъ Чернымъ-Яромъ. Понимая, что успѣхъ зависитъ единственно отъ быстроты преслѣдованія, онъ посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, переправился черезъ Волгу у Царицына и пустился за нимъ по слѣдамъ. Муфель и Меллинъ были тоже переведены на луговую сторону и направлены такъ, чтобы прикрывать берега Камы отъ новыхъ вторженій; изъ Астрахани двигался легкій отрядъ въ правый флангъ бѣглецамъ; наконецъ, Голицынъ и Мансуровъ заслоняли Яикъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ сдвигались войска, съ каждымъ переходомъ стѣсняя образуемое между ними пространство. Много ловкости нужно было Пугачеву, чтобы выскочить изъ этой западни.

Но эта была не единственная опасность, которая ему грозила въ настоящую минуту. 14-го сентября Пугачевъ съ остатками своей шайки пришелъ на Узень, въ селеніе тамошнихъ старовѣровъ; здѣсь и кончилось его поприще. „Толпы моей чи-

---

* *Допросы Пугачеву.*

** Нельзя не замѣтить здѣсь, что графъ Панинъ не обнаружилъ въ этомъ случаѣ той быстроты, которой требовали обстоятельства. Указъ о его назначеніи состоялся, какъ сказано, 19 іюля, а между тѣмъ, по свидѣтельству г. Лебедева, онъ прибылъ въ Керенскъ (Пензенской губерніи) не ранѣе 14 августа, когда уже самозванецъ приближался къ Камышину. Г. Лебедевъ говоритъ, что Суворовъ, вызванный, по распоряженію Потемкина, изъ Дунайской арміи, прибылъ въ Москву въ концѣ іюля; а изъ донесенія атамана Перфильева атаману Сулину (Прилож. IV) видимъ, что онъ пріѣхалъ въ Царицынъ только 1 сентября.

новные люди, согласясь къ тому других, меня арестовали", говорилъ въ последствіи Пугачевъ. Это происходило, по словамъ Пушкина, слѣдующимъ образомъ. Пугачевъ былъ одинъ. „Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и, между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву-Городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что уже ему пора ѣхать за ними. „Что же?" сказалъ Пугачевъ: „вы хотите измѣнить своему государю!"—„Что дѣлать!" отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. „*Я давно видѣлъ вашу измѣну*", сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: „*вяжи*!" Твороговъ хотѣлъ скрутить ему локти назадъ. Пугачевъ не дался. „*Развѣ я разбойникъ?*" проговорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому-Городку."

Но Пугачевъ еще и теперь не считалъ своего дѣла окончательно проиграннымъ. Селеніе, въ которомъ онъ былъ арестованъ „чиновными людьми", и притомъ „немногими", находилось по одну сторону Узени, а толпа его была на другой Пугачевъ кинулся было туда, но Твороговъ и другіе поймали его и пересадили на *худую лошадь*. * Ускакать на ней было нельзя. Но и дать себя везти въ Яицкій-Городокъ Пугачеву не хотѣлось; во время одного привала, когда принялись обѣдать, онъ схватилъ саблю и кинулся на сторожившихъ его казаковъ. Его обезоружили, опять посадили на лошадь и повезли къ Яицкому-Городку, давъ знать тамошнему коменданту, Симонову, о своемъ приближеніи. Навстрѣчу имъ выѣхалъ казачій сотникъ и приказалъ набить на плѣнника колодку. Въ такомъ видѣ привезенъ былъ Пугачевъ въ яицкую секретную коммиссію, къ члену ея, капитану Маврину. ** Черезъ нѣсколько дней въ Яицкій-Городокъ прибылъ Суворовъ, и принявъ плѣнника,—подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и двухъ пушекъ, находясь при немъ

---

* *Допросы Пугачеву.*

** *Допросы Пугачеву* и *Ист. Пугач. бунта.*

и самъ безотлучно,—повезъ его въ деревянной клѣткѣ въ Симбирскъ, къ графу Панину.

Казнь была совершена надъ Пугачевымъ и нѣкоторыми изъ его сообщниковъ въ Москвѣ „на Болотѣ", 10-го января 1775 года. Пугачевъ былъ приговоренъ къ четвертованью, равно какъ и Перфильевъ; Чика — къ отсѣченію головы; Шигаевъ и двое другихъ — къ повѣшенію; 8 человѣкъ были приговорены къ наказанію кнутомъ, съ вырваньемъ ноздрей и ссылкѣ въ каторгу, 11 — къ тому же, съ замѣною каторги поселеніемъ, 3—къ наказанію кнутомъ, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, 4 — къ наказанію плетьми. Въ числѣ главныхъ виновниковъ признаны были три лица, сравнительно съ другими, занимавшія болѣе высокое общественное положеніе; это были: подпоручикъ Швановичъ, писавшій и подписывавшій за Пугачева указы (его лишили чиновъ и дворянства, съ переломленіемъ надъ нимъ шпаги), инвалидный прапорщикъ Юматовъ (за старостію, наказаніе ограничено лишеніемъ чиновъ) и сотникъ Горскій, депутатъ отъ Астраханскаго казачьяго войска въ Коммиссіи объ Уложеніи (лишенъ званія депутата). Нѣкоторыя изъ этихъ казней могутъ показаться въ наше время жестокими; но можно сказать, безъ опасенія ошибиться, что онѣ казались современникамъ слишкомъ слабыми, и онѣ дѣйствительно таковы, если сравнить ихъ съ тѣми, которыя производились еще въ сравнительно кроткое царствованіе Елизаветы Петровны. Пугачевъ былъ по своимъ дѣламъ страшный злодѣй: изъ списка его жертвъ помѣщеннаго Пушкинымъ въ *Исторіи бунта* и далеко не полнаго, оказывается, что имъ было предано смерти не менѣе 1.500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были и дряхлые старики, и дѣти, и женщины. Почти одновременно съ Пугачевскимъ бунтомъ происходилъ бунтъ въ Заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей тогда Польшѣ. За этотъ бунтъ поплатились жизнію, по свидѣтельству самихъ Поляковъ-современниковъ, 400 человѣкъ, преданныхъ смерти разными мучительными способами; съ предводителя мятежниковъ, казака Гонты, въ продолженіе четырнадцати дней была сдираема кожа, а между тѣмъ Гонта былъ только бунтовщикъ, а не самозванецъ. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностію сказать, что судъ, разсматривавшій дѣло Пугачева и его сообщниковъ, не имѣлъ въ виду угодить императрицѣ строгостію, а положилъ приговоръ на основаніи существовавшихъ зако-

новъ и согласно настроенію общественнаго мнѣнія. О личномъ настроеніи Екатерины можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ началѣ 1774 года она писала Бибикову, чтобы не допускать пытокъ при слѣдствіи надъ сообщниками Пугачева: „Пожалуй, прикажите секретной коммиссіи осторожно быть въ разборѣ и наказаніи людей; при расправахъ какая нужда сѣчь? Двѣнадцать лѣтъ тайная экспедиція ни одного человѣка при допросахъ не сѣкла ничѣмъ, а всякое дѣло начисто разобрано было и всегда болѣе выходило нежели мы желали знать.“ Въ такомъ же точно смыслѣ два раза писала она московскому главнокомандующему, князю Волконскому. „Ради Бога, удержитесь отъ пристрастныхъ допросовъ, всегда затмѣвающихъ истину!“—„Пожалуй, помогайте всѣмъ внушать умѣренность какъ въ казни преступниковъ, такъ и въ числѣ ихъ“, писала она, уже послѣ поимки Пугачева, тому же князю Волконскому.

Мы прослѣдили обстоятельства, сопровождавшія появленіе Пугачева, наблюдали среду, изъ которой онъ вышелъ, видѣли, наконецъ, характеръ возбужденнаго имъ движенія. Но мы оставили бы важный пробѣлъ, еслибъ не указали еще на на одно условіе, содѣйствовавшее его успѣхамъ. Это условіе заключается въ нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣрахъ, послѣдовавшихъ незадолго до его появленія. Въ краткое царствованіе Петра III изданы были два важные указа; одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ названіемъ указа *о вольности дворянской*, другой,—о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Первый изъ этихъ указовъ, * обнародованный черезъ три недѣли по вступленіи на престолъ императора, снималъ съ дворянства характеръ служилаго сословія; дворянамъ предоставлялось вступать или не вступать въ службу, по собственному ихъ произволу. Другой указъ изданный 21-го марта 1762 года, отнималъ у духовенства завѣдываніе имѣніями, приписанными къ церквамъ и монастырямъ, и подчинялъ ихъ управленію коллегіи экономіи, которая обязана была доходами съ этихъ имѣній удовлетворять нужды какъ церквей и монастырей, такъ и церковно-служителей и монаховъ. ** Много было говорено

* П. С. 3 № 11, 444.
* П. С. 3. № 8, 11, 481.

и писано о последнемъ изъ этихъ указовъ въ отношеніи положенія, которое онъ создавалъ для духовенства; одни признавали его совершенно раціональнымъ и разумнымъ, другіе находили, что онъ посягалъ на право собственности и оскорблялъ достоинство духовнаго сословія; но значенія, которое онъ имѣлъ въ отношеніи монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ едвали кто-либо до сего времени касался. Между тѣмъ оно было чрезвычайно велико. Эти крестьяне вмѣсто крѣпостныхъ, какими были на самомъ дѣлѣ, становились государственными, то-есть *вольными*; часть земель, къ которымъ они были приписаны, именно та, которую они обработывали въ пользу, церквей и монастырей, признавалась ихъ собственностью, и съ нея положена была на нихъ плата въ казну, по 1 р. съ души. Такимъ образомъ церковные и монастырскіе крестьяне становились не только вольными, но и собственниками; крѣпостной вопросъ относительно ихъ разрѣшался на основаніяхъ, отчасти сходныхъ съ тѣми, на которыхъ онъ разрѣшился для всего крѣпостнаго сословія въ наши дни. Но сто лѣтъ тому назадъ онъ коснулся лишь одной, и притомъ, незначительной части крестьянскаго сословія: доказательство, что законъ изданный тогдашнимъ правительствомъ былъ недовольно зрѣло имъ обсужденъ, и что онъ былъ результатомъ не общей высоко — либеральной идеи, а навѣяннаго съ Запада недоброжелательства противъ духовенства. Такъ дѣйствительно онъ и былъ понятъ образованными сословіями Россіи. Но въ массѣ крестьянъ онъ былъ понятъ совершенно иначе. Крестьяне помѣщичьи, заводскіе и вообще всѣ тѣ, которые несли на себѣ крѣпостное ярмо въ различныхъ его видахъ, вообразили что указъ 21-го марта есть начало общаго ихъ освобожденія, и такое мнѣніе казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что передъ тѣмъ дворянство было освобождено отъ обязательной службы: если съ помѣщиковъ снималась обязанность нести службу государству' то не естественно ли было предполагать, что и съ крестьянъ, которые, говоря вообще, были жалуемы за службу, будетъ снята обязанность служить помѣщикамъ?

Какъ бы то ни было, но увѣренность, что вслѣдъ за моностырскими будутъ освобождены и всѣ прочіе, сдѣлалась общею между крѣпостными крестьянами. Это было однакожъ далеко отъ видовъ тогдашняго правительства. Слѣдуя вліянію господ-

ствовавшихъ на Западѣ идей, оно желало окружить привилегіями и преимуществами лишь дворянское сословіе и сообщить ему положеніе, сообразное съ западными понятіями. Такъ, отмѣнивъ сыскныя команды, оно возложило на помѣщиковъ поимку воровъ и разбойниковъ, въ ихъ имѣніяхъ, что предоставляло дворянству полицейскую власть въ обширныхъ размѣрахъ. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ возникли безпорядки; для прекращенія ихъ отправлены были команды, которымъ велѣно было подвергнуть главныхъ виновниковъ наказаніямъ „по волѣ помѣщиковъ;" этимъ послѣднимъ такимъ образомъ присвоивалась и власть судебная; а между тѣмъ по поводу все шире и шире распространявшейся мысли о вольности между крестьянами, обнародовано было нѣсколько указовъ, которые заявляли, что правительство вовсе не намѣрено сдѣлать помѣщичьихъ крестьянъ вольными и приглашало ихъ оставить всякія съ этой стороны ожиданія.

Таково было положеніе дѣлъ, когда на престолъ вступила Екатерина; передъ нею было двѣ дороги: или довершить освобожденіе крестьянъ и тѣмъ раздражить дворянство и духовенство, или отмѣнить указъ 21-го марта и пріобрѣсть расположеніе обоихъ этихъ сословій. Въ затруднительномъ положеніи, въ которомъ императрица находилась при началѣ своего царствованія, она рѣшилась на полумѣру: она учредила коммиссію подъ собственнымъ своимъ предсѣдательствомъ, на которую возложено было дальнѣйшее устройство дѣла объ обезпеченіи церквей, монастырей и духовнаго сословія, коллегія же экономіи отмѣнялась и принятыя ею въ управленіе имѣнія возвращались на время завѣдыванію духовенства *. Это распоряженіе успокоило дворянство и духовенство — это послѣднее до новаго, окончательнаго закона о монастыркихъ и церковныхъ имуществахъ, но волненія между кростьянами не уменьшались. При Петрѣ III эти волненія обнаружились въ нынѣшнихъ губерніяхъ Тверской, Московской и Смоленской, — при Екатеринѣ они проникли на Волгу, въ этотъ неспокойный край, съ которымъ мы уже ознакомились. Въ первый же годъ ея царствованія въ Казанской губерніи появился фальшивый указъ, буд-

* П. С. З. № 11, 6, 4 и 3.

то монастырскіе, церковные и *заводскіе* крестьяне освобождаются отъ обязательныхъ работъ на своихъ владѣльцевъ. Копіи съ этого указа расходились въ множествѣ; крестьяне искренно вѣрили въ его подлинность, а тѣ, которые его распространяли, разъѣзжали по деревнямъ и заводамъ и подвергали побоямъ тѣхъ, которые отбывали обязательныя работы. Казанская губернская канцелярія посылала чиновниковъ вразумлять заблуждающихся и приводить къ повиновенію сопротивляющихся; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на заводахъ графа Шувалова, этихъ чиновниковъ вовсе не допустили, не дозволили имъ сыскивать разгласителей ложнаго указа, „и собравшись изъ каждаго жительства съ дубьемъ и со всякимъ дреколіемъ, держали ихъ запертыми въ избѣ подъ карауломъ, и угрожая разными словами, выслали изъ жительства вонъ“, объявляя, что то же будетъ и съ воинскою командой, если ее вздумаютъ прислать *.

Таковъ былъ одинъ случай, происшедшій въ первое время царствованія императрицы Екатерины, но ихъ было множество до времени появленія Пугачева. Энергически подавляемыя надежды на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости возникали между крестьянами безпрестанно и давали откликъ на малѣйшій призывъ. Вотъ почему Пугачевъ, какъ и всѣ его предшественники, заявлялъ о своемъ намѣреніи помочь черни; вотъ почему смышленый зимовейскій казакъ сулитъ крестьянамъ въ первомъ же своемъ манифестѣ земли, рѣки и моря; вотъ почему въ другомъ приведенномъ нами манифестѣ онъ приказываетъ „злодѣевъ-дворянъ всячески стараться искоренить.“—Неосторожный указъ Петра III и невозможность, въ которой находилась Екатерина, развязать крестьянскій вопросъ **, доставилъ Пугачеву симпатію въ средѣ многочисленнаго крѣпостнаго сословія. Весьма вѣроятно, что предшествуемъ будучи ловко составленными своими манифестами, онъ умѣлъ бы взволновать крестьянъ и въ томъ случаѣ, когда не было бы вышеприведенныхъ законовъ о мо-

* П. С. З. № 11. 710.

** Что она желала его развязать, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это доказываютъ *Записка* о первыхъ годахъ ея царствованія въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года, дѣйствія Вольно-Экономическаго Общества во время президентства кн. Г. Г. Орлова (см. *Чтенія*) и мн. др. документы.

манифестами, онъ умѣлъ бы взволновать крестьянъ и въ томъ случаѣ, когда не было бы вышеприведенныхъ законовъ о монастырскихъ и церковныхъ крестьянахъ, но несомнѣнно что эти указы облегчили его успѣхъ. Если крестьяне такъ охотно вѣрили подлинности указовъ, фабрикуемыхъ дьячками и деревенскими грамотеями, если они отказывались признавать за агентовъ верховной власти, неизмѣнно, по ихъ убѣжденію,—благодѣтельной, всякаго, говорившаго о сохраненіи крѣпостнаго права, то точно также могли они повѣрить, что человѣкъ, обѣщающій имъ свободу и земли, есть именно подлинный Царь, тотъ самый Царь Петръ Θеодоровичъ, указъ котораго намекнулъ имъ о волѣ и землевладѣніи. Этотъ указъ 21-го марта, въ сущности совершенно необдуманный, опрометчивый и вызванный соображеніями, вовсе чуждыми интересамъ русскаго крестьянина, доставилъ однакожъ императору Петру III огромную популярность въ крестьянскомъ сословіи; имъ только и можно объяснить то странное явленіе, что этотъ императоръ, иностранецъ по происхожденію, почти незнавшій русскаго языка и вообще человѣкъ не русской натуры, какъ по своимъ достоинствамъ, такъ и по недостаткамъ, находитъ такое широкое мѣсто въ преданіяхъ и легендахъ раскольниковъ!

Этими замѣчаніями мы проводимъ заключительную черту въ изслѣдованіи о происхожденіи и характерѣ Пугачевщины. Имѣемъ ли мы, однакожъ, право сказать, что *знаемъ* историческій эпизодъ, который разсматривали? Конечно, нѣтъ. Въ немъ еще много для насъ темнаго. Чрезвычайно загадочна, напримѣръ, безнаказанность того, котораго само слѣдствіе называетъ „начальнымъ плутомъ.“ Эта темнота, въ свою очередь, даетъ поводъ къ разнымъ догадкамъ и соображеніямъ, и она будетъ существовать, до тѣхъ поръ пока всѣ обстоятельства дѣла не будутъ вполнѣ раскрыты и разсмотрѣны. Но благоразуміе и справедливость велятъ однакожъ сохранять нѣкоторую умѣренность въ этихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя были печатно высказаны. Г. Лебедевъ, въ очень любопытной брошюрѣ: *Графы Никита и Петръ Панины*, высказываетъ мысль, что если Пугачевъ и не былъ выдвинутъ именно партіей недовольныхъ царедворцевъ, подобно тому какъ Отрепьевъ былъ выдвинутъ партіей недовольныхъ бояръ, то эта партія недовольныхъ желала имъ воспользоваться, для того чтобъ опутать императрицу; — что назначеніе П. Панина было ре-

зультатомъ этой интриги, что задержка курьера везшаго указъ о назначеніи Голицына вмѣсто князя Щербатова и отказъ Румянцева отпустить Суворова изъ арміи имѣли ту же цѣль. Въ отчаяніи, видя себя совершенно опутанною этою интригой, Екатерина, по мнѣнію г. Лебедева, вызвала, наконецъ, Потемкина изъ Дунайской арміи, благодаря преданности и энергіи котораго дѣло и приведено къ желаемому концу.

Во всемъ этомъ много неточностей и бездна преувеличенія. Партіи окружали Екатерину, это несомнѣнно; но гдѣ же страна, въ которой не было бы партій? Онѣ существуютъ въ каждомъ человѣческомъ обществѣ и не могутъ не существовать. Но въ странахъ, имѣющихъ политическую жизнь, борьба этихъ партій производится открыто, имѣетъ характеръ политическій и обращается во благо государству; въ странахъ же, гдѣ такой жизни въ обществѣ нѣтъ, дѣйствуютъ партіи преимущественно придворныя и ведутъ борьбу тайно, взаимно пятная дѣйствія противниковъ названіемъ интриги, работая обманомъ, игрою личныхъ впечатлѣній, искусственно производимыхъ на умъ и сердце государя. Вокругъ источника власти, почестей, значенія, какъ не кипѣть страстямъ, какъ не быть борьбѣ партій! Поэтому нѣтъ повода выставлять тайную борьбу, происходившую вокругъ престола Екатерины, какъ нѣчто характеризующее эпоху. Никита Панинъ былъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ приверженцевъ Екатерины, одинъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ первой половины ея царствованія, и притомъ одинъ изъ тѣхъ, къ кому она питала наиболѣе довѣрія; это доказываетъ его положеніе во главѣ управленія иностранными сношеніями,—положеніе едва ли не самое щекотливое; но независимо отъ того можно бы выставить и много другихъ доказательствъ высокаго о немъ мнѣнія императрицы: достаточно упомянуть о томъ, что ему было поручено воспитаніе наслѣдника престола и главное руководство слѣдствія надъ Мировичемъ, что наконецъ, изъ числа немногихъ людей, которымъ Екатерина сообщила первыя свои мысли о Наказѣ, былъ Панинъ. Но это первостепенное положеніе Н. Панина при дворѣ пріобрѣтено было имъ, конечно, не безъ борьбы. Съ Орловыми ему рѣдко случалось быть въ чемъ-нибудь согласнымъ, а Орловы до 1772 года были очень сильны. Въ этомъ году фаворъ ихъ, какъ извѣстно, поколебался, но тѣмъ выгоднѣе сдѣлалось

положеніе Панина, хотя странно было бы думать, что каждое его слово было закономъ для Екатерины. Раздѣлъ Польши совершился, напримѣръ, не совсѣмъ согласно съ его видами; первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ графу Чернышеву, также точно какъ и переворотъ 28-го іюня былъ произведенъ не по его предложеніямъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, съ охлажденіемъ императрицы къ Орловымъ, кредитъ Панина усилился и въ 1773 году достигъ своего апогея. Именно по поводу брака великаго князя Павла съ принцессою Дармштатскою, преданный ему фонъ-Визинъ писалъ къ Обрескову въ Букарештъ: „Поистинѣ сказать, претерпѣлъ онъ (Панинъ) всѣ бури житейскаго моря и достигъ до нѣкотораго пристанища тому только дней съ пять. Злоба, коварство и всѣ пружины зависти и мщенія натянуты и устремлены были на его несчастіе, но тщетно. Богу благодареніе! Жребій его рѣшился воздаяніемъ ему справедливости.“ * Враги Панина хотѣли воспользоваться вступленіемъ въ бракъ великаго князя и его совершеннолѣтіемъ, чтобы совершенно устранить воспитателя отъ его бывшаго питомца; но императрица , съ своей стороны, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ осыпать наградами своего министра: онъ получилъ чинъ фельдмаршала, 9.000 душъ, 1.000 р. на обзаведеніе, 50.000 р. на сервизъ, 30.000 р. ежегоднаго пенсіона, 14.000 на содержаніе, придворный экипажъ, провизію и „погребъ“ на годъ, да кромѣ того разрѣшено купить для него въ Петербургѣ домъ, который онъ самъ выберетъ. ** Перечисливъ эти награды, фонъ-Визинъ, въ любопытномъ письмѣ своемъ къ Обрескову, прямо говоритъ, что „графъ Никита Ивановичъ остался при дѣлахъ съ бо́льшимъ кредитомъ нежели когда-нибудь.“

Итакъ, вотъ каково было положеніе Никиты Панина при дворѣ въ началѣ Пугачевщины. Но положеніе его брата было совершенно иное. Онъ былъ въ немилости съ 1770 года. Г. Лебедевъ говоритъ, что графъ Никита хотѣлъ назначеніемъ брата противъ Пугачева вырвать власть у императрицы и присвоить ее себѣ и своей партіи. Кажется, проще и вѣрнѣе было бы сказать, что если при этомъ канцлеръ имѣлъ въ виду

* Архивъ министер. иностр. коллегіи, дѣла Турецкія.

** Эти награды не совершенно точно согласны съ тѣми, списокъ которыхъ приводитъ г. Лебедевъ въ своей брошюрѣ.

личные разчеты, то онъ желалъ подкрѣпить себя и свою партію противъ тѣхъ *буръ житейскаго моря*, о которыхъ упоминалъ фонъ-Визинъ, и что онъ хотѣлъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы, такъ-сказать, поставить своего брата на ноги. Во всякомъ случаѣ, г. Лебедеву не слѣдовало бы обходить обстоятельства, что на Петра Панина указывало общественное мнѣніе. Не мѣшаетъ также припомнить, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ депутатомъ отъ московскаго дворянства въ коммиссіи Уложенія. Поэтому, замѣчаніе г. Лебедева о томъ, что назначеніе Петра Панина было *навязано* императрицѣ, совершенно несправедливо: оно навязано силою обстоятельствъ, вліяніемъ общественнаго мнѣнія,—это можетъ быть, — но не интригою. Мнѣніе свое нашъ авторъ главнѣйше подкрѣпляетъ письмомъ императрицы къ Потемкину, въ которомъ она жалуется на чрезвычайную власть, которую желали бы дать новому главнокомандующему. Вотъ это письмо:

„Увидишь, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя, съ безпредѣльною властью, въ лучшей части Имперіи, то-есть въ Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ, а sous-entendus есть и прочія. Что если я подпишу, то не токмо князь Волконскій * будетъ огорченъ и смѣшенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, что предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше. При семъ прилагаю и Бибикова инструкцію для confronterie; и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бъ они ни были, онъ можетъ, какъ, гдѣ и когда хочетъ (казнить смертью).“

Авторитетъ, приводимый г. Лебедевымъ, очень силенъ, и если принять письмо, на которое онъ ссылается, безусловно, то дѣйствительно придется допустить какія-то глубокія причины раздраженія императрицы противъ обоихъ Паниныхъ. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ ей пришло на память, какъ графъ Никита, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, убѣждалъ ее составить сенатъ изъ несмѣняемыхъ членовъ и об-

* Начальникъ въ Москвѣ.

разовать изъ него такое учрежденіе, которое, ограничивая, правда, произволъ ея, охраняло бы въ то же время престолъ отъ потрясеній, которыя у насъ слишкомъ часто повторялись, а государя — отъ ошибокъ, вызывавшихъ эти потрясенія. Очень можетъ быть, что эта мысль уязвила императрицу и раздражила ее, но едва ли это даетъ намъ право считать дѣйствія Никиты Панина, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и послѣ 28 іюня, интригой, а его самого заговорщикомъ. Императрица могла находить права, которыя предполагалось дать Петру Панину, чрезмѣрными и ходатайство о томъ его брата нескромнымъ; но мы не видимъ, чтобъ эти условія были ей поставлены какъ sine qua non: просить о расширеніи своихъ правъ не значитъ быть заговорщикомъ, да и кто изъ сановниковъ тѣхъ временъ не желалъ бы сдѣлаться пашею! Изъ приведеннаго г. Лебедевымъ письма можно сдѣлать одно только заключеніе, что императрица не съ охотой и безъ сочувствія принимала услуги Петра Панина

Посмотримъ теперь въ чемъ видны другіе слѣды этой огромной интриги, опутывавшей будто бы Екатерину, — этого глубокаго заговора противъ ея власти. Г. Лебедевъ указываетъ ихъ; это: 1) остановка курьера, везшаго указъ о назначеніи князя Голицына на мѣсто князя Щербатова и 2) несогласіе Румянцова отпустить Суворова изъ Дунайской арміи. Оба эти обстоятельства, однакожь, если на нихъ взглянуть безъ предубѣжденія, вовсе не имѣютъ того значенія, которое имъ приписывается. Прежде всего замѣтимъ, что курьеръ, везшій указъ о назначеніи Голицына, былъ не остановленъ, а *пріостановленъ* въ Нижнемъ, ибо въ *Исторіи Пугачевскаго бунта* хотя и употреблено первое изъ этихъ выраженій, но нѣсколько страницъ далѣе упоминается, что 8-го іюля 1774 года Щербатовъ сдалъ командованіе войсками Голицыну. Пріостановленіе курьера въ такое время, когда окрестъ свирѣпствуетъ мятежъ, есть дѣло весьма простое и обыкновенное. И какую особенную важность можно видѣть въ назначеніи князя Голицына, чтобъ *интригѣ* такъ нужно было устраненіе, или хоть отдаленіе этого назначенія? Голицынъ имѣлъ удачное дѣло съ мятежниками подъ Татищевой и живо ихъ преслѣдовалъ, но тѣмъ его подвиги и ограничились. Подобно другимъ, кромѣ Михельсона, онъ совершенно опустился послѣ смерти Бибикова и, вообще, вовсе не обнаружилъ тѣхъ свойствъ, которыми могли бы очень до-

дорожить какъ правительство (которое и дало ему временное назначеніе), такъ и направленная противъ правительства *интрига*. Другое дѣло Суворовъ. Если предположить, что Румянцовъ принадлежалъ къ этой *интригѣ*, то понятно, что онъ не хотѣлъ дозволить дѣйствовать противъ нея такому человѣку какъ Суворовъ. Но прежде нежели дѣлать подобное предположеніе насчетъ Румянцова, слѣдовало бы, кажется, съ бо́льшимъ вниманіемъ справиться, точно ли оно неизбѣжнымъ образомъ вытекаетъ изъ обстоятельствъ? Сближеніе нѣкоторыхъ чиселъ открываетъ, напротивъ, совершенно иное. Когда именно данъ былъ Румянцову указъ о присылкѣ Суворова? По собственному свидѣтельству г. Лебедева, 25 марта 1773 (1774?) года, то-есть именно въ то время, когда дѣйствія колоннъ, направленныхъ Бибиковымъ противъ Пугачева, доставили первые серіозные успѣхи, и когда, какъ выше было замѣчено, иностраннымъ миссіямъ нашимъ дано было знать, что безпорядки на Яикѣ близки къ окончанію. Мало того, императрица сама около того же времени писала Румянцову (отъ 8 апрѣля): „Хотя мать, когда дѣтей своихъ сѣчетъ, тому радоваться не можетъ, но однакоже, дабы вы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ состояніи нашлись опровергнуть всѣ вашимъ предстоящимъ военнымъ и мирнымъ дѣламъ вредные объ Оренбургскомъ бунтѣ слухи, того для я за нужное нахожу вамъ сказать, что вчерашній день я отъ г. генерала Бибикова получила извѣстіе, что 26 числа марта князь Голицынъ разбилъ Пугачева у Татищевой, очистилъ Оренбургъ, и что Бибиковъ „надѣется очистить весь сей край отъ дальняго разбоя и по всѣмъ дорогамъ возстановить тишину и покой........ Ко времени и кстати, — заключаетъ государыня, — разрушается производимый нѣсколько мѣсяцевъ сряду нѣкоторый родъ новой гордости въ ненавистникахъ славы Имперіи нашей!“ Итакъ, вотъ какимъ образомъ смотрѣла сама императрица на положеніе оренбургскихъ дѣлъ, по полученіи извѣстія о побѣдѣ Голицына. Не могъ ли точно также и Румянцовъ вообразить, что за этимъ успѣхомъ послѣдуетъ совершенное умиротвореніе края (да оно, вѣроятно, и послѣдовало бы, еслибы не умеръ Бибиковъ)? Но, скажутъ, Румянцовъ, отказываясь отпустить Суворова (15 апрѣля), не могъ еще имѣть вышеприведеннаго письма Екатерины. Можетъ-быть; но извѣстія объ успѣхахъ Бибикова онъ имѣлъ другимъ путемъ. Румянцовъ именно и говоритъ въ своемъ рапортѣ, приво-

димомъ самимъ г. Лебедевымъ, что „по извѣстіямъ публичныхъ *Вѣдомостей*“, онъ считаетъ мятежниковъ *вовсе изчезшими.* Съ другой стороны, на Дунаѣ шла рѣчь о томъ, быть или не быть миру съ Турціей. Переговоры о немъ велись, но могли не придти ни къ какому заключенію, подобно тому какъ это было въ предшествующемъ году, и въ этомъ случаѣ присутствіе Суворова могло быть очень нужно въ арміи, между тѣмъ какъ на Яикѣ ему, казалось, нечего было дѣлать. Весьма понятно также, что откомандированіе Суворова для усмиренія внутреннихъ безпорядковъ, какъ и замѣчаетъ Румянцовъ въ рапортѣ, приводимомъ г. Лебедевымъ, „подало бы непріятелямъ подтвержденіе по дѣламъ оренбургскимъ, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными“, и сдѣлало бы ихъ менѣе податливыми при переговорахъ о замиреніи. Г. Лебедевъ полагаетъ, что Турки не читали газетъ и немного знали о Пугачевѣ: странное предположеніе! Если они сами и не читали газетъ, то при турецкомъ правительствѣ находились акредитованные и не аккредитованные иностранцы, которые ихъ читали и всѣмъ извѣстно, что какъ французскіе дипломаты, такъ и польскіе эмигранты не пропускали ни одного обстоятельства, чтобы поддержать въ Портѣ надежду на благопріятный для нея оборотъ войны. Вотъ, кажется мнѣ, нѣсколько аргументовъ доказывающихъ, что Румянцовъ не измѣнялъ императрицѣ,—аргументовъ столько же сильныхъ какъ и тѣ, которые приводитъ г. Лебедевъ для доказательства противнаго,—не считая крѣпко утвердившагося мнѣнія, что старый фельдмаршалъ былъ безукоризненно честный гражданинъ, хотя и ближе стоялъ къ Панинымъ нежели къ Потемкину.

Вотъ все что̀ можно замѣтить относительно мнѣній, выраженныхъ г. Лебедевымъ, касательно придворной интриги въ связи съ Пугачевщиной. Но есть и другія мнѣнія, не высказанныя еще въ печати, напримѣръ, что близь Екатерины была какая-то таинственная рука, непосредственно помогавшая самозванцу. Въ доказательство приводятъ появленіе въ лагерѣ Пугачева гольштинскаго знамени. Гольштинское знамя — это или очень сильный, или совершенно ничтожный аргументъ. На массу яицкихъ казаковъ, раскольниковъ, Башкиръ и крестьянъ оно не могло произвести никакого впечатлѣнія, но это самое и можетъ подать поводъ думать, что лицо, приславшее его къ Пугачеву, находилось, по своему положенію,

весьма далеко отъ понятія народныхъ массъ. Лицо это, повидимому, воображало, что имя Петра III сильно въ Россіи не въ качествѣ императора всея Россіи, а въ качествѣ принца Германской имперіи *... Такъ можно думать глядя на дѣло съ одной стороны; но можно допустить, что знамя попалось совершенно случайно, какъ могло попасться всякое другое знамя. Не принимая на себя разрѣшать это совершенно темное обстоятельство, ограничусь приведеніемъ единственнаго документа, который о немъ упоминаетъ. Этотъ документъ есть письмо императрицы къ московскому главнокомандующему, князю Волконскому:

„Князь Михаилъ Никитичъ,—писала государыня,—при семъ посылаю къ вамъ гольштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка, которое было отбито Михельсономъ у Пугачева подъ Царицынымъ и тотчасъ же сюда отправлено. Я послала осмотрѣть книги и вещи, хранящіяся въ Ораніенбаумскомъ арсеналѣ: не оттуда ли оно было выкрадено? Но тамъ все что было находится въ цѣлости. Тамошній генералъ Ферстеръ призналъ, что сіе знамя, какъ я упомянула выше, было зятя его Дельвигова полка. Ферстеръ и Мерлинъ, которые были у разбора гольштинскихъ дѣлъ, утверждаютъ, что, можетъ-быть, оно было отдано въ коммиссаріатъ по приложенной здѣсь запискѣ знаменъ и штандартъ. Препоручаю вамъ потребовать отъ Глѣбова извѣстіе, гдѣ находятся сіи знамена. Въ случаѣ ихъ нѣтъ въ коммиссаріатѣ, то пусть дастъ знать: гдѣ, какъ и когда они вышли изъ-подъ его вѣдомства. Хорошо было бы, еслибы вы открыли источникъ, какимъ образомъ сіе знамя дошло до Пугачева, ибо вывело бы много плутней наружу. Однако, во всемъ семъ поступите какъ можно осторожнѣе, чтобы не причинить въ городѣ невременную тревогу.“ (15 сентября). Открылъ ли какія-нибудь „плутни“ князь Волконскій, не знаемъ; эти „плутни“ могли быть сдѣланы какимъ-нибудь высоко-поставленнымъ лицомъ съ прямо политическою цѣлію, равно какъ и всякимъ коммиссаріатскимъ каптенармусомъ, сочув-

* И въ этомъ отношеніи предполагаемое лицо весьма ошибалось. Если Петръ III имѣлъ какую-нибудь популярность въ Россіи, то всего скорѣе между массами крестьянскаго населенія, благодаря указу о монастырскихъ имѣніяхъ, который дѣйствительно сдѣлалъ его популярнымъ между крестьянами.

ствующимъ Пугачеву и желавшимъ сдѣлать ему посильное приношеніе.

Было еще другое обстоятельство, которое показалось Екатеринѣ загадочнымъ и требующимъ особаго разъясненія: это предложеніе Перфильева выдать Пугачева. Съ предложеніемъ своимъ Перфильевъ прислалъ въ Петербургъ казака Трофимова (въ другомъ мѣстѣ Екатерина называетъ его Трифоновымъ), который казался искренно расположеннымъ предать самозванца въ руки правосудія, и между тѣмъ, отправившись изъ Петербурга съ твердымъ, повидимому, намѣреніемъ исполнить свое обѣщаніе, не исполнилъ его и сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Пугачева. Чтò заставило его перемѣнить свое намѣреніе? „Все сіе неясно, мудрено и что-нибудь да кроется“, писала Екатерина князю Волконскому, полагая, какъ кажется, что въ Петербургѣ или Москвѣ нашлись люди, которые побудили Трофимова перемѣнить свое рѣшеніе. Но дѣйствительно ли это было такъ, не знаемъ, да и не видимъ причинъ полагать, чтобы въ этомъ обстоятельствѣ скорѣе можно было видѣть участіе лицъ высокопоставленныхъ имъ столичныхъ раскольниковъ. Наконецъ, все это могло быть одною комедіей, разыгранною Перфильевымъ, которая можетъ-быть и усилила мѣру назначеннаго ему наказанія.

Вотъ, кажется, главнѣйшія сомнѣнія, которыя желательно было бы разъяснить для вѣрнаго пониманія описываемыхъ дѣлъ. До сего времени еще никто не упоминалъ объ участіи раскольниковъ въ Пугачевщинѣ. Эта мысль даже вовсе не остановила на себѣ вниманія Пушкина; между тѣмъ участіе раскольниковъ несомнѣнно и весьма значительно. Очень можетъ-быть, что въ послѣдствіи будетъ обнаружена и рука, бросавшая изъ-за кулисъ гольштинское знамя, прикрывшая Кожевникова и т. п. Можетъ-быть, современемъ откроются и какія-нибудь нити, протягивавшіяся изъ раскольничьихъ скитовъ за границу, хотя это и мало вѣроятно, и хотя, какъ сказано въ началѣ статьи, на это нѣтъ доказательствъ.

Но если нѣтъ доказательствъ чтобы Пугачевъ былъ твореніемъ и орудіемъ заграничныхъ враговъ Россіи, то несомнѣнно, что они готовы были имъ воспользоваться. Французскій резидентъ въ Петербургѣ, Дюранъ, распространялся о яицкихъ происшествіяхъ съ нескрываемымъ злорадствомъ. И это очень понятно: французская политика стремилась, какъ

извѣстно, запутать наши дѣла въ Польшѣ и болѣе всего содѣйствовала къ возбужденію Турецкой войны; а такъ какъ дѣла въ Польшѣ устроились, между тѣмъ, къ нашей выгодѣ, Турки же терпѣли пораженіе за пораженіемъ, то Пугачевъ являлся весьма кстати для этой политики и становился, хотя и неумышленно, ея союзникомъ. Несомнѣнно, что французская политика и польская эмиграція готовили ему преемника и продолжателя въ лицѣ мнимой княжны Таракановой. Извѣстно, что интригантка, принявшая на себя это имя, является въ свитѣ князя Радзивилла, проживавшаго въ Венеціи, и является именно въ то самое время, когда Пугачевщина распространилась по Волгѣ, въ 1774 году. Изъ свѣдѣній, обнародованныхъ до сего времени объ этой загадочной личности, мы знали, что она была окружена католическимъ духовенствомъ и пробовала войдти въ сношеніе съ Римскимъ дворомъ и съ Портой; въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть положительныя подтвержденія этому послѣднему обстоятельству. * Въ первой половинѣ лѣта 1774 года (23 мая), въ Константинополь пріѣзжалъ секретарь Радзивилла, Козаковскій, съ цѣлію, между прочимъ, предрасположить Порту къ прибытію этого вельможи и къ принятію его съ надлежащимъ почетомъ. Почти въ то же время пріѣхалъ туда и одинъ изъ Пулавскихъ, котораго нашъ агентъ называетъ героемъ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, Казимиръ. Но происки всѣхъ этихъ политическихъ интригановъ, втянувшихъ Турцію въ войну, дорого ей обошлись; вліяніе французской политики потеряло въ глазахъ Порты свой авторитетъ, и новыя побѣды Русскихъ рѣшительно расположили ее къ миру. Поэтому, Пулавскому дано было небольшое содержаніе съ правомъ проживать въ Демотикѣ (гдѣ нѣкогда жилъ Карлъ XII), а посѣщеніе Радзивилла было отклонено. На такое рѣшеніе знатный Литвинъ никакъ не надѣялся. Часть его свиты съ экипажами уже прибыла въ Константинополь, самъ же онъ, съ человѣками семидесятью приближенныхъ и въ томъ числѣ съ мнимою Таракановой, пріостановился въ Рагузѣ, гдѣ, повидимому, и засталъ его неожиданный отказъ Порты. Кто была эта мнимая княжна Тараканова, остается необъясненнымъ въ упомянутыхъ выше документахъ. Извѣстно только, что Рад-

* Дѣла цесарскія 1774 года.

зивиллъ пріѣхалъ въ Венецію черезъ Варшаву и Вѣну; изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что самозванка принадлежала къ католическому исповѣданію: не Полька ли она была? Впрочемъ, кто бы она ни была, попытка Радзивилла представить эту таинственную особу въ Константинополь кончилась ничѣмъ; но весьма вѣроятно, что онъ везъ ее туда не безъ политическихъ цѣлей. Самозванецъ на Волгѣ и самозванка на Дунаѣ представляли большія вѣроятности ослабить дѣйствія внѣшней политики Россіи.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О „Московскомъ легіонѣ" мнѣ удалось найдти въ Московскомъ архивѣ военнаго министерства слѣдующія свѣдѣнія Тогдашній вице-президентъ военной коллегіи, графъ Чернышовъ,—великій реформаторъ по военной части, — задумалъ было сформировать изъ „вольныхъ людей" особую команду, подъ названіемъ „Иностраннаго легіона," но встрѣтивъ неудобства относительно найма этихъ „вольныхъ людей," представилъ императрицѣ о сформированіи такого же легіона изъ различныхъ существующихъ пѣшихъ и конныхъ командъ съ присоединеніемъ къ нимъ артиллеріи и казаковъ, подъ названіемъ „С.-Петербургскаго легіона." Представленіе его отомъ было высочайше утверждено 2-го сентября 1769 года, а чрезъ мѣсяцъ, 3-го октября, послѣдовало утвержденіе доклада военной коллегіи объ образованіи на подобныхъ же основаніяхъ „Московскаго легіона." Въ составъ его должны были войдти части драгунскихъ полковъ Уфимскаго, Казанскаго и Оренбургскаго, Грузинскаго гусарскаго, яицкіе казаки и артиллерія, причемъ драгуны были обращены въ пѣхоту. Онъ долженъ былъ получить слѣдующій составъ:

Батальйонъ гренадерскій: 6 ротъ по 136 человѣкъ съ сержантами, каптенармусами, мастеровыми и пр. . . .	1.019 чел.
Батальйонъ мушкатеръ: 6 ротъ по 126, а съ сержантами и пр.	1.019 —
4 эскадрона карабинеръ.	745 —
2 эскадрона гусаръ	349 —
Казачьей команды.	325 —

Кромѣ того, два 19-фунтовые единорога, двѣ 8 ф. пушки и восемь 3 ф. пушекъ. Весь этотъ маленькій корпусъ войскъ, преставлявшій образцикъ соединенія всѣхъ родовъ оружія, отданъ былъ подъ команду бригадира Баннера (см. въ арх. воен. мин., *Книга опредѣленій воен. кол.* №№ 60 и 69).

II.

Извѣстія о наружности Пугачева, сообщаемыя разными видѣвшими его лицами, сходы въ главныхъ чертахъ, но относительно подробностей нѣсколько разнорѣчивы. Пушкинъ въ своей *Исторіи* говоритъ, что онъ „былъ роста средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть.“ Совершенно тѣ же признаки Пушкинъ приписываетъ Пугачеву и въ *Капитанской Дочкѣ*, прибавляя: „живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское.“ Но въ главѣ IV той же *Исторіи* Пугачевъ описанъ нѣсколько иначе: „онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, роста средняго, смуглъ и худощавъ, волосы имѣлъ *темнорусые*, бороду черную, небольшую, клиномъ.“ „Очевидецъ,“ со словъ котораго г. Поповъ записалъ разказъ, помѣщенный въ *Чтеніяхъ* 1862 года, описываетъ Пугачева такъ: „роста средняго, корпусный, въ плечахъ широкъ, смугловатъ, борода *окладистая* (что̀ противорѣчитъ остальнымъ свидѣтельствамъ), глаза черные и большіе.“ Авторъ Примѣчанія, приложеннаго къ *Лѣтописи Рычкова* (*Исторія Пугачевскаго бунта*), бывшій у самозванца въ симбирской тюрьмѣ и разговаривавшій съ нимъ, пишетъ: „глаза у него чрезвычайно быстры, *волосы* и борода *черные*, роста небольшаго, но широкъ въ плечахъ и весьма скоръ въ поворотахъ.“ Самое подробное описаніе Пугачева удалось мнѣ найдти въ показаніяхъ двухъ Донцовъ, бывшихъ въ плѣну у Пугачева и нѣсколько разъ бесѣдовавшихъ съ нимъ наединѣ (см. Прилож. IV). Вотъ оно: „роста средняго, лицомъ смугло-красный (это относится къ тому времени, когда Пугачевъ *погулялъ* уже около года на волѣ и холѣ), рябъ; на головѣ волосы черные съ русиною, борода небольшая и неширокая, такая же волосомъ, въ коей изрѣдка и сѣдина пробилась, а по лицу, къ ушамъ, крайне рѣдкая; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи рубецъ; брови черныя, глаза сѣрые съ желтизною; носъ небольшой, посрединѣ маленькій бугорчикъ, а конецъ его кверху загнутъ остро, и лупится кожа.“ Жена Пугачева (не видавшая его, впрочемъ, съ 1772 года) прибавляла къ портрету своего мужа, рисующагося отъ вышеприведенныхъ описаній, что у него съ дѣтства не достаетъ одного зуба спереди, въ верхней челюсти (*Исторія Пугачевскаго бунта, Примѣч.*), а про шрамъ на лѣвомъ вискѣ говорила, что

онъ произошелъ отъ болѣзни и величиною въ двухкопѣечникъ; что у него на лицѣ „желтыя *конопатины* (рябинки); смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, борода клиномъ, черная, небольшая.“ Она же сказывала, что у него на обѣихъ грудяхъ, „назадъ тому третій годъ, были провалы, отчего и мнитъ она,—записано въ отобранномъ у нея показаніи,—что быть надобно признакомъ же.“ Всѣ свидѣтельства единогласно показываютъ, что въ 1773 году Пугачеву было лѣтъ сорокъ; самъ же онъ на допросахъ показалъ, что ему (въ 1774 году) было 32 года, что и дѣйствительно близко къ истинѣ, хотя за два года передъ тѣмъ, когда попался за подговоръ яицкихъ казаковъ къ побѣгу, онъ говорилъ, что ему 40 лѣтъ (*Исторія Пугачевскаго бунта. Примѣч.*). Я дѣлаю это заключеніе на слѣдующемъ основаніи: онъ объяснялъ передъ коммиссіей (*Чтеніе 1858 г.* Допросы), что въ казаки записанъ 17 лѣтъ, что *на второмъ году* казачьей службы (то-есть когда ему было 18—19 лѣтъ) женился и тотчасъ же отправился въ Прусскую кампанію, гдѣ вскорѣ получено извѣстіе о смерти императрицы Елизаветы. Итакъ, въ концѣ 1761 года ему было лѣтъ около 20, слѣдовательно въ 1773 г. ему было тридцать три года, или близко къ тому.

III.

Изъ дѣла, находящагося въ архивѣ военнаго министерства (въ Москвѣ), видно, что въ концѣ 1786 года въ Тобольской губерніи явился новый самозванецъ. Это былъ нѣкто Петръ Хрипуновъ (онъ же и Головенко), находившійся нѣкогда атаманомъ въ шайкахъ Пугачева. Наряженное по этому случаю слѣдствіе (подъ руководствомъ генералъ-майора Федцова) обнаружило, что этотъ Хрипуновъ разглашалъ многимъ мѣстнымъ обывателямъ „о бывшемъ императорѣ Петрѣ, будто оный живъ, а изъ нихъ (обывателей) нѣкоторые подавали ему совѣтъ къ возмущенію и побуждали его принять на себя имя самозванца.“ Такими оговорами, посредствомъ которыхъ Хрипуновъ разсчитывалъ, вѣроятно, протянуть слѣдствіе, онъ запутывалъ большое количество людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ; однако, доносилъ (31-го октября 1786 г.) тобольскій намѣстникъ, генералъ Огаревъ, „изъ всѣхъ обстоятельствъ не видится никакого сумнительнаго случая.“ Главными сообщниками его были крестьяне Борцовъ и Пургинъ, изъ коихъ первый хотѣлъ составлять ложные манифесты съ объявленіемъ въ нихъ освобожденія отъ всякихъ податей на 9 лѣтъ (донесеніе отъ 12-го января 1787 г.), а Пургинъ—набирать изъ бѣглыхъ и бродягъ шайку, которую онъ предполагалъ довести численностію до 500 человѣкъ. Эти два человѣка, какъ оказалось по слѣдствію (донесеніе отъ 29-го ноября того же года), были подстрекателями самого Хрипунова, который является какъ бы ихъ орудіемъ. Но какъ

настоящій случай не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій, то императрица не желала ни оглашать его, ни слишкомъ строго карать виновныхъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ Огареву высочайшее повелѣніе, по которому двумъ арестованнымъ участникамъ Хрипунова, рекруту Незамаеву и казакамъ Ѳедорову и Резанцеву сдѣланы „подтвержденія," послѣ чего они были освобождены; драгунъ Сибирскаго полка, Гавриловскій, уличенный въ подговорѣ своихъ однополчанъ къ содѣйствію самозванцу, отправленъ подъ команду надежнаго эскадроннаго командира; Хрипуновъ же, безъ всякаго наказанія, посланъ въ рабочій домъ. Къ удивленію, въ этомъ нелѣпомъ дѣлѣ оказались замѣшанными два офицера: Сибирскаго драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Меньшиковъ и Петропавловскаго гарнизоннаго батальйона секундъ-майоръ Соколовъ. Первый изъ нихъ былъ разжалованъ въ рядовые до выслуги, а взятыя имъ съ крестьянъ деньги 24 р. велѣно взыскать съ него; къ чему были приговорены Борцовъ и Пургинъ, а также майоръ Соколовъ, и въ чемъ именно состояла вина послѣдняго, изъ дѣла не видно.

IV.

Донесенія наказнаго атамана войска Донскаго, Семена, Сулинавице-президенту военной коллегіи и другія бумаги.*

а) *Донесеніе Сулина, отъ августа 1774 г.* (Извлеченіе.) Отъ 3-го августа донесено военной коллегіи, что по полученіи отъ казанскаго губернатора фонъ-Бранта извѣщенія, сообщеннаго воронежскимъ губернаторомъ Шетневымъ, о раззореніи мятежниками Казани, для недопущенія злодѣя Пугачева съ его богомерзкою сволочью и для истребленія его въ прахъ, опредѣлено: нарядить изъ послѣдне оставшихся, за раскомандированіями въ армію, служилыхъ и отставныхъ казаковъ, а также и выростковъ — казачьихъ дѣтей, три казачьи полка и оные поставить: при походномъ атаманѣ Абросимѣ Луковкинѣ, на Бузулукѣ за Филоновскою станицей; при полковникахъ: Максимѣ Яновѣ, на Хопрѣ, за Михайловскою, и Андреѣ Вуколовѣ, на Медвѣдицѣ, за Березовскою станицами, куда оные и отправлены. А сего 10-го августа получена за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ грамота, отъ 29-го іюля, коею повелѣвалось немедленно исполнить повелѣніе о наряженіи нѣкотораго числа сего войска въ извѣстную в—му в—пр—у коммиссію, которое съ тою же грамотой и получено, и въ коемъ в. в—пр—во предписывать изволите: какъ извѣстный государственный злодѣй, извергъ Пугачевъ, перешелъ Волгу и упо-

* Архивъ воен. минист. въ Москвѣ, дѣла князя Потемкина.

вательно стремится къ Воронежу, а можетъ-быть и на Донъ, то дабы на Дону взята была должная предосторожность; а Ея Императорское Величество соизволила указать: собрать до 1.000 человѣкъ и отправить ихъ при полковникѣ Алексѣѣ Илловайскомъ, или другомъ надежномъ полковникѣ, для обереженія Воронежской губерніи и самого Дона. Во исполненіе сего высочайшаго указа, полковникъ Илловайскій съ 1.000 казаковъ отправленъ, которую команду взять ему велѣно изъ числа высланныхъ съ атаманомъ Луковкинымъ; а для пополненія убыли въ командѣ Луковкина велѣно атаманамъ верховыхъ станицъ собрать всѣхъ казаковъ служилыхъ, отставныхъ и выростковъ, на истребленіе сего злодѣя, да и по всему Дону велѣно строжайше и подтверждено всѣмъ состоять въ ежечасной готовности.

б) *Показаніе, отобранное отъ бывшихъ въ плѣну у Пугачева эсаула Мелехова и хорунжаго Малахова, представленное Потемкину Сулинымъ при рапортѣ отъ 19-го августа 1774 г.*

„По откомандированіи ихъ (вышепоименованныхъ) при эсаулѣ Петрѣ Ѳоминѣ въ 1774 году къ Саратову, къ опекунской конторѣ, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, для наблюденія колонистовъ и поиска разбойниковъ, находились они тамо: Мелеховъ сотникомъ, а Малаховъ квартирмистромъ въ командѣ г. бригадира Ладыженскаго; а 3-го числа сего августа означенный (состоявшій въ той командѣ) эсаулъ Ѳоминъ съ ними, тожъ съ двумя хорунжими и шестьюдесятью человѣками казаковъ, отъ онаго бригадира Ладыженскаго командированы по дошедшему туда извѣстію, что злодѣй и измѣнникъ Пугачевъ съ толпою своею слѣдуетъ къ г. Петровску, съ тѣмъ приказаніемъ, какъ имъ оный эсаулъ Ѳоминъ на пути сказывалъ, чтобъ о томъ злодѣѣ развѣдать и тотъ городъ защитить, а въ случаѣ невозможности, пушки и порохъ пометать въ воду, а денежную казну увезть въ Саратовъ, и что съ ними туда въ Петровскъ будетъ бывшій тогда тамо въ Саратовѣ гвардіи поручикъ Державинъ, которому и подставы были заготовлены; но онъ къ нимъ не пріѣзжалъ, а по приближеніи ихъ на другой день, яко то 4-го числа надвечеръ, къ Петровску, за версту догналъ ихъ отъ онаго гвардіи поручика поручикъ же Гогилевъ, и какъ при семъ самомъ случаѣ увидѣли злодѣя-варвара Пугачева толпу, изъ коихъ передніе конные егери входили уже въ городъ Петровскъ, а задніе, довольное число повозокъ, туда же слѣдовали, безъ всякаго изъ города сопротивленія, ибо тамошніе жители, какъ примѣчать должно, и бывшее въ немъ духовенство встрѣтили его съ образами, колокольнымъ звономъ, съ хлѣбомъ и солью; то эсаулъ Ѳоминъ и предписанный пріѣхавшій къ нимъ офицеръ на лошади его, Ѳомина, да другой на дорогѣ съ нимъ сообщившійся офицеръ же, прапорщикъ, прозываемый Шкуратовъ, взявъ съ собою казаковъ до десяти человѣкъ, подъ-

ѣхали поближе къ той толпѣ, для развѣдыванія, сколько оной всей толпы и въ какихъ она людяхъ состоитъ; и вскорѣ отъ него, Ѳомина, одинъ за другимъ, два казака къ нимъ (Мелехову и Малахову) присланы были съ тѣмъ, первый, чтобы худоконные убирались впередъ, а другой, чтобы дожидались; потомъ мимо ихъ проскакали пріѣхавшій къ нимъ офицеръ, а за нимъ эсаулъ Ѳоминъ и другой офицеръ; а изъ нихъ эсаулъ, какъ слышалъ изъ нихъ Малаховъ,—потому что тогда Мелеховъ былъ по болѣзни своей, отъ лихорадки, отъ казаковъ особливо, сажень въ тридцати,—прибѣжавъ, закричалъ: чево вы стоите? непріятель тутъ въ Петровскѣ, убирайтесь! а самъ лошадь свою держитъ въ путь на поводѣ, и тутъ Малаховъ ему проговорилъ: для чего онъ ихъ оставляетъ? у иныхъ казаковъ есть лошади худыя; лучше намъ здѣсь за Ея Императорское Величество умереть на службѣ! а онъ, проговоря что поскачетъ за поручикомъ Гогилевымъ, и взявъ у него свою лошадь, обратно къ нимъ будетъ, а поручикъ-де на своихъ лошадяхъ, на которыхъ пріѣхалъ, поскачетъ на почтѣ; и послѣ сего они уже его, Ѳомина, вовсе не видали.

„И въ самой сей минутѣ, какъ они отъ нихъ скрылись, увидѣли они бѣгущихъ къ нимъ верхи на лошадяхъ съ девятью знаменами, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ,—однакожъ, безъ полей и звѣздъ золотыхъ и серебряныхъ; только у нѣкоторыхъ есть вышитыя малыя звѣздочки; тожь у нѣкоторыхъ по краямъ позументъ, а другіе безъ всякихъ изображеній,—до полутораста человѣкъ толпы, и всѣхъ ихъ окружили, хотя и были они всѣ съ заряженными ружьями на лошадяхъ, и остановясь около ихъ саженъ на полтораста, прислали къ нимъ яицкаго казака,—какъ звать, не знаю,—который саженяхъ въ двадцати пересказывалъ имъ,—какъ Малаховъ же слышалъ:—„не противтесь оружіемъ; самъ здѣсь государь Петръ Ѳеодоровичъ; не то бы всѣ слѣзли съ лошадей,“ съ чѣмъ тотъ разбойникъ и побѣжалъ къ злодѣю; потомъ другой яицкій казакъ пріѣхалъ къ нимъ отъ злодѣевъ, чтобъ оставили лошадей: „сзади-де самъ государь ѣдетъ, и какъ скоро къ нимъ подъѣдетъ, положите оружіе и, павъ на колѣни, поклонитесь.“ И сей казакъ отъ нихъ не отъѣзжалъ, и самъ злодѣй съ знаменами пріѣхалъ; и по такой крайности принуждены были они, павъ на колѣни, поклониться и назвать: „Ваше Императорское Величество,“ какъ имъ яицкій казакъ приказалъ; а онъ, сидя на конѣ, спросилъ у нихъ: „какіе вы?“ а услыша, что донскіе казаки, и были въ Саратовѣ, и называя ихъ „дѣтушки,“ проговорилъ: „Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаютъ! Ступайте ко мнѣ въ лагерь.“ При семъ спросилъ у нихъ, кто отъ нихъ побѣгъ, и извѣстясь, что эсаулъ и два офицера, самъ злодѣй, перемѣня лошадь, на буромъ конѣ, со взятымъ у казака дротикомъ, самъ-пятъ вслѣдъ за ними погналъ, а ихъ всѣхъ, съ бывшимъ при нихъ изображеніемъ Знаменія Богородицы, бунчукомъ,—который

по бытности ихъ сего года весною, за Волгою, къ Яику, на рѣчкѣ Большихъ Узеняхъ, при разбитіи сего же злодѣя толпы яицкихъ казаковъ, десяти человѣкъ, бывшихъ при предводителѣ изъ нихъ, Иванѣ Безстрашномъ, ими у нихъ отбитъ,—оставшіеся его злодѣи привезли, уже при захожденіи солнца, въ лагерь свой, бывшій у самаго города Петровска, между талами, въ лугу, гдѣ были двѣ у самого злодѣя палатки, вокругъ коихъ находились яицкіе казаки отряда, называющагося секретаремъ злодѣйскимъ, яицкаго казака Алексѣя Иванова. И поставя ихъ среди самой сволочи, опредѣлили ихъ къ полку яицкаго казака Аѳанасія Петрова; а предъ самымъ сумеркомъ и самъ злодѣй въ лагерь пріѣхалъ, причемъ они отъ яицкихъ казаковъ слышали, что есаула и одного офицера нагнать не могли, а другаго офицера, Шкуратова, одинъ яицкій казакъ сколoлъ въ смерть. * Потомъ обоихъ ихъ, Мелехова и Малахова, да хорунжихъ станицъ Усть-Хоперской, Василія Попова, и Усть-Медвѣдицкой, Степана Колобродова, злодѣй позвалъ къ себѣ въ палатку,—въ которой изготовленъ былъ имъ ужинъ,—и приказавъ имъ сѣсть, велѣлъ поднесть по двѣ чарки вина, сказывая: „пейте-де, дѣтушки, при мнѣ,“ и напоминая, чтобъ они служили вѣрно, спрашивалъ: „какое вы получаете отъ государыни жалованье?“ а они ему сказывали, что „мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны;“ а онъ сказывалъ: „нѣтъ, хотя вы и довольны, да мало этого на сѣдло, не токмо на лошадь; послужите вы у меня, вы не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить! А у васъ господа съѣдаютъ жалованье.“ И притомъ высказалъ: „слушайте, други мои, я былъ въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ три года, да въ третьемъ, не упомню гдѣ, мѣстѣ два года,“ и онъ примѣры всѣ чужестранные узналъ, и не такъ какъ у насъ. „Я знаю какъ съ господами поступлю!“ Подтверждалъ притомъ, чтобъ они къ нему приходили утра и вечера, и послѣ же разговоровъ приказалъ имъ идти ночевать.

„Изъ тѣхъ же казаковъ, кои съ эсауломъ Ѳоминымъ и офицерами подъѣзжали къ Петровску, четыре человѣка, свидясь съ ними въ злодѣйскомъ лагерѣ, сказывали имъ, что какъ они подъѣхали къ Петровску и посланы были отъ эсаула внутрь города Петровска, то они пойманы и къ упоминаемому злодѣю представлены, который, спрося ихъ: гдѣ они были, и много ли ихъ, и кто при нихъ командиръ? двухъ оставилъ, а двухъ съ приказаніемъ эсаулу Ѳомину, чтобъ

* Весь этотъ разказъ очень походитъ на тотъ, который (въ сокращеніи) приведенъ Пушкинымъ въ VIII главѣ его *Исторіи*; только тамъ говорится, будто Державинъ бѣжалъ отъ Пугачева, а Малаховъ и Мелеховъ свидѣтельствуютъ, что при этомъ его вовсе не было. Полковникъ Бошняковъ, на донесеніе котораго ссылается Пушкинъ, можетъ-быть и понапрасну всклепалъ этотъ побѣгъ на гвардейскаго офицера, съ которымъ постоянно ссорился.

онъ пріѣхалъ къ его лагерю и, ставъ пониже его, къ нему явился, отправилъ, которые двое, за отъѣздомъ эсаула Ѳомина, остались и съ ними (Малаховымъ и Мелеховымъ) взяты.

„Поутру, 5-го числа, злодѣй со всею сволочною толпой поднялся походомъ къ городу Саратову; и тутъ они на свои глаза видѣли всю его сволочь,—оставаясь для нарочнаго ея примѣчанія сзади,—въ которой яицкихъ казаковъ, примѣрно, до трехъ сотъ, а остальные—ставропольскіе и прочіе, Калмыки, Татары и другихъ ихъ мерзкихъ племенъ, тожь господскіе крестьяне, лакеи и прочая сбродная сволочь; всѣхъ знаменъ, писаныхъ и не писаныхъ, примѣрнымъ числомъ, до двадцати, пушекъ разныхъ тринадцать, въ томъ числѣ и взятыя въ Петровскѣ, и при нихъ побратые съ городовъ канониры; всей сволочи, шедшей съ нимъ, злодѣемъ, къ Саратову, полагаютъ они, было съ десять тысячъ, и только можно назвать ружейныхъ тысячъ до двухъ, а многіе съ вилами, чекушками, съ дручьемъ, а прочіе безъ всякаго оружія; до Саратова, отъ котораго до Петровска разстоянія девяносто верстъ, слѣдуя, ночевали; а ввечеру какъ изъ нихъ Малахову и прочимъ всѣмъ казакамъ тамо присяга была, Мелеховъ не видѣлъ, потому что за болѣзнію своею оставался назади; а какъ скоро только на конѣ пріѣхалъ, въ самый тотъ моментъ позванъ былъ онъ Мелеховъ одинъ въ палатку его злодѣя, который спросилъ у него: былъ ли онъ, Мелеховъ, у присяги? а услыша отъ него, что не былъ, ничего не говоря, подалъ ему изъ своихъ рукъ лежавшую въ оной (палаткѣ), на лентѣ, серебряную, изъ жалованныхъ въ Пруссіи за Франкфуртскую и Палцыховскую (?) баталіи, медаль позолоченую, сказывая, что „жалуетъ тебѣ Богъ и государь,“ и чтобъ онъ (Мелеховъ) служилъ вѣрно; кою (медаль) онъ, Мелеховъ, принужденъ былъ принять, поцѣловавъ его мерзкую руку. А за выходомъ его Мелехова изъ палатки, позванъ былъ туда хорунжій Колобродовъ, коему также дана отъ злодѣя медаль особливая, серебряная позолоченая; но какое на ней было изображеніе, онъ, Мелеховъ, не разсмотрѣлъ, только видѣлъ надпись такую: *союзному*, которыя медали полковникъ злодѣйскій, Аѳанасій Петровъ, имъ на шеи надѣлъ, причемъ какъ они, такъ и квартирмистръ Малаховъ и хорунжій Поповъ подчиваны были виномъ. По приходѣ же на кошъ, хотя онъ, Мелеховъ, отъ товарищей своихъ и слышалъ, что имъ присягу сдѣлали, но какъ оная происходила, они не сказывали, и онъ, Мелеховъ, не допрашивался, а только слышалъ, что та присяга чинима была по образу Божію, изображенному въ мѣдныхъ складняхъ. Малаховъ же о присягѣ изъяснилъ, что того вечера, пришедъ къ нимъ первый сего злодѣя разбойникъ изъ яицкаго войска, именуемый атаманомъ, Овчинниковъ, и называющійся секретарь, приказали всѣмъ собраться для выслушанія указа и принятія сему злодѣю, Пугачеву, присяги, и они всѣ принужденно собрались; имъ прочли указъ,

котораго помнитъ онъ, Малаховъ, заглавное: *Божіею милостію мы, Императоръ Петръ III, самодержецъ всероссійскій и прочая,*“ трижды, а кѣмъ прописаны эти строки, будучи въ такомъ страхѣ, не упомнитъ; а потомъ вычитываемъ былъ листъ, въ которомъ означено, чтобы служили они вѣрно его императорскому величеству, Петру Ѳеодоровичу, и супругѣ его, Устиньи Петровнѣ, и великому князю, Павлу Петровичу, и послѣ сего показанный злодѣйскій атаманъ объявилъ: „слушайте: его величество жалуетъ васъ жалованьемъ: казакамъ по двѣнадцати, а старшимъ по двадцати рублевъ,“ которое жалованье было имъ и выдано мѣдною россійскою монетой.

„Переночевавъ же, поутру до свѣта 6-го числа, злодѣй, съ толпою поднявшись, къ вечеру пріѣхалъ къ городу Саратову впереди, а повозки, состоящія изъ разной сволочи,—сотъ до пяти,—оставались назади, при которыхъ и изъ нихъ Мелеховъ, отдѣльно отъ товарищей, на своей повозкѣ, за болѣзнію, ѣхалъ, и затѣмъ, какъ уже тотъ злодѣй въ городъ вступилъ, Мелеховъ не видалъ, а только какъ прибыли повозки къ городу, и занятъ на лугу лагерь. Злодѣй тогда, причиняя свои богомерзкія убійства и грабительства, былъ въ городѣ, откуда пріѣхалъ въ лагерь уже сумеркомъ, и пробылъ тамъ 7-е и 8-е числа, яко то два дня. А Малаховъ изъяснилъ: по приближеніи-де злодѣйскомъ къ Саратову, онъ, злодѣй, изъ своей сволочи съ нѣкоторою частью самъ съ пушками взошелъ на гору, именуемую Соколову, а конницу поставя внизу оной, сталъ по городу стрѣлять изъ пушекъ, и когда въ городѣ присмотрѣли замѣшательство, или оторопливость, конница вся его злодѣйская ударила и ворвалась въ жилища, а за ними и самъ злодѣй туда вступилъ, предавъ многихъ противящихся смерти, грабя все казенное и у жителей имущество, а казенные хлѣбные, соляные и винные амбары, отворя, далъ волю; изъ тюремъ всѣхъ освободилъ содержащихся въ нихъ, а между симъ изъ лагеря своего, бывшаго отъ Саратова въ семи верстахъ, ѣздилъ онъ, злодѣй, съ яицкими казаками,—человѣкъ въ пятнадцати,—въ Саратовъ и всѣхъ тамошнихъ жителей привелъ къ присягѣ, а побитыхъ по городу людей, не малое число, прибирать и убирать и погребать не велѣлъ; а потомъ, забравъ артиллерію и людей, военныхъ и прочихъ, хотѣлъ, какъ слышали они отъ яицкихъ казаковъ, онъ, злодѣй, съ толпою переправляться у Саратова или у Дмитревска чрезъ Волгу на луговую сторону, но 9 го числа въ обѣдъ тотъ злодѣй, поднявшись отъ Саратова, пошелъ къ Золотой слободѣ съ намѣреніемъ оттуда идти къ Дмитревску, а отъ Дмитревска, какъ изъ нихъ Мелеховъ слышалъ въ палаткѣ злодѣя,—при разговорѣ съ нимъ, злодѣемъ, отъ ихъ злодѣйскаго яицкаго казака, полковникомъ называемаго, Аѳанасья Петрова,—что пойдетъ къ Моздоку, а Малаховъ также слышалъ отъ яицкихъ казаковъ, что—къ Царицыну, а больше на Донъ.

„На самомъ же томъ отъ Саратова подъемѣ, они обои, съ

девятью человѣками казаковъ, усмотря такое богомерзкое чудовище, злодѣя, тирана и варвара, сговорясь, и оставя тамъ всѣ бывшіе съ ними экипажи и деньги, тожъ и тѣ деньги, кои отъ злодѣя имъ даны были, бѣжали, ради донесенія войску Донскому о семъ злодѣѣ ко представленію къ Ея Императорскому Величеству и для принятія предосторожности, и будучи въ семъ побѣгѣ, Малаховъ съ девятью казаками прибѣжалъ на Хоперъ, въ Михайловскую станицу, на тамошній войсковой дворъ, изъ котораго отъ старшинъ Лащилина и Грекова присланъ при рапортѣ къ войску Донскому въ Черкасской, а Мелеховъ одинъ—на Медвѣдицу, къ Березовской станицѣ, не видя за собою погони, кромѣ что, будучи въ слободѣ Руднѣ, состоящей вверхъ по Медвѣдицѣ, на рѣчкѣ Терсѣ, разстояніемъ отъ той Березовской станицы въ восьмидесяти верстахъ, видѣлъ предъ пріѣздомъ своимъ повѣшенныхъ пріѣзжавшими изъ злодѣйской той толпы тридцати человѣкъ,—прикащика съ женою.

„По бытности ихъ въ толпѣ сего злодѣя, они многократно его видѣли, который роста средняго, лицомъ смугло-красный, рябъ; на головѣ волосы черные съ русиною, борода небольшая и неширокая, такая же волосомъ, въ коей изрѣдка и сѣдина пробилась, а по лицу, къ ушамъ, крайне рѣдкая; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи рубецъ; брови черныя, глаза сѣрые съ желтизною; носъ небольшой, посрединѣ маленькій бугорчикъ, а конецъ его кверху загнулся остро, и лупится кожа. Да видѣли обои сына его, примѣромъ, лѣтъ двѣнадцати, бѣловатаго, а изъ нихъ Малаховъ—и дочь такую же, поболѣе онаго сына, одѣтыхъ въ доброй одеждѣ: сынъ въ казацкомъ, а дочь въ нѣмецкомъ уборѣ, а жену видѣть не случилось; тожъ и въ толпѣ, кромѣ упоминаемаго злодѣя, другихъ подданныхъ ему злодѣевъ не видѣли и ни отъ кого не слышали, а только первый по злодѣѣ изъ яицкихъ казаковъ, называющійся атаманомъ, Андрей Аѳанасьевъ Овчинниковъ, и что они объ ономъ по присяжной должности показали самую сущую христіанскую правду, и въ томъ подписуются. Къ сему допросу сотникъ Иванъ Мелеховъ подписался; квартирмистръ Василій Малаховъ подписался.“

в) *Донесеніе Сулина, отъ 22-го августа 1774 г.* (Извлеченіе.) По полученному извѣстію о занятіи государственнымъ злодѣемъ города Саратова и станицъ Волжскаго казачьяго войска, и что уже злодѣйскія его партіи волочатся въ хуторахъ войска донскаго и сдѣлали нѣкоторыя смертоубійства, здѣшнимъ войскомъ опредѣлено: въ подкрѣпленіе верховыхъ станицъ, собравъ изъ здѣшнихъ городскихъ и съ донецкихъ станицъ всѣхъ поголовно до единаго служилыхъ,—состоящихъ въ льготѣ, пришедшихъ изъ арміи и всѣхъ написанныхъ въ минувшую перепись разнолѣтнихъ, малолѣтокъ и юртовыхъ Калмыкъ,—командировать при походномъ атаманѣ Макарѣ Грековѣ и полковникѣ Екимѣ Карповѣ. А по таковой важной край-

ности, и прибывшимъ изъ-за Кубани полковникамъ Павлу Кирсанову, Матвѣю Платову * и Екиму Уварову, изъ всѣхъ трехъ полковъ выбравъ 1.000 человѣкъ доброконныхъ, немедленно первымъ двумъ выступить къ Царицыну на соединеніе съ находящимися тамъ войсками, давая почасту знать о томъ подкрѣпленіи въ верховыя станицы, для ихъ ободренія; полковнику же Уварову, съ худоконными казаками, стать лагеремъ за Дономъ, противъ Черкасскаго. При семъ прилагается показаніе, отобранное отъ подосланнаго въ Иловлинскую станицу Донскаго войска отъ злодѣя Пугачева казака Черникова.

Показаніе казака Черникова, данное въ войсковой канцеляріи 22-го августа. (Извлеченіе.) Уроженецъ онъ Волжскаго казачьяго войска, Антиповской станицы, зовутъ Иваномъ Борисовымъ Черниковымъ. Какъ въ ихъ станицу доходили слухи о приближеніи злодѣя Пугачева, то они, казаки, собираясь, неоднократно разсуждали къ принятію отъ того злодѣя предосторожностей. 13-го же сего августа къ нему, Черникову, на хуторъ пріѣхалъ станичный старшина, Никифоровъ, и звалъ въ станицу, говоря, что отъ злодѣя Пугачева есть къ нимъ письма съ приглашеніемъ сдаться и съ угроженіемъ, въ противномъ случаѣ, всѣхъ вырубить и жилища ихъ выжечь. Когда же на слѣдующее утро Черниковъ пріѣхалъ въ станицу, то на пристани ихъ было даже большое судно, прибывшее съ верху, съ разною изъ толпы злодѣйской сволочью, числомъ до 1.000 человѣкъ, изъ каторжныхъ, у коихъ ноздри рваны и клеймены, которые уже, ходя по станицѣ, грабили дома; и слухъ былъ, что и тамъ злодѣй съ толпою въ близости. Почему они, казаки, собираясь раза три, разсуждали: „противу ли злодѣя идти, или побѣгомъ спасаться, или же склониться къ нему, злодѣю“.. „Напослѣдокъ, сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество, согласились, имѣя мало къ сопротивленію людей, склониться,“ почему и послали навстрѣчу къ злодѣю человѣкъ 40 со знаменами, которые, встрѣтивъ его со всею его толпою верстъ за 7, „по наущенію яицкихъ казаковъ, пѣшіе на колѣнахъ ему поклонились съ пригнутіемъ своихъ знаменъ, причемъ многіе изъ нихъ, по тому же наущенію, цѣловали злодѣйскую его руку....“ „а за станицею и всѣ вышедшіе отъ стараго до малаго, мужеска и женска пола, съ образами и колокольнымъ звономъ, его злодѣя, ѣхавшаго на пѣгой лошади иноходью, также всѣ, сидя на колѣнахъ, встрѣтили же. А онъ, злодѣй, верхи (верхомъ) поцѣловавъ у попа крестъ, прямо въѣхалъ въ станицу и въ домѣ ихъ станицы казака Родіона Осипова Забуруннова со своими злодѣйскими начальниками обѣдалъ.“ А при этомъ одинъ изъ станицы казакъ, Прянишниковъ, за выговоренныя при разговорѣ съ другимъ казакомъ рѣчи, что „онъ-де не государь, а душамъ нашимъ

* Будущій наказный атаманъ и графъ.

погибнуть,“ по приказу его, злодѣя, яицкими казаками повѣшенъ; бывшіе въ ихъ станицѣ для битья каменьевъ 20 человѣкъ каторжныхъ освобождены и отосланы къ главнымъ же каторжнымъ на судно; находившійся при нихъ поручикъ и болѣе 20 солдатъ забраны въ толпу и волосы у нихъ выстрижены въ кружокъ по-казацки, а станичному атаману приказано со всѣми старшинами и казаками и со знаменами за нимъ, злодѣемъ, слѣдовать. А намѣреніе злодѣя было, чтобъ идти оттолѣ на Дубовку и Царицынъ и далѣе на Донъ. На походѣ же, по приказанію его, злодѣя, станичный ихъ атаманъ, нарядивъ его, Черникова, и другаго казака, обоихъ ихъ представилъ къ злодѣю, ѣхавшему верхи на лошади, который, подавъ имъ конвертъ, велѣлъ отвезти его на Донъ, въ Иловлинскую станицу, казаку Ѳедору Аликову; однако, этотъ Аликовъ его, Черникова, съ товарищемъ, взявъ, представилъ. Въ это время у него, злодѣя, было „яицкихъ казаковъ до 300 и, сверхъ того, разная сволочь, какъ то: казанскіе Татары, лакеи, крестьяне, ссылочные и прочая сволочь, коихъ всѣхъ тысячъ до шести, и только почесть оружейныхъ тысячи съ двѣ, а то все безъ всякихъ оружій, и многіе ѣдутъ въ телѣгахъ, коихъ, тожь колясокъ и берлиновъ, коихъ въ обозѣ его состоитъ многое число, болѣе 500, и въ коемъ обозѣ многое число женъ и обоего пола дѣтей.“

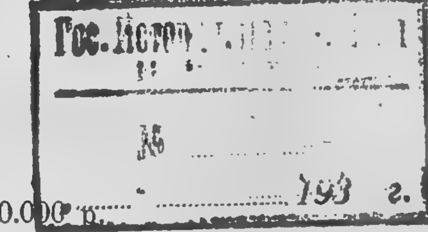
г) *Донесеніе атамана Сулина военной коллегіи, отъ 28-го августа.* (Извлеченіе.) Изъ рапортовъ полковника Ѳедора Кутейникова, поступившаго въ команду полковника князя Дондукова, видно, что они 9-го августа съ Калмыцкимъ войскомъ, легкою полевою камандой и двумя казачьими полками выступили изъ Царицына противъ злодѣя черезъ Дубовку къ Дмитревску; а извѣстясь, что злодѣй 6-го числа взялъ Саратовъ, а 11-го городъ Дмитревскъ (Камышинъ), они поспѣшили 14-го числа занять позицію въ Балыклеевской Волжскаго войска станицѣ; но злодѣй предупредилъ ихъ, почему они и остановились не доходя отъ станицы на рѣчкѣ Проленкѣ, куда на утро и Пугачевъ, со всею толпою, тысячъ до пяти, появился, и тамъ сдѣлалась баталія. Но со втораго пушечнаго выстрѣла Дербетева Калмыки на побѣгъ пошли и ни одного раза удара не сдѣлали. Однако легкая полевая команда и казаки у злодѣя *побили болѣе 500 человѣкъ*, у нихъ же *только одинъ казакъ злодѣями уведенъ.* А отъ плѣнныхъ слышно, что онъ, злодѣй, намѣреніе имѣетъ идти на Дубовку и Царицынъ, а оттуда и на Донъ, за коимъ онъ, Кутейниковъ, и послѣдовалъ.— Атаманъ же Луковкинъ доноситъ, что 17-го числа со ввѣренною ему командой разбилъ злодѣйскія партіи, появившіяся вблизи Медвѣдицкихъ станицъ. Да 22-го того жь августа выбѣжавшіе отъ злодѣя плѣнные казаки увѣряютъ, что, въ бытность ихъ въ томъ плѣнѣ, „видѣли самозванца, точнаго Амельку Пугачева, да и жена-де его, которая изъ Зимовейской станицы взята, *съ нимъ* (?).“По рапортамъ атамана Перфильева видно, что 21-го числа Пугачевъ протащился мимо Ца-

рицына, не сдѣлавъ ему никакого вреда, а, напротивъ, преслѣдуемъ будучи 15 верстъ; однако, при этомъ казаки Кутейникова и Грекова почти всѣ бѣжали; онъ же, Перфильевъ, дождался прибывшихъ подъ вечеръ 22-го августа передовыхъ эскадроновъ Михельсона.

д) *Донесеніе войску Донскому Качалинской станицы атамана, отъ 17-го августа 1774 г.* (Извлеченіе.) Получено извѣстіе, что 16-го числа августа полковники Кутейниковъ и Грековъ, соединясь съ легкою полевою командой, Пугачева настигли на рѣчкѣ Праленкѣ, и „стремительнымъ образомъ сочиня съ нимъ баталію", толпы его разбили, но самъ злодѣй къ Царицыну и Дубовкѣ убѣжалъ. А 15-го числа получено отъ Иловлинской станицы свѣдѣніе, что за оной показалась партія изъ 5 человѣкъ, которая разглашаетъ, что на рѣкѣ Иловлѣ еще другая партія, человѣкъ во сто, а кромѣ того партія отъ злодѣя послана на Медвѣдицу и Донъ, тысячъ въ девять, и слышно, что злодѣй намѣренъ кинуться на Кубань, и притомъ разбрасываетъ злодѣевъ указъ.

е) *Рапортъ войску Донскому походнаго атамана Василья Перфильева, отъ 6-го сентября 1774 г.* (Извлеченіе). Злодѣй перетащился за Волгу, не болѣе человѣкъ въ двадцати, да человѣкъ по пятидесяти волочатся вверхъ по Волгѣ на рѣчку Узень, почему и примѣчается, что оный злодѣй къ Яику или къ Башкирцамъ волочится. Изъ рапорта полковника Иловайскаго видно, что отряженъ будучи къ Царицыну, онъ на слѣдъ его напалъ. Въ Царицынъ прибыли 1-го сентября генералъ-поручикъ Мансуровъ, а 2-го генералъ-поручикъ Суворовъ, и на сихъ дняхъ полковникъ Михельсонъ съ корпусомъ переправляется въ Царицынѣ за Волгу.

ж) *Походнаго атамана Луковкина рапортъ, отъ 22-го сентября 1774 года.* (Извлеченіе). О разбитіи имъ Пензенскаго уѣзда, близь слободы Баланды, мятежнической шайки, причемъ взято въ плѣнъ 97 человѣкъ. Изъ именнаго списка плѣннымъ оказывается, что большинство ихъ помѣщичьи крестьяне, частію экономическіе и однодворцы, а также три помѣщика, именно: Шацкаго уѣзда, отставной корнетъ Василій Дементьевъ сынъ Васильевъ, Нижнеломовскаго уѣзда, отставной подпоручикъ Николай Никитинъ сынъ Чевкинъ съ женою и, того жь уѣзда отставной подпоручикъ Александръ Лукинъ Евсюковъ.

ERRATA.

На стр. 93 вмѣсто 1.000 р. должно быть 100.000 р.

Цѣна 75 копѣекъ.

